НАРОДНЫЯ ПѢСНИ
ГАЛИЦКОЙ И УГОРСКОЙ РУСИ,

СОБРАННЫЯ

Я. Ѳ. ГОЛОВАЦКИМЪ.

ЧАСТЬ III.

РАЗНОЧТЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ДУМЫ И ДУМКИ.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.
1878.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

Русскіе крестьяне Чортковскаго уѣзда села Ермаковки въ восточной Галичинѣ.

ГАЛИЦКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I

ДУМЫ.

А. БЫЛЕВЫЯ.

а) Воспѣвающія дѣянія народныя Козацкія.

1.

Перебійнôсь.

(Ср. Метлинскаго 399, Кулиша Записки I, 271.)

Не дивуйтеся, добры люде,
Що на Вкраинѣ повстало,
Ой за Дешевомъ, пôдъ Сорокою,
Множество Ляхôвъ пропало!

Перебійнôсь водитъ не много,
Сêмь сотъ Козакôвъ съ собою,
Рубае мечемъ головы съ плечей,
А решту топитъ водою.

Ой пійте, Ляхи, воды калужій,
Воды калужій болотняныи,
А що пивали по той Украинѣ
Меды та вина сытныи.

Зависли Ляшки, зависли,
Якъ чорна хмара на Вислѣ;
Ляцкую славу загнавъ пôдъ лаву,
Самъ бравый Козакъ гуляе.

Нуте, Козаки, у скоки,
Заберѣмося пôдъ боки,
Заженѣмъ Ляшка, вражого сына,
Ажъ за той Дунай глубокій.

Дивуютъ Ляхи, вражіи сыны,
Що ти Козаки вживаютъ,
Вживаютъ они щуку рыбаху.
Ще й соломаху зъ водою.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ Козакъ пляше,
На сивôмъ коню горою:
Мушкетомъ бере, ажъ серце вяне,
А Ляхъ вôдъ страху вмирае.

Ой чи бачъ, Ляше, що по Случъ наше,
По Костяную могилу:
Якъ не схотѣли, забунтовали,
Та й утеряли Вкраину.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ панъ Хмельницкій
На Жовтôмъ пѣску пôдбився:
Вôдъ насъ, Козаки, вôдъ насъ, юнаки,
Ни́ одинъ Ляшокъ не скрывся.

Нуте жъ, Козаки, у скоки,
Заберѣмося въ боки:
Загнали Ляхôвъ за рѣчку Вислу,
Що не вернутся и въ три роки!

(Записана въ Тернопольскомъ Уѣздѣ.)

2.

Нечай.

(Срав. I, 6.)

Ой у Краснôмъ на ставочку
Туманъ осѣдае,
Чатовали Козаченьки
У зеленôмъ гаю.

Ой поставивъ Козакъ Нечай
Та сторожи въ мѣстѣ,
А самъ пôшовъ до кумоньки
Звôнокъ рыбы зъѣсти.

Та вôнъ засѣвъ коло стола,
Зъ дрôбна промовляе,
А съ кумою изъ любою
Медъ, вино кружае.

Ой заржали кониченьки
Та посередъ гаю,
Кличе Козакъ молоденькій:
«Утêкай, Нечаю!» —

«Якъ я маю, Козакъ Нечай,
Звôдси утêкати,
Славу свою Козацькую
Марне потеряти.» —

«Стережися, мôй Нечаю,
Студенои воды,
Ѣде Ляхôвъ хоть сто тысячъ,
Хорошои вроды.»—

«А я Козакъ Запорожець,
Ляхôвъ не боюся,
Ой маю я Козаченькôвъ,
Та й оборонюся.» —

«А я тебе, мôй Нечаю,
Не убезпечаю,
Держи собѣ шабелёчку
Та пôдъ опанчею.» —

«Кульбачъ, хлопче, коня собѣ,
Мêнѣ вороного,
Ѣде Ляхôвъ хоть сто тысячъ,
Еще то не много.» —

Гей не встигъ же Нечаенко
На коника всѣсти,
Оглянется назадъ себе,
А вже Ляхи въ мѣстѣ.

Ударився Нечаенко
По полахъ руками,
Сюда гляне, туда гляне —
Грече кровъ рѣками.

Ой кинувся Козакъ Нечай
Вôдъ башты до башты,
Ой зачавъ же вôнъ тыхъ Ляхôвъ,
Якъ снопами класти.

Ой кинувся Козакъ Нечай
Вôдъ брамы до брамы,
Оглянувся позадъ себе —
Грече кровъ рѣками.

Ой спôткнувся Козакъ Нечай
На хмêль, на тычину,
Злапавъ ёго панъ Борейко
Съ заду за чуприну:

«На день добрый, Козакъ Нечай!
Якъ ся намъ тутъ маешъ?
Що жъ ты собѣ лишь погадавъ,
Вже въ рукахъ зôстаешъ?

А где жъ твоя, Козакъ Нечай,
Хорошая жêнка?» —

«Ой у пана у Гетьмана
Сидить якъ Жидовка.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Хорошія дѣти?» —
«Ой у пана у Гетьмана,
Якъ ружовы квѣты.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Вороныи коні?» —
«Ой за гаемъ, за дунаемъ,
Стоятъ на припонѣ.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Малёваны скрині?» —
«Ой забрали тоті Ляшки,
Що пасали свині.» —

«А вы, хлопці, та й молодці,
Поклонѣться жёнцѣ:
Поклонѣться, перекажѣть,
Нещасній невѣстѣ:

Мае она сукні, мае,
Мае и блаваты,
Нехай пріѣзжае, та Нечая
Изъ неволи выкупляти.» —

«Не хочемъ мы, Козакъ Нечай,
Твоихъ суконъ, ни блаватôвъ,
Тôлько хочемо мы тебе
На макъ порубати.» —

Чи не той то хмѣль хмелевый,
Що въ меду купався,
Чи не той то Козакъ Нечай,
Що зъ Ляхами грався?

Чи не той то хмѣль хмелевый,
Що по тыкахъ вьется,
Чи не той то Козакъ Нечай,
Що зъ Ляшками бьется?

Не вважали вражи Ляхи
На хорошу вроду:
Драли тѣло по кусочку,
Пускали на воду.

(Записано отъ слѣпца лирника, Ѳомы Зеленчука, въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

3.

О томъ же.

(Въ другихъ мѣстахъ таковъ конецъ:)

Гей изнѐсся Нечаенко
А въ бо̂ръ на тичину,
Щобы ёго панъ Зборовскій
Не взявъ за чупруну.

Гей изнѐсся Нечаенко
По̂дъ млынъ на тичину,
Щобы ёго панъ Потоцькій
Не взявъ за чуприну.

Але и тамъ Нечаенка
Та на стовпъ убито,
Чорненькою китайкою
Оченькы прикрыто.

4.

О томъ же.

(Ср. I, 97; II, 592; Жег. Паули I, 145.)

Уже три дни й три недѣли,
Якъ Нечая въ во̂йнѣ вбили,
Надъ нимъ коникъ зажурився,
Копытами въ землю вбився:

«Не стôй надо мною,
Бо я вижу вѣрность твою;
Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубровою;
Якъ прибѣжишь до домочку,
Склони свою головочку,
Та ударь ты копытами
Передъ нашими воротами:
Выйде отець—утѣшится,
Выйде мати—засмутится:
«Где жь ты подѣвъ, коню, Йвана,
Мого сына, свого пана?»—
«Насъ Поляки сдогонили,
Твого сынка съ собой взяли.
А ты, мамко, не журися,
Уже твôй сынъ оженився:
Взявъ вôнъ собѣ дружиночку,
Высокую могилочку,
Высокую могилочку, —
Зеленую муравочку.

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

5.

Михай.

(Отрывокъ; ср. I, 22, 98; II, 600; Метл. 447.)

Доломъ, доломъ, долинами,
Идутъ Турки съ Татарами,
А за ними вôзъ укрытый,
А въ тôмъ возѣ панъ убитый,
Передъ ними Турчинъ ѣде,
Въ правôй руцѣ палашъ держитъ,
Держитъ палашъ въ правôй руцѣ,
Въ правôй руцѣ, на китайцѣ;
А зъ палаша кровця кане,

Зъ тои кровцѣ рѣчка тече,
Надъ рѣчкою воронъ краче.
Михалева мати плаче:
«Не плачь, мати, не фрасуйся,
Не дуже мя порубано,
Не дуже мя пострѣляно:
Мои ручки на три штучки,
А головка на чотыре,
Бѣле тѣло, якъ макъ цѣло.
Не плачь, мати, не фрасуйся:
Сынка твого поховано,
Вже му хатку збудовано,
И безъ дверей, безъ вôконець,
Михалеви вѣчный конець.»

6.

(Отрывокъ, записан. въ с. Лучкахъ около Мукачева, въ Берегскомъ Уѣздѣ.)

Ой на горѣ кôнь Турецкій,
На тôмъ конѣ хлопець Царскій,
Въ правôй руцѣ саблю несе,
Зъ тои саблѣ кровця тече,
Зъ тои кровцѣ рѣчка плыне,
На товъ рѣчковъ верба росте,
Надъ товъ вербовъ воронъ краче,
Тото моя мамка плаче:
«Не плачь, мамко, не журися,
Не дуже я порубався:
Лемъ ручечкы на стучечкы,
Головицю на четверо.
Глядай, мамко, лѣкарочку,
Зеленую муравочку;
Глядай, мамко, довгый столець,
Бо вже мéнѣ вѣчный конець.»

7.

Сава.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда. Ср. I, 18; II, 600, 723.)

Ой бувъ собѣ та панъ Сава
    Въ Миру на обѣдѣ,
Ой не знавъ вôнъ та не вѣдавъ
    О своéй тяжкôй бѣдѣ.

А прiѣхавъ та панъ Сава
    До нового двору,
Пытаеся челядоньки:
    «Чи е гараздъ въ дому?»—

«Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
    Счаслива година:
Породила наша паннй
    Хорошого сына.» —

Сѣвъ панъ Сава конець стола,
    Дрôбнñ листы пише,
А Савиха молодая
    Дитину колыше.

«Пôди, хлопче, до пивниць,
    Вточи ми горѣлки,
Най ся напью за здоровье
    До своеи жêнки!

Пôди, хлопче, до пивниць,
    Вточи мêнѣ вина,
Най ся напью за здоровье
    До своегô сына!

Пôди, хлопче, до пивниць,
    Вточи мêнѣ меду:
Чогось мêнѣ тяжко, нудно,
    Головки не зведу.» —

Пôшовъ хлопецъ до пивницѣ
На порôгъ ступае,
А вже Козакъ молоденькій
У двôръ уѣзжае.

«На день добрый, пане Саво!
Якъ ся намъ ту маешь?
Далекіи гостѣ маешь,
Чимъ же ихъ пріймаешь.» —

«Пріймавъ бымь васъ медомъ, виномъ,
Не схочете пити,
Либôнь бо вы пріѣхали
Мене загубити.» —

А кинувся та панъ Сава
До ясного меча, —
Взяли Саву на три списы
Та зъ правого плеча.

А кинувся та панъ Сава
До яснои зброи, —
Взяли Саву на три списы,
Вынесли зъ покою.

«А ну, хлопцѣ молодцѣ,
Въ гору пôдносѣте,
А изъ Савы, изъ собаки,
Кости принесѣте!

А де жъ твои, пане Саво,
Сукнѣ, аламашки» и проч.

Не боится Козаченько
Нѣ грому, нѣ тучи,
Хорошенько въ кобзу грае,
До Савихи йдучи.

(Записана отъ слѣпца лирника Өомы Зеленчука въ Золочевск. Уѣздѣ.)

8.

О томъ же.

(Изъ Гуцуловъ. Ср. I, 18; II, 600.)

Бувъ панъ Сава на панскôмъ обѣдѣ,
Вôнъ несчювавъ, шо вôнъ буде у великôй бѣдѣ.

«Сѣдлай, хлопче, собѣ коня, мêнѣ вороного,
Пôдемъ, пôдемъ, до Гуманю, до покою свого.»—

Пôшли они до Гуманй до покою свого,
Пытаетсе челядочки, ци не чюти чёго,

«Ой все миромъ, пане Саво, неслава се стала,
Ваша жона, наша панй, кежкй муки мала.»—

«Наточй ми, хлопче, горѣвки та меду,
Екій кежêнь ми на души, головки не зведу.»—

Не наточйвъ горѣлочки съ першеи пивницй,
Ой налегло гайдамашкôвъ повно у свѣтлицѣ.

Сидитъ Сава коло стола, дрôбне листье пише,
А Козачёкъ неборачёкъ дитинку колыше.

«Ай та люлю, ай та люлю, ай та люлю, враже,
Черезъ тебе, сатаночку, вся Вкраина ляже.»—

А кинувсе та панъ Сава до еснои речи,—
Уфатили пана Саву по пôдъ бѣлй плечи.

А кинувсе та панъ Сава до есной зброи—
Уфатили пана Саву та на списъ идъ горѣ.

«Ой хотѣвъ ты, пане Саво, на свѣтѣ тревати,
Було не йти до Мерѣвки церквы розбивати.

А де твои, пане Саво, бѣлй сорокôвцй?»—
«Ой забрали тоты хлопцй, шо пасали вôвцй.»—

«А де твои, пане Саво, жôвтй та червонй?»—
«Ой забрали тоты хлопцй, шо пасали кони.—

А де твои, пане Саво, вороніи коні?»—
А въ мѣстечку Берёздечку стое на припонѣ.»—

«А де твои, пане Саве, малёваний возы?»—
«А въ мѣстечку Берёздечку заточений въ лозы.»—

«А де твои, пане Саво, дрôбненькіи дѣти?»—
«А въ мѣстечку Берёздечку якъ рожаний цвѣты.»

(Зап. мною въ Криворовнѣ Коломыйскаго Уѣзда.)

9.

(Ср. I, 24.)

Ой була, була, вдова молода,
Сидѣла она по конець стола,
Ой мала, мала, сына Василя,
Якого мала, выгодовала,
Коня купила, до войны дала.
Найстарша сестра коня вывела,
А середуща зброю вынесла,
А наймолодша лѣску вторила:
«Ой брате, брате, ой ты, брате нашъ,
Коли ся вернешь въ гостину до насъ?»—
«Ой выйди, сестро, на круту гору,
Та подивися на быстру воду,
Та якъ тамъ буде камêнь плавати
Тогды будемо зъ войны вертати.»
Ой выйшла сестра на круту гору,
Та подивила на быстру воду,
«Всѣ новобранцѝ вже зъ вôйны йдуть,
Нашого брата лишь коня ведутъ.
Ой новобранцѝ, вы всѣ въ разъ пôшли,
Где жь вы нашого брата лишили?»—
«Турки, Татаре, голову стяли,
Мы грѣшне тѣло въ землю сховали,
А срêбну зброю за погрêбъ дали,
Коня вороного въ знакъ привели.»

(Запис. въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

10.

Ревуга.

(Ср. Макс. 1834, 82; Метл. 374.)

Ой нашъ батько Ревуга красны̀ кони мае,
Якъ си сяде на одного, якъ море гуляе.

Грай, море, Бѣле море, Чорне море,
Гала, гиды, га!
Гала, гала, гала, гала!
Гала, гиды, га!

Жадна птиця на воздухахъ не докаже того,
Що нашъ батько Ревуга доказуеть много.

Грай, море, Бѣле море и пр.

О выѣхавъ Ревуга на конѣ гуляти,
Перевѣсивъ черезъ себе свой сердакъ багатый. *

Грай, море, Бѣле море, и проч.

То съ карого на гнѣдого къ земли припадае,
Для своеи любезнои цвѣточки збирае.

Грай, море, Бѣле море, и пр.

Не знавъ батько Ревуга, якъ имя кобылѣ,
Ахъ-Тамйра-Бахтырахъ на цѣле Подôлье.

Грай море, Бѣле море, и проч.

Ой ты, гулька, моя мила, якъ на тебе сяду,
Носи жь мене по всêмъ свѣтѣ, я съ тебе не спаду.

Грай, море, Бѣле море, Чорне море,
Гала, гиды, га!
Гала, гала, гала, гала!
Гала, гиды, га!

(Зап. въ Тернопольскомъ и Золочев. Уѣздахъ.)

---

* Другіе поютъ: «Перевѣсивъ черезъ плечи сагайдакъ багатый.»

ДУМЫ

б) О событіяхъ обыкновенныхъ лицъ.

1.

(Ср. т. I, 62.)

Цы чули вы, люде добрѝ, о такой новинѣ,
Що убито Петруся у мѣстѣ Жулинѣ,
А за тоту паню, що вна пана мала,
Зъ великого панства хлопа си кохала?
Кохала вна го три четверти року,
Доки ся не дознали панскѝ слуги зъ боку.
Якъ они ся дознали, взяли засѣдати:
«Чо тобѣ, Петрусю, такъ съ часта бувати?» —
«Не хотѣвъ я ту бути, сама паня слала,
На однôй годинѣ сѐмь слугôвъ прислала,
А за осьмымъ разомъ сама пріѣхала.» —
Догоняютъ пана на яловôмъ мостѣ:
«Вертай, пане, до домоньку, е въ ѐй мостѝ гостѝ!» —
«Не доказуй, не доказуй, ты мôй слуго того,
Моя паня вельможная, шляхетного роду.» —
«Якъ менѣ, вѣрному слузѣ, мôй пане, не вѣришь,
То ми своевъ шабелькою въ голову вôдмѣришь.» —
Ой вернувся та панонько зъ великой дороги,
Та застае свою паню съ Петрусѐмъ въ коморѣ.
А вдарився бѣдный Петрусь по полахъ руками:
«Ой, пани моя ласкавая, пропавъ же я зъ вами!
Ой дати бы, дати, до матѐньки знати,
Щобы прійшла матѐночка сына поховати.» —
Нѝ отецъ, нѝ мати, Петруся ховала,
Ай Жулинска паня грôшьми посыпала.

2.

(Ср. т. I, 45.)

Ходитъ Турчинъ по рыночку, гей, мори, мре!
Та торгуе дѣвку Руску, серце мое!
Дае за ню сто червоныхъ, гей, мори, мре!
Та взявъ вôнъ ю за рученьку, серце мое!
Привêвъ вôнъ ю до кôмнаты, г., м., м.
А самъ си сѣвъ въ карты грати, с. м.
Казавъ еи йти по горѣлку, г., м., м.
«Дай горѣвки не мѣривши,» — с. м.
«Давай гроши не лѣчивши!» — г., м., м.
Сама сѣла та й думае. с. м.
«Що ты, мила, що думаешь? г., м., м.
Що ты, мила, що думаешь?» — с. м.
«Ой мала я чтыри братей, г., м., м.
Ой мала я чтыри братей, г. м.
Еденъ пôшовъ Туреччиновъ, г., м., м.
Другій пôшовъ Московщиновъ, с. м.
Третій пôшовъ въ свѣтъ за очи, г., м., м.
А четвертый не выдума, с. м.
Отець, мати не видѣли, г., м., м.
Отець, мати не прощали, с. м.
Якій теперь свѣтъ наставъ, г., м., м.
Що братъ сестру не пôзнавъ, с. м.

3.

Немирôвна.

(Ср. Метл. 284; Вацл. изъ Олеська 515.)

Ой роспилася Немирôва на меду,
Та й пропила свою доньку молоду.
У недѣлю пораненько зъ всхôдъ сонця,
Сидитъ, плаче, Немирôва въ вôконьци:
«Що я таке, старенькая, зробила,

Що я свою рôдну доньку пропила?»
Утêкала Немирôва по при млынъ, млынъ,
За невъ, за невъ, панъ Шенкевичъ самъ одинъ
Чо вôдъ мене, Немирôвна утêкаешь?
Чи ты мене. Шенкевича, не знаешь?» —
«Не втêкаю, Шенкевичу, али йду,
Бо я тебе, Шенкевича, не люблю.» —
Утêкала Немирôва по при плôть,
За невъ, за невъ, панъ Шенкевичъ самотрêть.
«Чо вôдъ мене, Немирôвна, боса йдешь,
Чи ты въ мене черевичкôвъ не маешь?—
«Є у мене черевичкôвъ все двое.
Но ты молодъ не до красы до моей.»—
«Чо вôдъ мене, Немирôвна, нага йдешь?
Чи у мене дорогихъ суконъ не маешь?—
«Ой е у мене дорогихъ суконь все двое,
А ты молодъ не до красы до моей.»—
«Чо водъ мене Немирôвна пѣшки йдешь,
Чи ты въ мене вороныхъ коней не маешь?»—
Є у мене вороныхъ коней все двое,
А ты молодъ не до красы до моей.»—
Ой присиливъ Немирôвну до коня:
Теперь ты мôй, Шенкевичу, я твоя.—
«Суда, суда, сивый коню, лугами,
Та й рознеси Немирôвну тернами!»—
«Ой дай же ми, Шенкевичу, ясный мечъ,
Най выберу чорне терньє зъ бѣлыхъ плечъ!»—
Якъ она той ясный мечъ дôстала,
Заразъ си го у серденько загнала.
«Вези мене, Шенкевичу, до вôтця,
Отворить ти стара мати ворôтця.»—
Отворила стара мати, не чула:
«Ой вѣдей ты, моя дочко, заснула;
Ой вѣдей ты, моя донько, дрêмала,
Що ты собѣ у серденько той мечь загнала.»—

(Записана въ с. Раковцѣ надъ Днѣстромъ, въ Коломыйскомъ Уѣздѣ.)

4.

(Ср. I, 77.)

Ой ходила Маруненька по валу,
Та кликала Ивасенька по малу:
«Ой по малу, Ивасеньку, говори,
Щобъ не вчула стара мати зъ коморы.»—
Ой учула стара мати зъ коморы:
«А съ кѣмъ же ты, Маруненько, говоришь?»—
«Съ кухарками, моя мати, говорю:
Выправляю до кирницû по воду.»—
«Ой є въ мене медъ, вино, напійся,
Ой є въ мене пшеничный хлѣбъ, живися,
Ой є въ мене бѣла постêль, проспися,
Ой є въ мене садъ вишневый, пройдися!»—
Ой а въ той часъ матуненька заснула,
Мариненька съ Ивасемъ дуйнула.
Ой устала стара мати раненько,
Побудила челядоньку борзенько:
«Ой вся моя челядонька освила,
А не всвила Маруненька дитина.
Запрягайте, сыны мои, воронû конû,
Та бѣгайте за Марусевъ въ погонû.»—
Догоняютъ Маруненьку въ пôвъ моря:
«Вертай, наша Маруненько, до дому!»—
«Не на тонь ся, мои братья, выбрала,
Та щобы я до домоньку вертала.
Ой лишила я слѣдоньки по двору,
Ой лишила я слêзонки по столу,
Ой лишила я ключики въ пивницû,
Ой лишила я вѣночокъ зъ главыцû.
Що ся моя мати на вѣнокъ погляне,
То все она свою доню спомяне:
«Ой десь моя Маруненька, дитина,
Що она то въ тôмъ вѣночку ходила.»

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

5.

Ср. I. стр. 77.

Ой надъѣхавъ Ивасенько съ Подôля.
Задрôжала сыра земля отъ коня,
Задрôжала сыра земля вôтъ него.
Ажъ вôдпала пôдкôвочка съ пôдъ него.
Ой вôдпала пôдкôвочка съ пôдъ коня.
Ой сталася съ Ганусеньковъ розмова:
Чула тое матусенька зъ коморы:
«А съ кимъ же, донусенько, говоришъ?»—
«Съ кухарками, матусенько, говорю,
Выправляю по водицю до морю.»—
«На що жь тобѣ, моя доню, водицѣ?
Ой маешь ты солодкій медъ, напійся,
Ой маешь ты пшеничный хлѣбъ, живися,
Ой маешь ты бѣле ложе, проспися,
Ой маешь ты садъ вишневый, пройдися!»—
«А все тото, матусенько, нй за що,
Бо я маю мешканьечко ледащо.»—
Ой якъ уся челядонька заснула,
Ганусенька съ Ивасенькомъ дуйнула.
Ой устала матусенька раненько,
Побудила челядоньку пилненько.
«А вся моя челядонька освила,
Лишь не всвила Ганусенька дитина.
Упрягайте, сыны мои, конй воронй,
Та ѣдьте вы за Ганусевъ въ погонѣ!»—
Догонили Ганусеньку въ пôвъ бору:
«Вертай съ нами, сестро наша, до дому.»—
«Не на то я ся, два братчики, выбрала,
Та що бы я до домоньку вертала.
Поклонѣтся матѣнонцѣ одъ мене,
Най не сушитъ головоньки за мене;
Поклонѣтся, два братчики, сестрицѣ,
Лишила 'мь ей два вѣночки въ пивницѣ.

Що сестриця на вѣночки погляне,
А все мене молоденьку спомяне:
А где сь моя сестриченька якъ ружä,
Якъ у чужôй сторонцѣ калужä,
А где сь моя сестриченька золота,
Якъ у чужôй сторононцѣ сирота.

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

6.

(Ср. I, стр. 77.)

Высунулася чорна хмара зъ за горы,
Ѣде, ѣде, Козаченко на конѣ;
Ой пôдъѣхавъ Козаченько пôдъ хату,
Дала му Марысенька бѣлу ручку витати:
«По тихенько, Марысенько, говори,
Щобъ не чула стара мати зъ коморы.»—
Ой учула стара мати зъ коморы:
«А съ кимъ ты тамъ Марысенько, говоришь?»—
«Съ кухарками, съ челядкою, говорю,
Посылаю съ коновками по воду.»—
«На що жь тобѣ, Марысенько, та вода?»—
«Напитися и вмытися и на все треба.»—
«Ой маешь ты, Марысенько, медъ солодкій, напійся,
Ой маешь ты, Марысенько, вино чисте, умыйся,
Ой маешь ты постêль бѣлу, проспися,
Ой маешь ты садъ вишневый, пройдися!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

7.

(Ср. I, 59; II, 602.)

Ой летѣла зазуленька зъ гаю до села:
«Чому жь наша шинкарочка смутна, невесела?
Чому жь она не весела, на серденьку чуе?
Ой бо ей молодъ шинкарь дома не ночуе.

«Ой втекаймо, пане брате, та изъ тои хаты,
Най лягае молодъ шинкарь съ шинкарочковъ спати!»
Она лягла на запечокъ, а вôнъ на припечку,
А якъ же вôнъ твердо заснувъ, засвѣтила свѣчку;
А якъ свѣчку засвѣтила, та стала гадати:
Чи го маю порубати, чи ще зачекати.
Якъ го взяла межи очи, ажь кровъ вся блюзнула:
«Теперь я ся, молоденька, вороженька сбула!»
Ой втекала до матоньки, та на задні дверці:
«Ой отвори, матуненько, не ма въ мене серця!»
Мати дверû отворяла, та й ся догадала:
«Чи не ты то, суко доню, сама зарубала?
Якъ же ты го зарубала, не будешь ты жити,
Лише пôдешь, суко доню, въ сыру землю гнити!»

8.

(Т. I, стр. 56.)

Сеи ночи о пôвночи, ще куры не пѣли,
Ишовъ Ивась до Марисû, люди не видѣли:
«Помагай Богъ, Марысуню, помагай Богъ, серце!» —
Она ему отповѣла: «Забей женку першу!»—
«Якъ же мѣнѣ, Марысуню, слюбну женку бити?
Слюбна женка, якъ ластôвка, буде ся просити.»—
«Забей каглу, забей пару, скажешь загорѣла,
«Заведи ѐ въ лѣсы темнû, скажешь, що вздурѣла.»—
Завѣвъ еѐ въ лѣсы темнû, зачавъ ей лишати,
Слюбна женка, якъ ластôвка, зачала плакати:
«Та не жаль ми, Ивасуню, себе молодои,
Але жаль ми, Ивасуню, дитинки малои.
Та не жаль ми, Ивасуню, що я буду гнити,
Але жаль ми, Ивасуню, съ кимъ ты будешь жити.»
Сеи ночи о пôвночи вже куры запѣли,
Ишовъ Ивась до Марысû, люди вже видѣли:
«Ой дамъ я ти, Марысуню, коня вороного,
Пôди, пôди, та приведи пріятеля мого!»—

«Шкода, шкода, Ивасуню, коня вороного,
Якъ не було, такъ не буде, пріятеля твого.»—
«То я дамъ ти, Марисуню, набитую скриню,
Лише пôди, приведи ми пріятельку мою!»—
«Шкода, шкода, Ивасуню, набитои скриний,
Ой не було, та й не буде, вже въ тебе газдиний.»

9.

(Ср. I, стр. 84.)

А у мѣстѣ, въ крайнôмъ домѣ,
Пили, пили, Козакове,
Пили, пили, не платили,
Шенкарочку пôдвовили:
«Сядай, сядай, Касю, зъ нами,
На той возокъ малёваный!»—
«Я бы зъ вами поѣхала,
Бымъ ся мамы не бояла.»—
Кася на маму не вважала,
Съ Козаками поѣхала:
«Вставай, мамо, до кудели!
Шукай Касю по постели!»
А сусѣда повѣдала,
Що вже Каська поѣхала:
«А вставайте, сыны мои,
Доганяйте сестры своей!»
Гнали, гнали, не догнали,
Ажъ въ Варшавю спôзнали:
Ходитъ Кася по рыночку,
Носитъ дитя въ подолечку:
«На добрый день, сестро наша!
Где 'сь подѣла швагра Яся?»—
«Сидитъ Ясê въ покоику,
Піе вино съ пахоликомъ.»—

«Пôди, Касю, до пивницѣ,
Вточи вина три скляницѣ!»
Закимъ Кася съ виномъ прійшла,
За той часъ зъ Яся душа выйшла.

10.

(Ср. I, 73, 187 и II, 57.)

А у полю тернина
Бѣлымъ цвѣтомъ зацвѣла,
А съ пôдъ тои тернины
Выйшла вдова молода;
Выйшла вдова молода,
Породила хлопцêвъ два;
Якъ она ихъ вродила,
Въ чорный китай завила;
Въ чорный китай завила,
Та й на воду пустила.
А на семôмъ та року,
Выйшла вдова по воду,
А два хлопцѣ надплывае,
И до неи промовляе:
«Ой ты, вдово молода,
Та прійми насъ хлопцêвъ два!»—
«Ой я вдова молода,
Прійму я васъ хлопцêвъ два:
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.
А въ суботу звѣнчали,
А въ недѣлю слюбъ дали.
«Ой ты мила, миленька,
Та личенькомъ бѣленька!
Скажи жь менѣ правдочку,
Якого ты родочку?»—
«А я зъ мѣста мѣщанка,

На прозвище Вôрмянка.»—
«А я зъ мѣста мѣщанинъ,
На прозвище Вôрмянинъ.»—
Бодай ненька не жила,
Сестру съ братомъ звѣнчала!

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

11.

(Къ т. I, стр. 187.)

Ой у поли тамъ теренъ,
Тамъ вôнъ вырôсъ самъ оденъ,
А тамъ вдова молода
Породила дунца два;
Якъ она ихъ вродила,
Въ чорный китай повила.
Въ коробочку вложила,
Въ коробочку вложила,
Въ тихій Дунай пустила.
«Вы, высоки береги,
Не стискайте ми сыны!
Вы, жовтые пѣсочки,
Кормѣть мои дѣточки!
А ты тихій, ты, Дунай,
Мои сыны не займай!»—
У дванадцатôмъ року
Выйшла вдова по воду,
Взяла вдова воду брати,
Зачавъ Дунай пôдбувати;
Зачавъ Дунай пôдбувати,
Взявъ коробенъ приплывати:
Оденъ сидитъ съ переду,
Та мругае на вдову;
Другій сидитъ изъ заду,
Та чеше си голову:

«Ой ты, вдово молода,
Чи любишь ты дунцѝ два?»—
«Ой я дунцû два люблю,
Та за Дунця я пôду.
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.»
Яка теперь година,
Шла бы мати за сына!
Якій теперь свѣтъ наставъ,
Що братъ сестры не пôзнавъ!
Иди, вдово, горою,
Зостанешься росою.
Ой на горѣ бѣлый цвѣтъ,
Буде слава на весь свѣтъ!

12.

(Ср т. I, стр. 87.)

Стара панѝ Кинска въ дома не бувала,
Молодая Августина въ вôкнѣ розмовляла,
Розмовляла явно въ день, розмовляла въ ночи,
Все то наробили ее чорнѝ очи.
Въ четверъ вечеръ пріѣзжае Капитанъ Московскій,
Самъ наперъ, за нимъ войско жовнярôвъ, якъ троскôвъ.
Самъ приходитъ до покою: «Добры вечѐръ, пане!»—
Вôнъ до нѐго зъ виномъ, зъ хлѣбомъ: «Здоровъ, Капитане!»—
«Не буду я вина пити, ни хлѣба кушати,
Ино 'мь пріѣхавъ тобѣ, пане, всю правду сказати.
Чи та панна въ тебе служитъ, чи то твоя дочка,
Та що по ню заѣхала моя повозочка?»—
«Колись хотѣвъ, Капитане, мою дочку взяти,
Було у день пріѣжджати, въ ночи не бувати.»—
Бере панну Августину и каже: «Прощайте!»
Вы, жовнѣры-солдаты, на передъ ступайте!»
Привêзъ панну Августину до нового дворку,

Самъ покинувъ Августину, самъ пôшовъ до полку.
«Ото жь тобѣ, Капитане, молодая жêнка,
Єдна въ груди, друга въ плечи, огневая стрѣлка!
Теперь тобѣ, Августино, новая кватыра:
Не слухала 'сь отца, матêрь, слухай Официра!»

13.

(Ср. I, 87; Паул. 26.)

Ой у мѣстѣ Гусятинѣ панна Романôвна,
Розмавляла зъ Официромъ поколь розумѣла;
Розмавляла, розмавляла годиноньку въ ночи,
Не вôнъ ею намавляе, его чорнѝ очи.
А у четверъ по вечерѣ Капитанъ Московскій
Ой поставивъ коло двора Москалêвъ ажь тросты;
Самъ увôйшовъ до покою: «Прощай мене, пане!»
Вôнъ до нêго зъ виномъ, зъ медомъ: «Прощай, Капитане!» —
«На що жь ты ми даешь пити, чи вина куштати,
Я пріѣхавъ такъ до тебе всю правду сказати.
Чи то, пане, служащая, чи то цурка твоя?
Заѣхала какъ по нею коляçочка моя.»
Бере панну за рученьку: «Люде, мня прощайте!
Вы, молодѝ Москалики, на конѝ всѣдайте!»
Поѣхала Романôвна въ счастливу годину,
Зоставляе вôтця, матêрь и всюю родину.

14.

(Ср. I, 81.)

«Пахолику на конику, поѣдемо въ поле!
Здыбали мы три паненки, въ зеленôй дубровѣ:
Перша була панна Анна, друга Маріанна,
А за третю не повѣмъ вамъ, бо то моя сама.
А пославъ я посланчика, що она тамъ чинитъ?

В'на вье вѣнки зъ материнки на зеленôй скринѣ.
А пôславъ я посланчика, абы слово дала,
Она на то ничъ не рекла, лишь ся засмѣяла.
А пославъ я посланчика, абы ложе слала,
В'на на тое ничъ не рекла, тôлько заплакала.
А взявъ я ѣй за рученьку, взявъ я и за обѣ,
Запровадивъ чрезъ дѣдинецъ до покою къ собѣ.
Штыри свѣчки изгорѣли, нимъ ся намовили,
Вже спалилось до пôвъ пятой, нимъ ся положили.
А вже въ ночи о пôвночи, о третѣй годинѣ:
«Обернися, серце мое, бѣлымъ личкомъ къ мѣнѣ!»—
«Не обернусь, не обернусь, бо головка болитъ,
А стратила я вѣночокъ безъ васпана воли.»

15.

(Паул. II, 8.)

Ой въ мѣстечку Берестечку стала ся новина:
Молодая Марусенька сыночка повила,
Повила го, повила го, у бѣлй пелюшки,
Ой покинула, закинула, у Дунай глубокій:
«Плыни, плыни, дитятко, плыни вразъ зъ водою,
Чей же я си погуляю ще зъ рôкъ дѣвонькою!»
Наѣхали рыболовы та й рыбы ловити,
Не зловили щуки рыбы, но зловили дите;
Взяли тое дитятенько до пана на раду:
«Сбирай, пане Отамане, всѣхъ дѣвокъ громаду!»
Всѣ дѣвоньки, панянoньки, напередъ идутъ,
И на своихъ головонькахъ вѣночки несутъ;
Молодая Марусенька по задью иде,
На своеи головонцѣ вѣнка не несе.
«Ой матусю, матусенько, чого ты змарнѣла?»—
«Ой Марусю, Марусенько, головка болѣла.»
Всѣ дѣвоньки, панянoньки, медъ, горѣлку пьютъ:
Молодую Марусеньку передъ дворомъ бьютъ;
Ой узяли Марусеньку за бѣлыи руки,

Закинули, закинули, у Дунай глубокій:
«Плыни, плыни, Марусенько, вразъ зъ водою,
Чей же собѣ погуляешь изъ рôкъ рыбонькою!»
Молодая Марусенька уже потопае,
А на свою матусеньку еще выкрикае:
«Ой маешь ты, матусенько, маешь дома двѣ,
Не дай же имъ розпустоньки, якъ дала 'сь мéнѣ.
Ой маешь ты, матусенько, маешь дома пять,
Не пускай ихъ на досвѣтки, нехай дома спятъ:
На досвѣткахъ чужа хата, та на землѣ спати,
Можетъ ся имъ пригодонька якая и стати.»

16.

(I, 73; II, 577; Паул. II, 24.)

Вандровало пахоля,
Зъ Кіева до Львова,
Вандруючи, пытаючи:
«А де корчма нова?»
Тамъ шенкарка молода:
«Шенкарочко молода,
Дай ми вина и пива!»—
«Якъ я тобѣ вина дамъ,
Коль на тобѣ злый жупанъ?»—
«Хоть у мене злый жупанъ,
Але въ мене грошій збанъ.»—
«Коли въ тебе грошій збанъ,
Я за тебе дочку дамъ.»
У избѣ ся звѣнчали,
У костёлѣ слюбъ брали,
А по тому спать клали.
«Ой ты милый, миленькій,
Якъ голубокъ сивенькій!
Уповѣжь ми правдочку,
Котрого жь ты родочку?»—
«Я нй зъ мѣста мѣщанинъ,

А нй зъ села селянинъ.
Я на прôзвище Карпôвъ сынъ.»—
«Ой ты мила, миленька!
Уповѣжь ми правдочку,
Котрого жь ты родочку?»—
«Я нй зъ мѣста мѣщанка,
Я нй зъ села селянка,
Я на прôзвище Карнова дочка.»—
«Бодай мати пропала!
Сестру съ братомъ звѣнчала!
Ой ты, сестро, здорова будь,
Я иду въ Божу путь,
Черчиковъ шукати,
Грѣхôвъ сповѣдати.

17.

(I, 88; Паул. II, 10.)

Не любивъ Романъ жоны,
Изъ людскои намовины,
Казавъ еи цѣну мыти,
О пôвночи ложе слати,
О пôвночи ити спати,
О росвѣтѣ стадо гнати:
«Не жени го гостинцями,
Ано жени манôвцями!»
Романиха не слухала,
Гостинцями стадо гнала,
Здыбало ю два братчики,
Два братчики молоденьки:
«Знать ты, сестро, слугъ не маешь,
Сама стадо выгоняешь?»—
«Ой маю жь я два служенки,
Два братчики молоденьки.»—
«Сестро наша, Романова,
Скажи, чи е Романъ дома?»—
«Ой е же мôй Романъ дома,

Сидитъ собѣ конецъ стола:
Пôдѣть, его привитайте,
Но, васъ прошу, не вбивайте!»
Скоро до свѣтлоньки впали,
Заразъ Романа звязали,
Вывели го въ чисте поле,
Тамъ Романа порубали:
Головоньку на четверо,
Бѣле тѣло, якъ макъ зерно.
Тамъ Романôвъ коникъ грае,
Романова омлѣвае:
«На що жь вы го порубали?
Мене 'сьте въ неславу дали?
Хоть мôй Романъ бувъ лихенькій,
Але бо вôнъ бувъ славценькій.»

18.

(Ср. I, 82.)

Ой е въ полѣ два дубы,
Схилилися до купы,
Межи тыми дубами
Тамъ вербонька стояла,
Пôдъ вербою свѣтлонька,
Въ тôй свѣтлонцѣ дѣвонька,
По свѣтлонцѣ ходила,
Косу русу чесала,
Косу русу чесала,
На молодцѝ моргала.
При березѣ, при морѣ,
Гулявъ Козакъ до волѝ;
Ой пье Козакъ, гуляе,
На молодцѣвъ гукае:
«А вы, хлопцѝ молодцѝ!
Скажѣть моей дѣвонцѣ,

Най она мя не любить,
Най собѣ лѣтъ не губить:
Бо я хлопець убогій,
Сѣмь сотъ воловъ въ оборѣ,
Сотня коней на стайнѣ,
А самъ въ синêмъ жупанѣ,
Ялôвнику безъ лику,
А дѣвчина въ лѣтнику.»
Якъ дѣвчина то вчула,
До городця скочила,
Накопала корêнья
Зъ пôдъ бѣлого камêнья,
Мочила го въ молоцѣ,
Чаровала молодцѣ;
Стала корêнь варити,
Взявъ ся милый журити;
Єще корêнь не вкипѣвъ,
А вже милый прилетѣвъ:
«Ой по що жь ты прилетѣвъ,
Коли мене не схотѣвъ?»—
«Якъ же мêнѣ не лѣтать,
Коли вмѣешь чаровать!»—
«Ой суть въ мене чароньки:
Бѣле личко, бровоньки.»

19.

(Т. I, 65, 66.)

Ой стояла компанія Канёвского пана,
Молодая боднарôвна цѣлу нôчь гуляла;
Пріѣхавъ панъ Канёвскій, всѣмъ добранôчь отдавъ,
Молодую боднарôвну обôймивъ и поцѣловавъ.
Ой шепнули стары люде боднарôвцѣ стиха:
«Втêкай, втêкай, боднарôвно, безъ бѣды, безъ лиха!»
Ой втêкала боднарôвна до горы межами,
А за нею панъ Канёвскій съ трêма Козаками;

Догонивъ ю еденъ Козакъ, притуливъ до себе:
«Молодая боднарôвно, та жаль мêнѣ тебе!»
Здогонивъ ю другій жовнѣръ, взявъ жаловати:
«Маешь отца, маешь матку, шкода тя рубати!»
Здогонивъ ю третій жовнѣръ, притуливъ до себе:
«Молодая боднарôвно, любитъ нашь панъ тебе.
Чи ты хочешь, боднарôвно, въ сырôй землѣ гнити,
Чи ты хочешь, боднарôвно, съ нашимъ паномъ жити?—
«Волѣю я, волѣю я, въ сырôй землѣ гнити,
Нёжь я маю, нёжь я маю, зъ вашимъ паномъ жити.
Въ сырôй землѣ жити буду, грѣха ся посбуду,
Съ вашимъ паномъ жити буду, грѣха ся набуду.»
Ой втёкала боднарôвна безъ вишневы сады,
Якъ выстрѣливъ панъ Канёвскій, та одъ разу забивъ:
«Ой мала ты, боднарôвна, запаску съ мерешковъ,
Куда ею проводили, все кровавовъ стежковъ.
Ой мала ты, боднарôвна, жовты черевички,
Куда ею провадили, плакали сестрички.
Ой привезли боднарôвну до новои хаты,
Ой а взявъ же старый боднарь за нёвъ жаловати.
Ой вдаривсе старый боднарь у полы руками:
«Казавъ я ти, моя доню, не пій съ двораками!»
Ой вдаривсе старый боднарь у стôлъ головою:
«Наложилась, доню моя, за всѣхъ головою!»
Ой пôшли они до лѣса, нарвали барвёнку,
Такъ убрали боднарôвну, якъ до слюбу дѣвку.
Ой пріѣхавъ панъ Канёвскій, взявъ ся слугъ пытати:
«Чи тутка е боднарôвна? Я буду ховати.»
Якъ насыпавъ панъ Канёвскій та на скрыню грошій,
Казавъ си исправити похоронъ хорошій.
А въ нашеи боднарôвны малёваны лавы,
Где сидѣли въ боднарôвны вельможныи паны.
А въ нашой боднарôвны новыи одвêрки,
Ой вже не ма, и не буде, боднарôвны дѣвки!

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

20.

(І, стр. 65 и 66.)

Ой у мѣстѣ у Бучачѣ
Круглый танецъ ходитъ,
Молоденька боднаровна
Всѣмъ переди водитъ.
Але прійшовъ панъ Каневскій,
Всѣмъ добрый день дае,
Молоденьку боднаровну
За ручку витае.
Молодая боднаровна
Та жарту не знала,
Ударила въ праве личко
Каневского пана.
Изрекли ей молоденькой
Та старенькі люде:
«Тѣкай-ко ты, боднаречко!
Лихо тобѣ буде!»
Ой втекала боднаровна
Лугами, лугами,
Выхопився панъ Каневскій
Зъ своими слугами.
«Хоть най кличе, хоть не кличе,
Я не его ровня,
Ой вонъ панъ, бо вонъ Гетманъ,
А я боднаровна!»
Та втекала боднаровна
Помеже крамници,
А застрѣливъ панъ Каневскій
Зъ новои рушници.
Але несли боднаровну
Та по подъ обоны,
Та вдарили боднаровнѣ
Красненько у дзвоны.

Але сказавъ панъ Канёвскій
Шёсть червоныхъ дати,
Лишень щобы боднарôвну
Красно поховати.

21.

(I, стр. 65 и 66.)

А у мѣстѣ, въ крайнôмъ дому, круглый данчикъ иде,
Молодая боднарочка на самъ передъ веде.
Прійшовъ, прійшовъ, панъ Канёвскій: «Добры день!» до хаты,
Євъ молоду боднарочку тъ собѣ пригортати;
А молода боднарочка тыхъ жертôвъ не знала,
Праву ручку выкрутила, та й поличку втяла.
Ой казали боднаречцѣ усе добры люде:
«А утёкай, боднаречко, лихо жь тобѣ буде!»
Ой имили боднаречку, привели до хаты,
А сфативсе панъ Канёвскій свôй штуцъ набивати;
Ой ударивъ боднаречку право противъ уха —
Боднаречка се вчинила ни пьена, ни глуха.
А вдаривсе старый боднарь по столу собою:
«Наложила боднаречка за всѣ головою!»
Не стôй, коню, коло плота, не дамъ тобѣ сѣна:
А молоду боднаречку срёбна куля зъѣла.
Не стôй, коню, коло плота, не дамъ ти оброку:
Выпадали боднаречцѣ срёбни кулѣ зъ боку.
Взели, взели, боднаречку по пôдъ бѣлѣ боки,
А дунули жь боднаречку на Дунай глубокій.
Єла жь вôтти боднаречка слегка выплывати,
Та до своей мамунечки стиха промавляти:
«А маешь ты, моя мамко, та донечокъ двѣ, двѣ,
Не дай-ко имъ таку волю, якъ есь дала менѣ!
А маешь ты, моя мамко, та донечокъ три, три,
Не пусти ихъ самыхъ въ корчму, най же дома сиде!»

А у тои боднаречки кривая мережка:
А куда ей та понесли, все кровава стежка.
А ковала зазулечка та по пôдъ Менчила:
Теперь ся се спѣваночка ео се скôнчила.

(Пѣла Оленица Рѣбенчучка, въ с. Криворовнѣ Колом. Окр.)

22.

Чи вы чули, люде добрî, таку новиночку,
Шо истели Кулимнюки тоту Ириночку?
А екъ они истинали, она се просила:
«Не стинай мя, Олексочку, маюмь съ тобовъ жила.»—
«Буду тебе бити, бити, бити, та рубати,
Буду твои чорни очи на нôжъ выбирати.»—
«Ой братчику Михайлочку, дай-ко въ село знати,
А най выйде старый Попикъ мене сповѣдати!»
Ой а выйшовъ старый Попикъ, та й выйшла ненечка:
«Обертайте Иринечку на противъ сонечка!
Обертайте Иринечку на противъ сонечка,
Та пôзнавай, боднарючко, чи твоя донечка!» —
«А я же вамъ, братя мои, лише разокъ гляну,
Чому бы я не пôзнала вже свою детину!»
А ковала зазулечка межи потоками:
Єкъ заплаче боднарючка зъ усѣма доньками!
Заплакала боднарючка та й заголосила:
«Ой донечко Иринечко, шо жь ты завинила?
Ой донечко Иринечко, шо жь ты завинила,
Шо ты свою головочку на порôгъ склонила?
Шо ты свою головучку на порôгъ склонила,
Шо ты своевъ сыровъ кровьевъ землю сповенила?
Ой донечко Иринечко, де бы те сховати? —
«На цвинтари у хôтари, де бы рôдна мати.»—
«Ой донечко Иринечко, кôлько бы дзвѣнити?» —
«Въ штыре звоны на Николи Богу се молити.»
У пасѣцѣ мêнѣ бджолы, за пасѣковъ осы:

А вже жь тота боднарючка плаче та голоси.
«Ой не плачь-ко, боднарючко, не плачь, не смуткуйсе!
Не прійде донечка въ гостй, сама помѣркуйсе!
Озьми-ко ты, боднарючко, жовтого пѣсочку,
Опыпь же нимь ще донечцѣ та коло гробочку!
А екъ же той та пѣсочокъ на гробочку зôйде,
Тогди твоя та донечка у гостину прійде.
Ой чули то Кутскû паны, взели пôдслухáти:
«Де Кулимнюковъ найдете, на макъ порубати!»
А вчула жь то Кулимниха, та на волу стала,
Усѣ панскіи гайдучки до себе зôзвала;
Усѣ панскіи гайдучки до себе зôзвала,
А каждому та гайдучку по таляру дала:
«А вы се сû талярики на меду пропійте,
Де мои сынки найдете, лишь на смерть не вбійте!
Дала 'сме вамъ по таляру, дамъ вамъ по другому,
Де мои сынки найдете, приведѣть до дому!»
Утêкали Кулимнючки по пôдъ густы бучки,
А шобы ихъ не спôймали та гайдуки въ ручки;
Утêкали Кулимнючки помежи городы,
А шобы ихъ не спôймали Иринчины роды.
Ой кобы ми не пѣсочокъ, не пѣскова багна:
Спѣваночку се су склала Крамарева Анна.
Та ковала зазулечка та по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночка уся се скôнчила.

23.

(I, 79.)

Пôшовъ Ивась, пôшовъ Ивась, у поле орати,
Лишивъ свою Ганусеньку обѣдъ готовати;
Оре Ивась, оре Ивась, и зъ старенькимъ дѣдомъ:
«Не ма жь моей Ганусеньки зъ раненькимъ обѣдомъ!»
Пріорався Иваcенько до сухого лому,
Пустивъ волы на отаву, самъ пôшовъ до дому;

Ой приходитъ Ивасенько пôдъ крайне вôконце:
Обернеся назадъ себе, вже заходитъ сонце;
Ой приходитъ Ивасенько до новои хаты:
«Дѣти мои дрôбненькіи, а где жь ваша мати?» —
«Ой пôшла жь бо наша мати у гай по коровы,
Та казала наша мати: «Бувайте здоровы!»
Подивися Ивасеньку до новои скрині:
Не ма грошій, не ма сукнёвъ, не ма господині!
Ударився Ивасенько по поламъ руками:
«Дѣти мои дрôбненькіи, пропавъ же я съ вами!» —
«Ой тату нашъ, татуненьку, тату, не журися!
Иде весна, иде красна, ты тату вженишься.» —
«Дѣти мои дрôбненькіи, найду я си жёнки,
Лише я вамъ вже не найду рôднои матёнки!»

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

24.

(I, 79; Паул. 25.)

Ой у мѣстѣ Гусятинѣ сталася новина,
Пôдмовила Катерина богацького сына:
«Покинь же ты свою жёнку, я покину дѣти,
Та пôдемо на Вкраину мешканья глядѣти!»
Ой пôшовъ же Ивасенько у поле орати,
Взялась его Катерина зъ дому выбирати.
Ой оре Ивась, оре, та й на сонце поглядае:
«Чогось жёнки Катерины съ обѣдомъ не мае!»
Ой оре жь нашъ Ивасенько, самъ си поганяе:
«Не ма жь моёй Катерины, бо въ корчмѣ гуляе.»
Ой оре жь нашъ Ивасенько, дооравъ до лану,
Пуствивъ волы до дубровы, самъ пôшовъ до дому.
Ой приходитъ Ивасенько на свою обору,
Кличе собѣ Катерину на любу розмову.
Ой уходитъ Ивасенько изъ сѣней до хаты,
Пытается своихъ дѣтей: «А дежь ваша мати?» —

«Ой пôшла жь наша мати та въ гай по коровы,
А намъ тôлко по виовѣла: «Будьте, дѣти, здоровы!»
Ой пôшла жь наша мати та въ гай по телята,
А намъ уже та сказала: «Дѣти сиротята!»
Ой кинется Ивасенько до новои скринки:
Не ма добра, не ма скринки, а нй Катеринки!
Ой ударився Ивасенько по полахъ руками:
«Дѣтки мои, квѣтки мои, пропавъ же я зъ вами!
Ой бодай тыи лозы спалили морозы,
Бодай тебе, Катерино, побили мои слёзы!»
А Ивасевы слёзы марне не пропали,
На камêнь бѣлый спадали, камêнь розбивали.

25.

(I, стр. 79.)

Ковала ми зазуленька зъ за хаты, зъ за хаты:
Ой пôшовъ же нашъ Андрêйко у поле орати.
Ой пôшовъ же нашъ Андрêйко у поле орати,
Лишивъ одну Одокійку дома доповати.
Ой оре тотъ Андрêй, оре, и съ старенькимъ дѣдомъ,
Надѣетсе Одовійку съ ранѣшнимъ обѣдомъ.
Пріоравсе тотъ Андрêйко до сырого лому,
Разпрегъ вôнъ свои кони, самъ пôшовъ до дому,
Ой до дому, до домочку, до новои скриний:
«Нема хлѣба, нема грошей, нема господиний!»
Ой ставъ же той Андрêйко та на середъ хаты:
«Дѣти мои дрôбненькіи, де є ваша мати?
Дѣти мои дрôбненькіи, де є ваша мати?» —
«Пôшла, пôшла, нашъ дедику, пôдъ гай погуляти;
Пôшла наша мати пôдъ гай по телста,
Лишень до насъ и сказала, шо мы сиротета.»
А усѣдлавъ Андрêенько коня вороного,
Пôшовъ, пôшовъ, новымъ мостомъ та й до тестя свого;
Ой прійшовъ же вôнъ до тестя, зачевъ се пытати:

«Чи де суда Одокіи мени не видати?» —
«Мы видѣли Одокійку тыми потоками,
Розмавела, розмавела у Круя съ сынами.»
Ой и пôшовъ тотъ Андрейко тыми потоками,
Найшовъ, найшовъ, Одокійку у Круя съ сынами;
Найшовъ, найшовъ, Одокійку у Круя съ сынами,
А присиливъ Одокійку до коня кôсками;
А присиливъ Одокійку да коня кôсками,
Поволочивъ горѣ, долôвъ, тыми потоками.
Зострѣчеетсе Андрейко съ чотырема Жиды:
«А дай-ко ты, Андреечку, Одокіи жити!» —
«А вы, Жиды, не Руснаки, та не ваша Вѣра!» —
«Богато вже Одокія въ тебе хлѣба зъѣла.»
Ой ковала ми зазулька, на калинку сѣла:
Доки её та донесли, она се розсѣла;
Донесли ей до домочку, поклали на лавку,
Издоймили зъ Одокійки сорочку крôвавку;
Издоймили крôвавочку, вволокли бѣленьку,
Та пôслали по ей деда, та по ей неньку,
Пôслали по её деда, ще по её брата,
Поховали Одокію та долôвъ лицъ хреста:
Ой ковала ми зазулька на нивѣ, на нивѣ,
Андреевии все се злас, що в'на въ полонинѣ.
Заковала ми зазулька та по пôдъ Менчила:
Одокійцѣ спѣваночка уся се скôнчила.

(Зап. въ с. Криворовнѣ, Колом. У. отъ Гуцулки Марійки Гриценчихи.)

26.

Ой ходила Гафієчка, а все вышивала.
А екъ пôшла на Выгоду, пила та гуляла,
А екъ пôшла на Выгоду, пила та гуляла,
А сонечко по надъ вечеръ, домôвъ се зôбрала.
Ой ковала ми зазулька въ новôмъ оборозѣ:
А догонивъ Семеночокъ ей на дорозѣ:
«А не йди-ко, Гафійко, прижієшь ты бѣлки,

Вернѣмосе на Выгоду, купью ти горѣвки!» —
«А я въ саду траву маю, траву не толочу:
На Выгоду се не верну, горѣвки не хочу.
А въ новенькôмъ побоику мутъ ми куры пѣти:
Йду, Семенику, до дому, лишила 'сми дѣти.»
Ой пôду я воды брати въ маленьку царинку:
Истявъ Семенъ Гафіечку на малу годинку.
Ой иму я калиночку за самый вершечёкъ:
Истявъ Семенъ Гафіечку, вергъ у бережечёкъ;
Ише здоймивъ кресаночку, та й перекрестивсе:
«Поможи жь ми, милый Боже, чей бымь не баривсе!»
Ишовъ Семенъ зъ Єсенова до бѣлои днины,
Шобы ему на Скуповѣ зори зазорили.
А въ мѣстечку, въ крайнôмъ дому, пили два Вôрмене;
Пытаютсе люде въ него: «Где идешь, Семене?» —
«А у моемъ та садочку е покетокъ много:
А я иду по за васъ ажь до брата свого.»
А ковала ми зазулька все при потокови:
Спѣваночка Семенкови сесе Тресюкови.
А ковала зазуленька все по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночочка уся се скôнчила.

(Записана тамъ же и отъ той же.)

27.

Коли сонѐчко сходило рано у суботу,
Тогдй Лесё Футюкъ сбиравъ зъ за Магуры ровту.
Никто тото не вѣщовавъ, вѣщовало тѣло:
«Чого тебе, брате Лесю, въ Рябинецъ скортѣло?»
Ой а Лесё молоденькій на то не туралый,
Пôшли хлопцй пôдъ Попадю три етери вкрали,
А вôдты се завернули ажь до того луга,
Пытаютсе у биреша: «Чи е тутка слуга?» —
«Ой мы, Леську, та не знаемъ, чи е тутки слуга,
Але, Лесю, сночи выйшовъ Баранючокъ Юра.»

Ой а Лесё молоденькій на Юрёчка гляне,
А Юричокъ правымъ стуцомъ въ лѣве плече гряне.
Али его товариши не забановали,
Молодого Юрчука линками звялали.
На тôмъ боцѣ при потоцѣ трепётка се трепле:
«Йди, бирешу, у село, та й Мурджуку Петре!»
Ай биреша покоштуютъ три сирыи волы,
А ты, Юрёчку, зажіешь тежкои неволи.»
А они се порадили, колыску вробили:
«Лѣпше, братя, рада впала, на коника взели.
Ой а его ба й принесли въ Шикманôвске поле:
«Заговори, брате Лесю, най ворогôвъ вколе!»
Ой куетъ ми зазуленька, сѣдая на бука:
А на шо ты, дурню, убивъ панского гайдука?
На шо ты, дурню, убивъ? Чи бувъ ты въ коморѣ?
А ты за него пожіешь, тяжкои неволи!» —
«У коморѣ, пане, не бувъ, присегати муту,
За то 'сме го, пане, убивъ, сегавъ ми по душу.»
Ой куетъ ми зазуленька вся сива и блѣда:
Боле шо 'сме се сбули того головоѣда.
Ой зарыкла у чередѣ коровочка бура:
Ото Леся розсадила Гищиного вурда!
Ой куе ми зазуленька, шо по подъ Меньчила:
Теперь сеся спѣваночка Леся се скôнчила.

(Тамъ же отъ Гуцула Данила Чупирчука или Карабелика.)

28.

(II, 460.)

Чи чуете, люди добры, шо хочу казати?
А я хочу на громаду файно поспѣвати;
А я хочу поспѣвати, лишь слухайте, люде,
Шо на всей свѣтъ на громаду не було й не буде!
Шо мы будемо робити, сараки Руснаки,

Шо на насъ се нагнѣвали Венгры та Поляки.
Ой на насъ се нагнѣвала Польша та й Аршава,
Але бо намъ на помочи сила Москалева.
Ой а Кошутъ не знавъ того, не знавъ тои дôймы,
А вôнъ не знавъ, шо йде Москаль вороными кôньми;
А вôнъ собѣ змысливъ зраду, вчинивсе екъ курка,
Узевъ собѣ шкадронъ войска, та утêкъ пôдъ Турка.
А мы люде Праославны, просѣмъ щире Бога,
Ой шобы сме вôдогнали бѣду вôдъ порога.
Ой куетъ ми зазулиця въ саду на еблôнцѣ:
Никто бѣду не вôдженетъ, коровы та вôвцй.
А молѣмсе, люде, Богу, шо чесъ, шо година,
А Царь паньчину здаровавъ, абыхъ не робили.
А я файно росказую, люде Праославны,
Ой а где се намъ задѣли всѣ гаразды давны?
Ой а екій свѣтъ великій та й велика Цара,
Нема никде кавалъ земли, абы дармовала.
Ой упало, добры люде, до рукъ писмо зночи,
Доки не мутъ е читати, не знать въ котрôмъ боцѣ.
Мы урбарію подаймо, оплату худобну,
Грунтъ и хату оплатѣмъ, та сидѣмъ при дому.
Отъ тôлько намъ вôдъ Тѣсаря Царского побору,
А екъ злодѣй укравъ ерча вôдъ шестдесятъ дробу.
Єкъ у газды злодѣй укравъ, не велика шкода,
А вже итъ намъ пôдступаетъ тысяча Петрова;
Єкъ бы мы се уступили въ тысечу Петрову,
Отъ такъ бы мы всѣ выгибли, екъ листъ вôдъ морозу;
Листокъ вôдъ морозу, а попелъ вôдъ вѣтру,
Єка въ сêмъ чесѣ настала ненависть по свѣту!
Ой цы се такъ настало, цы було изъ роду,
Отъ такъ жѣнки пьютъ горѣвку, екъ коровы воду.
Сама собѣ челядь, люде, Бога допросила:
Пало письмо вôдъ Тѣсаря, а ще съ папы Рима:
Євъ тото Тѣсарь читати, а я взевъ на саму,
Але, добре люде, выйшло на нашу громаду.
Ой а, добре люде, выйшло, горѣвку не пити,
Челядь Бога допросила, шо бы ей не бити,
Абы челеди не бити, та й не сбытковати,

Хлѣба зъ поля доносити, красно годовати.
Єкъ иде у коршму, на волю, свавôльна,
Не бійте, люде, жêнки, кожда жêнка вгôдна!
А у тôмъ селѣ на садочку зазулька ковала:
Не бійте, люде, жêнки, вôдъ жандарôвъ кара!
Не стелися по дорозѣ, зеленый жолуде,
А екъ мете жêнки бити, й за то штрофъ буде.
Ой ковала зазулечка ще попôдъ Меньчила:
Теперь се са спѣваночка гаадочки скôнчила.

(Тамъ же и отъ того же.)

ДУМЫ

Б. БЫТОВЫЯ.

а) Козацкія.

1.

(Ср. т. I, 112; II, 594.)

Надъѣхали Козаки зъ обозу,
Стали собѣ близко перевозу;
Єдинъ каже: «Быстра рѣчка, быстра!»
Другій каже: «Ѣдьмо, невеличка!»
Третій каже: «Хоть бы утонути,
Кобы въ своеѝ Марисеньки бути.»
Вчула тое Марусина мати,
Зачала ся съ Козакомъ витати:
«Не гудѣте, голубы, на хатѣ,
Не збудѣте Марисю въ комнатѣ!
Бо Марися тяженько лежала,
Чорнымъ шовкомъ головку звязала.
Который изъ васъ трозѣля дôстане,
Той съ Марисевъ до слюбоньку стане.»
Вôдозвався Козакъ молоденькій:
«Ой е въ мене три коні на стайнѣ:
Єдинъ чорный, якъ воронъ чорненькій,
Другій сивый, якъ соколъ сивенькій,
Третій бѣлый, якъ голубъ бѣленькій;
А тымъ чорнымъ до моря доѣду,
А тымъ сивымъ море переѣду,
А тымъ бѣлымъ трозѣлья достану,
Та й съ Марисей до слюбоньку стану.»
А взявъ Козакъ трозѣлье копати,
Взяла надъ нимъ зазуля кувати:

«Не копай же, Козаче, трозѣлья,
Бо въ Марисѣ изъ иншимъ весѣлья.»
Ѣде Козакъ сумненько съ трозѣльёмъ,
Издыбае Марисю съ весѣльёмъ:
Лѣвовъ руковъ Марисю витае,
Правовъ руковъ шаблй добувае;
Якъ у поли маковка бринѣла,
Еще борше головка злетѣла.
«Ой на жь тобѣ, Марисю, трозѣлье,
Не починай изъ иншимъ весѣлье!»

2.

(Иначе.)

Ой ѣхали Козаки зъ обозу,
Стали собѣ въ конець перевозу,
Та й зачали думоньку думати,
Где бы тую нôчку ночувати.
Одинъ каже: «Нôчка невидная!»
Другій каже: «Рѣченька быстрая!»
Третій каже: «Шобъ ся коня збути!
Шобъ въ Марисѣ на вечерѣ бути.»
А Марися хорая лежала,
Марисенька трозѣль забажала.
«Ой маю жь я три коні на стайнѣ,
Я Марисѣ трозѣля дôстану:
А тымъ чорнымъ море переѣду,
Тымъ червонымъ до гôръ ся дôстану,
А тымъ сивымъ трозѣля дôстану.»
Гей тамъ Козакъ трозѣлье копае,
Надъ Козакомъ зазуля ковае:
«Не копай ты, Козаче, трозѣлья,
Бо въ Марисѣ вже нынѣ весѣлья!»
Въ однôй руцѣ трозѣля тримае,
Въ другой руцѣ голый мечь держае.

А Марися якъ макъ проквѣтала,
Марисенцѣ головка злѣтала.
По тихонько маковка збренѣла,
А ще гихше головка злетѣла.

3.

(Т. I, стр. 5.)

Идуть волы зъ Московщины, а все чабанистѝ,
А за ними Морозъ Козакъ, еще не женився.
Ой Морозе Морозоньку, ты славный Козаче,
За тобою, Морозоньку, вся Вкраина плаче;
Плаче отець, плаче мати, плаче все Пôдгôрье,
Ой вернися, Морозоньку, на мое подвôрье!
Въ мене хата тесовая, стайня на помостѣ,
Пріѣдь, пріѣдь, Морозоньку, хоть разъ до мня въ гостѝ!»
Стоитъ дѣвча на камени, на жовтôмъ пѣсочку,
Та жмякае Морозови отъ бруду сорочку:
Ци я твоя, ци не твоя, Козаченьку, буду,
Выперу я сорочку вôтъ чорного бруду.» —
«Ой дѣвчино, дѣвчинонько, чо 'сь на личку блѣда?» —
«Ци не знаешь, Морозоньку, яка въ службѣ бѣда?
Ой и ѣсти—не доѣсти, спати, не доспати,
А все тото, Морозоньку, на личеньку знати.»

4.

(Т. I, стр. 97 — 99.)

Ой кôнь летить, трава шумить,
Ажь тамъ Козакъ забытъ лежить,
Надъ нимъ коникъ зажурився,
По колѣна въ землю вбився:
«Не стôй, коню, надо мною,
Бо я вижу щирôсть твою!
Лети просто дорогою,
Тою, тою широкою!

Станешь, коню, въ воротенькахъ,
Заржешь, коню, съ жалобненька,
Вôдъ тамъ выйде, вôдъ тамъ выйде
Мати моя старенькая:
«Ой ты, коню вороненькій,
«Где є сынъ мôй молоденькій?» —
«Возьми, мати, пѣску въ жменю,
Посѣй его на каменю:
Якъ той, мати, пѣсокъ зôйде,
Тогди сынъ твôй зъ вôйны прійде;
Бо вже сынъ твôй оженився:
Взявъ вôнъ собѣ въ Крыма дочку,
Зеленую муравочку;
Шукай, мати, лѣкаройки,
Зеленои муравойки;
Шукай, мати, халупойки,
И безъ дверій, безъ вôконки,
Щобъ дверцями не ходити,
А вôконкомъ не дивити;
Бо дверцями вѣтеръ вѣє,
А вôконцемъ сонце грѣє,
Шукай, мати, менѣ хаты,
И безъ дверій, безъ вôконець.
Бо вже мому свѣту конець.»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

5.

(Т. 1, 105.)

Дома лежитъ дѣвчинонька,
Въ маминыхъ перинахъ,
А Козачокъ молоденькій
На глыбокихъ долинахъ:
Дѣвчинонька молоденька,
Зимнои воды проситъ,
А надъ бѣднымъ Козаченькомъ,
Ворона голоситъ.

Надъ дѣвчиновъ молоденьковъ
Отецъ, мати, плаче,
Надъ Козакомъ израненымъ
Чорный воронъ краче:
«Не крачь, не крачь, такъ сумненько.
Чорный вороночку,
По надъ мою кервавую,
Молодъ головочку!
А но лети до домоньку,
Скажи дѣвчинонцѣ,
Що я марне тутъ загибнувъ,
Въ зеленъ муравонцѣ.» —
«Якъ ся наѣмъ твого маса,
Выпью очи твои,
Ажь тогды-то я полечу
Къ дѣвѣ молодои.

(Изъ Буковины.)

6.

(Т. I, 102.)

Ой въ лѣсѣ нива, на тôй нивѣ жито,
Ой у лѣсѣ край дороги Козака забито;
Забито, забито, затягнено въ жито,
Червоною китайкою оченька прикрыто.
Ой прійшла дѣвчина съ чорными очима,
Пôдôйняла китаечку, та й розголосила;
Ой прійшла другая, та й вже не такая,
Пôдôйняла китаечку, ревно заплакала:
«Встань, Козаче, встань, бо 'сь ще молодейкій,
Ходить, бродить по дубровѣ твôй кôнь воронейкій.» —
«Нехай ходить, нехай бродить, нехай напасеся,
Нехай моя стара мати жалю набереся!
Нехай ходить, нехай бродить, нехай и ночуе,
Вôнъ до меи дѣвчиноньки дороженьку чуе!» —

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

7.

(Т. I, 82, 83.)

Ой зъѣхало три Козаки зъ горы высокои,
На самъ передъ Андрусенько на вороно̂мъ коні̂,
На Андрусю сороченька кровьёвъ обкипѣла,
Якъ уздрѣла Ганусенька, на ноженькахъ вмлѣла:
«А хто жь тебе такъ порубавъ, соколе Андрусю?» —
«Твои братья ро̂днесеньки, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя порубали, соколе Андрусю?» —
«Ясненькими шабельками, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя обвивали, соколе Андрусю?» —
«Ядвабными хусточками, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя наповали, соколе Андрусю?» —
«Медомъ, виномъ и горѣвковъ, серденько Ганнусю.» —
«Де они тя порубали, соколе Андрусю?» —
«У Тернавцѣ на забавцѣ, серденько Ганнусю. —
«Де жь си скажешь постелити, соколе Андрусю?»—
«У свѣтлонцѣ при во̂концѣ, серденько Ганнусю.»—
«Якъ си кажешь зазвонити, соколе Андрусю?» —
«У всѣ звоны на розгоны, серденько Ганнусю.» —
«Я си скажешь заплакати, соколе Андрусю?» —
«Дро̂бненькими слёзоньками, серденько Ганнусю?»—
«Де ся скажешь поховати, соколе Андрусю?» —
«У костелѣ при престолѣ, серденько Ганнусю.» —
«Ой треба бы, Андрусеньку, чтыри волы дати,
Абы тебе исхотѣли въ костёлѣ ховати.» —
«Ой маю я чтыри волы, чтыри половыи,
Ней си берутъ, ней ся дѣлять, Попы молодыи!
Ой ней мене не ховаютъ ні̂ Попы, ні̂ Дяки,
Лише ней мня поховаютъ молоди Козаки!
Бо Попоньки та Дяченьки на заплатѣ бьются,
Молодыи Козаченьки горѣвки напьются.»

8.

Ой у полю, полю, въ полю, на роздолю,
Тамъ Козакъ убитъ лежитъ,
Нй отець, нй мати, нй отець, нй мати,
Нй о чёмъ не знае,
Що дѣвчина Козаченька, що дѣвчина Козаченька,
Сама доглядае.
Ой везутъ Козака, везутъ Козаченька,
Та й сѣрыми волоньками,
Ой иде дѣвчина, иде чорнявая,
Вмываеся слёзоньками.
«Ой не плачь, дѣвчино, не плачь, чорнявая,
Головоньки не збавляйся,
Якъ я здоровъ буду, тебе не забуду,
А въ осени поберемся.» —
«Ой не тяжко бы тя, молодый Козаче,
До осени зачекати,
Ой а мене хотятъ, молоду дѣвчину,
За инчого ба й давати!» —
«А ты пиши, а ты пиши, на бѣлôмъ паперѣ,
Та давай до мене знати!» —
«Ой не тяжко бы то, молодый Козаче,
На паперѣ написати,
Ой погадай собѣ, въ своêй головонцѣ,
Кымъ я маю вôдослати? —
«Ой ты пиши, пиши, ой ты пиши,
Та й дробными слёзоньками,
Вôтсылай до мене, вôтсылай до мене,
Та й буйными вѣтроньками!»

9.

(Метл. 72.)

По садочку походжаю,
И самъ собѣ розважаю,
И самъ собѣ розважаю,
Що далеко милу маю,

Цы до неи листъ писати,
Цы самому вандровати?
Якъ я буду листъ писати,
Будутъ о томъ люде знати,
Не такъ люде, якъ сосѣди,
Та нароблю всѣмъ бесѣды,
Не такъ близкй, якъ далеки.
«Ой вы, хлопцѣ молодыи!
Сѣдлайте конѣ вороныи,
Сѣдлайте коня вороного,
Та подъ мене молодого!
Я поѣду на Вкраину,
Бо тамъ маю мою милу!
Ой ты, мѣсяцъ, свѣти, свѣти,
А ты, коню, бѣжи, бѣжи,
Ой ты, мѣсяцъ, свѣти ясно,
А ты, коню, бѣжи красно!»
Пріѣхавъ бо предъ ворота,
Выйшла мила крашша злота,
Пріѣжджаю подъ оконце,
Выйшла мила красша сонця,
Взяла коня за удила,
Изъ миленькимъ говорила,
Взяла коня за вуздечку,
А милого за ручечку,
Взяла коня до стаенки,
А милого до свѣтлоньки,
Дала коню вôвса, сѣна,
А милому меду, вина,
Сама сѣла та й думала,
Та й ревненько заплакала:
«Чого сидишь, чого тужишь,
Чого плачешь, свѣтомъ нудишь
Та ты, моя милесенька,
Мое сердце, любесенька?
Цы тобѣ жаль вôвса, сѣна,
Цы тобѣ жаль меду, вина?» —
«Не жаль мѣнѣ того всёго,

Ой лише ми жаль вѣка мого,
Що кôлька лѣтъ покохався,
А съ инчою повѣнчався.» —
«Ой цыть, мила, не журися,
Я еще молодъ, не женився:
Якъ я буду женитися,
Прошу, мила, дивитися,
Дамъ ти вина напитися;
Якъ я буду ба й слюбъ брати,
Прошу, мила, ручку дати!»

10.

(Метл. 73.)

Тамъ по пôдъ гай зелененькій
Ходитъ Ивась молоденькій,
И такъ собѣ розважае,
Що далеко милу мае.
Чи я маю листъ писати,
Чи самому поѣхати?
Нй до неи листъ писати,
Нй самому одвѣдати.
Якъ я буду листъ писати,
Будутъ то всѣ люде знати;
Не такъ люде якъ сусѣди,
Та нароблю всѣмъ бесѣды.
«Ой вы, хлопцî молодыи!
Сѣдлайте конî вороныи,
А пôдъ мене молодого
Сѣдлай коня буланого:
Поѣду я на Вкраину,
Тамъ я маю мою милу.
Ой ты, мѣсяць, свѣти ясно,
А ты, коню, бѣжи красно!»
Прiѣхали предъ ворота,
Выйшла мила кращша злота,

Взяла коня за удила,
По пôдвôрю поводила,
Взяла коня за трензельку,
А милого за рученьку,
Дала коню вôвса, сѣна,
А милому меду, вина,
И сутую вечереньку,
И бѣлую постеленьку,
Сама сѣла та й думае,
Чорны очи протирае:
«Чого сидишь, та думаешь,
Чорны очи протираешь?
Чи тобѣ жаль вôвса, сѣна,
Чи тобѣ жаль меда, вина,
Чи сутои вечêроньки,
Чи бѣлои постêлоньки?» —
«Не жаль мêнѣ вôвса, сѣна,
А нû жаль ми меду, вина,
Нй сутои вечêроньки,
Нй бѣлои постêлоньки,
Но жаль мêнѣ того свѣта,
Що йдуть марне нашû лѣта,
Идуть, идуть нашû лѣта,
Якъ то сонце вколо свѣта!»

(Запис. въ Золочевскомъ и Жолковскомъ Уѣздахъ.)

11.

(Паул. II, 20.)

Ой пôду жь бо я по пôдъ гай зелененькій,
Ой чей мя здыбле Козачокъ молоденькій;
Ой здыбавъ мене Козачокъ молоденькій,
Ставъ ся вôнъ въ мене пытати дороженьки,
Ставъ ся вôнъ дороженьки пытати,
Я, молодая, не вмѣла'мъ вôдказати,
Давъ же вôнъ ми кониченька тримати,

А самъ пôшовъ дороженьки шукати.
Тримаю коня до темнои ночи,
Выплакала я свои чорнй очи;
Ой що коникъ тупне, то ми серце пукне,
Ой я ся не бою коня вороного,
Але я ся бою Козака молодого:
Коникъ най тупне, найдутся на то лѣки,
Козакъ здрадитъ, неслава на вѣки.
Ой пущу я коня въ пустое поле,
Сама я скочу въ глубоке море:
Я молода въ морю потопаю,
И все на Козака окомъ ся сгледаю;
Ой прійшовъ Козакъ коника пôймити:
«Дай же ми, Боже, дѣвчину зловити!
Ой же бымь тя зловивъ, мôгъ бымь тя стискати,
Допѣро бымь навчивъ до моря скакати.
Що жь ти, дѣвчино, що жь ти за пригода,
Же 'сь до моря скочила, дѣвчина молода?» —
«Я молодая тебе ся бояла,
И черезъ тебе до моря скакала.»

12.

(Паули II, стр. 20.)

Ой ходила я по пôдъ гай зеленейкій,
Здыбавъ мене Козакъ молодейкій,
Ставъ вôнъ ся дорожейки питати,
Я, молода, не вмѣла сказати.
Мовила я му: Не зъ тутейшого 'мь краю,
Я въ тыхъ сторонахъ дороги не знаю.»
Ой взявъ мене Козакъ за бѣлейкіи боки,
И кинувъ мене на дунай глубокій:
«Плыни жь, дѣвчино, вôдъ краю до краю,
Коли не знаешь Козака звычаю!»

13.

(I, 72, 116, 117; Паул. 29.)

Край дороги широкои,
Кирниченьки глубокои,
Козакъ коня наповае,
Дѣвча воду наливае:
«Вандруй, вандруй, дѣвча, зъ нами,
Молодыми Козаками!
А въ насъ вербы грушки родятъ,
Въ насъ дѣвчата въ злотѣ ходятъ,
А въ насъ горы золотыи,
А въ насъ рѣки мѣдяныи.»—
«Я бымь зъ вами вандровала,
Же бымь ся зрады не бояла.» —
«Ой ты, дѣвчино, не будешь зраджена,
Тôлько на Вкраинѣ посагомъ посажена.»
Ще не дошла битои стеженьки:
«Скидай, скидай, зъ головы стуженьки!»
Ой ще не дошла битого гостинця:
«Ой скидай, скидай, изъ ручки перстенця!»
Ой ще не дошла до вишнёвого саду,
А вже зложили на дѣвчину зраду.
«Вы 'сте мовили, не буду зраджена,
Теперь 'сьте мя вже зрадили
Якъ ту мушку изловили!»—
«Ой знала 'сь, дѣвчино, де отецъ и мати,
Було зъ собою два рубочки брати:
Єденъ рубочокъ головеньку звязати,
Другій рубочокъ дитятко накрывати.»
Вандруютъ поле, вандруютъ другое,
А на третêмъ стали спочивати,
А на четвертôмъ нôчку ночовати,
А на пятôмъ казавъ ёй лужко слати.
«Не по то же я, Козаче, вандровала,
Жебы я, Козаче, тобѣ луженько слала;

Но по томъ я съ тобою вандровала,
Жебы 'мь твоею миловъ ся называла.»
Ой выйду жь я на горочку,
Тамъ погляну въ долиночку:
На долинѣ ходятъ паняночки,
Та й сбираютъ фіялочки,
Та й сбираютъ фіялочки,
На недѣлю на вѣночки,
Ино я свôй утратила,
Ино я свôй изгубила,
Пôдъ яворомъ зелененькимъ,
Изъ Козакомъ молоденькимъ.

14.

(Паул. II, 28.)

Вôдъ Бендеру до Дунаю
Два Козаки мандровали,
Два Козаки мандровали,
Одно дѣвча пôдмовляли:
«Мандруй, мандруй, дѣвча, зъ нами,
Зъ молодыми Козаками,
Зъ молодыми Козаками,
Справимъ тобѣ два жупаны,
Два жупаны голубыи,
Два перстенѝ золотыи!»
Дурне дѣвча послухало,
Зъ Козаками мандрувало,
Зъ Козаками мандрувало,
Три дни хлѣба не видало.

16.

Т. I. 14. стр. 121.

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй!
Та якій буде съ тобовъ нôчлягъ твôй?» —
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Постелино вôйлочище,
Пôдъ голову кульбачище,
Ой а зверха опанчище,
Кулино та й небого!»

* *
*

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй,
Та чимъ мы ся помываемо,»
Та чимъ мы ся повтираемо?» —
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Я росою, ты слёзою,
Я утруся китайкою,
Тебе удру нагайкою,
Кулино, та й небого!»

* *
*

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй!
Та якій то буде съ тобовъ розъѣздъ мôй!» —
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Выѣдемо въ чисте поле;
Въ чистôмъ полю двѣ дороги,
Двѣ дороги, двѣ могилы,
А третья моя!
Одна иде до лѣса, а другая до бѣса,
На котру хочь, на тоту скочь,
А третья моя!»

ДУМЫ

в) Гайдамацкія.

1.

Штолюкъ.

Чу чуете, люде добры, що хочу казати,
Бо я хочу Штелюкови спѣванку спѣвати.
Єкусъ чути новиночку, не можна казати,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ села воёвати;
А топôрцѝ наробили изъ самои стали,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ, та воює паны;
А топôрцѝ наробили изъ самои бляхи,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ, та воює Ляхи.
Учувъ тото панъ Каштана, та взевъ пôдслухати:
«Не такъ треба для Штолюка намъ се постарати.»
А нашъ Штолюкъ молоденькій имивъ шосъ гадати,
«Ити бы ми въ Довге Поле Каштана еднати.»
А в'ни пôшли въ Довге Поле Каштана еднати,
Єкъ зачели его бити, бити та рубати,
Єкъ зачели его бити, бити та рубати,
А вже жь брати по бокатѣ, котюгамъ метати.
Єкъ убили, обôбрали, та й вышли на Рѣчку,
Миронъ каже: «Вернѣмь ко се, зажжѣмъ псови свѣчку!» —
«Богдай тобѣ, Миронеку, таки твою мати,
Чи ты не чувъ, екъ той казавъ для насъ се старати?
Чи ты не чувъ, екъ той казавъ для насъ се старати,
Та ще бы съ се вертавъ псови свѣчку зажегати.
Пôшовъ бы я та косити зелену отаву,
А сонечко по надъ вечеръ, не выйдемъ на пустаю,
Ой выйшли в'ни на пустаю та й заговорили:
«Чи вы, домарѝ, не чули екои новины?» —

«Не чули мы, годны хлопцѣ, нйкои новины,
Мы лишь чули, въ Довгôмъ Поли що Каштана вбили.»
А в'ни пôшли въ полонины та въ полониночки,
Та тамъ собѣ набивали острôжнѝ стрѣвбочки:
Доки в'ни ихъ набивали, в'ни се не боели,
Єкъ узрѣли тверду ровту, в'ни жъ тамъ подрôжели.
Ходивъ Фронюкъ, ходивъ Скалюкъ, ходивъ и Борсучокъ.
Ше бувъ въ боку Волоского Єкôвъ Крамарючокъ.
А вдарили въ монастырѣ у четыре звоны,
Вже Штолюка блеховали на воронôмъ кони;
Вже Штолюка блеховали, дали въ село знати,
Впровадили вже Штолюка въ бѣленькіи хаты.
А уреды молоденькй пьють, пôдъохотують,
Та Штолюка молодого въ кайданы блехують.
Ой а выйшовъ панъ Гôрлѝчка, зачавсе пытати:
«Дежь ты гадавъ, Штолюченьку, зимку зимовати?» —
«А у тои цариночцѣ зелененькій пологъ,
Тамъ 'сме гадавъ зимовати, де бы ми Богъ помôгъ.»
Ой утѣкавъ Штолюкъ годный, та й зашумѣвъ листомъ,
Та не самъ вôнъ туда тѣкавъ, втѣкавъ съ товариствомъ.
«Кôлько въ тебе у Штолюка того товариства?» —
«Кôлько въ лѣсѣ у дуборѣ букового листа.»
Ой ковала ми зазулька все по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночка уся се скôнчила.

(Записана мною отъ Гуцулки с. Криворовни Марики Грязючки.)

Кармелюкъ.

Породила мене мати
Въ несчастну годину,
Не дала ми счастья знати,
Вôдъ журбы загину.

* *
*

«Кармелюку! На панщину!»
Кличуть пôдъ вôконце;

«Бо нагаёмъ якъ не выйдешь,
Скоро зойде сонце.»

* *
*

Наступила лиха доля,
Тра йти въ свѣтъ гуляти,
А що Кармелюкъ не дурень,
Дастъ Ляхамъ познати.

* *
*

Не довго я такъ гулявъ,
У собѣ попався,
И не гадавъ, та не думавъ,
У Сибиръ достався.

* *
*

Повернувши изъ Сибиру,
Таки я въ недолй,
Хоть я вже не въ кайданахъ,
Таки я въ неволй.

* *
*

Засѣдаю при дорозѣ.
Чому? хочешь знати?
Бо не маю пристанища,
Бо не маю хаты.

* *
*

Маю жёнку, маю дѣти,
Коли ихъ не бачу;
Якъ сгадаю на ихъ нужду,
Горенько заплачу.

* *
*

Нема счастья нй для мене,
А нй для родины,
Переходятъ въ смутку, жалю,
Всѣ мои годины.

* *
*

Зовуть мене розбôйникомъ,
Кажуть, розбиваю:
Я не вбивъ еще никого,
Бо самъ душу маю,

* *
*

Ой я вôзьму багатому,
Убогому даю,
А такъ гроші подѣливши,
И грѣху не маю.

* *
*

Пôшовъ бы я въ мѣста, села,
Всюда мене знають,
Деде Ляхи мене зôздрять,
Заразъ мя пôймають.

* *
*

А такъ мушу стеречися,
Мушу въ лѣсѣ жити,
Хотя свѣтъ е такъ широкій,
Нигде ся подѣти!

(Записана въ Тернопольскомъ Уѣздѣ.)

3.

Оре багачъ, оре,
На широкôмъ полй,
На широкôмъ полй,
На глубокôмъ долй.
Прійшло тамъ до него
Два разбôйниченьки:
«Дай ти, Боже, счастье,
Великій багаче!
Нарай намъ якую,
Абы не самую.»—

«Не маю якую,
Хиба жêнку свою.»
«Нехай буде тая,
Абы не самая!»
Прійшовъ вôнъ до дому,
Пріѣхавъ до дому:
«Сбирай же ся, мила,
Поѣдемъ до млына!»
«Я съ тобою, милый,
Свôй вѣкъ скалатыла,
А еще съ тобою
Въ млынѣ не бувала.»
Ѣдуть они, ѣдуть,
На широкôмъ полй,
На широкôмъ полй,
На глубокôмъ долй.
Ѣхала, вступила
До рôдного брата:
«Ой брате жь мой, брате,
Надо мною здрада!»
«Сестро, моя сестро,
Господь надъ тобою,
Господь надъ тобою,
Я ѣду съ тобою!»—
Привêзъ ю до лѣса,
Самъ пôшовъ до бѣса;
Вяже ю до бука,
Братови роспука.
Фузію намѣривъ,
Обохъ вразъ застрѣливъ:
«Мало бути ее,
То най буде й тобѣ,
Будешь съ нею въ гробѣ!»

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

4.

(I, 138: Паул. 34.)

По пôдъ синій туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи новый товаръ,
Та на тата закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Пôди, тату до кирницû,
Принеси мêнѣ водицû.»
«Ой не маю, сынку, коли,
Лишивъ я косарû въ поли.»

* *
*

По пôдъ сйній туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи сивый товаръ,
Та на маму закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Иди, мамо, до кирницû
Принеси мêнѣ водицû!»—
«Ой не маю, сынку, коли,
Лишила я женцû въ полû.»

* *
*

По пôдъ сйній туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи сивый товаръ,
Та на брата закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Иди, брате, до кирницû,
Принеси мêнѣ водицû!»—
«Ой не маю, брате, коли,
Лишивъ я вôвцû въ полû.»

* *
*

По пôдъ синій туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи сивый товаръ,
Та на милу закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Иди, мила, до кирниций,
Принеси мêнѣ водиций.» —
А миленька поспѣшила,
Меду, винця, наточила.

5.

(I, 167; Паул. II, 42.)

Въ Станиславѣ двѣ крамниций,
А у Львовѣ три темниций,
Тамъ сидятъ три невôльниций:
Одинъ сидитъ за дѣвочку,
Другій сидитъ за вдовочку,
Третій сидитъ за волы половыи
И за коники вороныи.
Той, що сидитъ за дѣвочку,
Той си грае въ сопѣлочку;
Другій каже: «Не журюся,
Бо я съ вдововъ поберуся.»
Третій сидитъ, та й думае,
Матêрь свою проклинае:
«Бодай, мати, не сконала,
Що мене такъ научала!
Ой я принêсъ чепелинку:
«Добре чинишь, мôй ты сынку!»
Я принêсъ приметочку:
«Буде, сынку, на сорочку!»
Пригнавъ я волы половыи:
«Кобы, сынку, ще другіи!»

6.

(I, стр. 163.)

По горѣ, горѣ зацвѣла шельвія,
По подъ ту гору ходила Марія:
Марія ходила, шельвію ломила,
Ревными слозами за мужёмъ плакала.
На очка чорнёва, на личко якъ ружа̄:
«Онъ той Ляхъ ѣде, що вбивъ мого мужа!»
Заходитъ й гадка, гадае втёкати,
«Не втёкай, Маріё, скажу тя лапати,
Бо я тебе хочу за жену си взяти!»
Ой Марія стала, за Бога сгадала:
«Отверни мнѣ, Боже! я тому не рада!»
Заходитъ ю голосъ зъ высокого неба:
Най иде Марія, жены ти не треба!»
Узяли Марію за русый косы,
Припяли Марію у сады до сосны,
Выкресали огню у суху порохню,
Запалили сосну зъ верха и зо споду:
«Гори, сосно, гори, а ты, смоло, капай,
На Марійно тѣло, на Марійну главу!
Ней Марія терпитъ великія муки,
Коли не хотѣла за жену ми бути!»—
«А кто сидитъ дома, а хто робитъ въ полю,
Най ся йде дивити на мою неволю!»
А панъ каже, що то смола, а то чиста вода.
На Марійно тѣло есть то охолода.

(Изъ Самборскаго Уѣзда.)

7.

Яничокъ.

(І, 171.)

Ой тамъ дале пудъ яворомъ
Оре дѣвча еднымъ воломъ,
Ще и бразды не зорала,
Вже ё мати заволала:
«Дѣвко, дѣвко, пой до дому!
Продала 'мь тя, не знамъ кому,
Продала 'мь тя Яничкови,
Великому збуйничкови:
Въ ночи прійде, въ ночи пôде,
Никда ми ничь не принесе,
Лемъ кошульку поторгану,
И сабличку скрывавлену.
«Чугай белай, бѣлый хлопецъ,
Кыбы 'сь такый, якъ ти отецъ,
Дала быхъ тя искупати,
Кавкамъ, вранамъ, роздзёбати.»—
«Спѣвай, жоно, чи 'съ спѣвала,
Коли 'сь хлопця колысала?»—
«Я хлопцеви не спѣвала,
Лемъ емь пестуночцѣ лала.»—
«Ставай, жоно, на колѣна,
Най испаде твоя глава!»—
«Пестуночко вѣрна моя,
Подай децько сюди мое!»—
Єдно личко побочкала,
А въ другое укусила:
«Дамъ ти, сыне, на памятку,
Коли стинавъ отецъ матку!»

(Изъ Бережскаго Уѣзда села Лучки, возлѣ Мукачева.)

8.

Эй на горѣ, на горѣ,
На Кошицкой долинѣ,
Пасе Янчи двы волы;
Пришли дъ нёму гайтове:
«Ой ты, Янчи, дай волки!
Бо ти главку здоймеме.»—
«Я вамъ волки та й не дамъ,
Радше ся съ вами поровнамъ.»
Коли в'ни ся рôвнали,
Тамъ му главку стинали:
Де зъ той главки кровь текла,
Червена ружа уцвѣла!
Дѣвички ё рвали,
Хлопцôмъ перка давали:
Боже, Боже, што же то,
Червена ружа зъ чего то?

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, т. I, 674.)

ДУМЫ

БЫТОВЫЯ.

г) Чумацкія и Бурлацкія.

1.

(Макс. 1834, 175.)

Було лѣто, було лѣто,
А теперь зима,
Гостивъ джумакъ по дорогахъ,
Гостивъ по долахъ,
Та не мавъ вôнъ пригодоньки
На своихъ волахъ.
А изъѣхавъ джумаченько
Зъ горы на базаръ,
Волы му ся поболѣли
Самъ бѣдный заслабъ.
Ой заслабъ вôнъ, ой заслабъ вôнъ,
Та й тамо й лежитъ,
Нйхто го ся не спытае,
Що его болитъ;
А приходятъ та й идъ нёму
Товаршой его,
Взяли его за рученьку
Та держäтъ его:
«Ой братчику, джумачику,
Що тебе болитъ?»—
«Болитъ мене та серденько,
Болитъ голова.»—
«Ой братчику, джумачику,
Чужа сторона.»—
«Ой давъ бы я, товаришу,

А зъ возомъ волы,
Ой абы ся такй найшли,
Та раду дали.»—
«Ой не штука, товаришу,
Волы зъ возомъ взяти,
Але я ся не бôзую
Тобѣ раду дати.»
Прійшла, прійшла, дъ нему
Найстарша сестра:
«Ой братчику, джумачику,
Где тя смерть знайшла?»—
«Знайшла мене ой смертенька
Въ чужôй сторонѣ,
Май же, сестро, обачёнье
На дѣти мои!»—
Загорнувся джумаченько
У новый жупанъ:
«Волы мои зъ сѣмохъ возôвъ,
Хто жъ вамъ буде панъ!»
Скинувъ джумакъ новый жупанъ
Загорнувъ кожухъ,
Припалъ дъ сырôй землѣ,
Испускае духъ.
А щарили джумакови
У великій дзвôнъ.
А сходится, а зъѣздится,
Весь джумаковъ рôдъ.
А спускають джумаченька
Въ глубоки долы.
Ой сходится рôдъ до купы,
[illegible] волы
Идуть волы, идуть до [illegible].
Жалôбно рычуть,
Своего пана господаря
Изъ гробу кличуть.
Поѣхали сѣрй волы
Передъ ворота
[illegible]

Бо 'съ вже сирота!»
Выйшли, выйшла, газдиненька,
Зачала плакати,
Свои волы, якъ соколы,
Стала проклинати.
«Не плачь, не плачь, газдиненько,
Не проклинай насъ:
Нема твого господаря,
Не буде и насъ!»

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

2.

(Иначе.)

Ой ѣздивъ джумакъ, ѣздивъ,
Семь лѣтъ по долахъ,
Та не мавъ вôнъ придоньки
На своихъ вôлахъ.
Ой ѣхавъ вôнъ, ѣхавъ, ѣхавъ,
На долинѣ ставъ,
Волы му ся поболѣли,
Самъ джумакъ заслабъ.
Ой заслабъ вôнъ, заслабъ,
Тяженько лежитъ,
Нихто го ся не спытае,
Що его болитъ.
Ой болитъ его, болитъ,
Серце, голова:
«О Господи милосердный,
Чужа сторона!
Чужа, чужа, сторона,
Та чужіи люде,
Хто джумака поховае,
Якъ ему смерть буде?»
Ой приходитъ дъ нёму
Атаманъ его,

Та взявъ го ся та пытати.
Що болитъ его:
«Ой ты пане мой!
Ты атаманъ мой!
Забери си всѣ волоньки,
Дай рады менѣ!» —
«Ой радъ бы я, радъ,
Та волоньки взяти,
Лише ти ся не подойму
Радоньки дати.»
Ой уставъ джумакъ, уставъ,
Вгорнувся въ жупанъ:
«Волы жъ сѣромасты
Хто жъ вамъ буде панъ?»
Ой уставъ джумакъ уставъ,
Вгорнувся въ кожухъ,
Подивився долôвъ собовъ,
Спустивъ джумакъ духъ.
А въ недѣлю рано, рано,
Ударили въ звôнъ,
Позъѣздився, посходився
Всей джумака рôдъ.
Найстарша сестра,
Напередъ прийшла:
«Джумачику, мой братчику,
Де жъ тя смерть знайшла?»
Приходитъ и дъ нему
Та найстаршій братъ
«Джумачику, мой братчику,
Яжъ тому не радъ!»
Идутъ волоньки, идутъ,
Идутъ рычучи:
«Хто насъ буде дозирати,
Въ дорозѣ йдучи?»
Идутъ волоньки, идутъ,
Въ золотôмъ ярмѣ:
«Лишилисьмо свого газду
Въ чужôй сторонѣ.»

Идутъ волоньки, идутъ
Стали въ ворота:
«Выйди, выйди, господине,
Вже газды нема!»—
«Волѣла я, волы мои,
Васъ всѣхъ полупити,
Нêжъ есте вы мали тамки
Та газду лишити.»—
«Ой ты газдине наша
Не проклинай насъ:
Нема твого господаря
Не буде и насъ!»

3.

(То же, но иначе.)

Ой поѣхавъ джумаченько
У дорогу самъ,
Стала му ся пригодонька,
Въ дорозѣ заслабъ.
Заслабъ же вôнъ, заслабъ,
Тяженько лежитъ,
Нихто ся го не спытае,
Що его болитъ.
А прійшовъ же до нёго
Товаришъ его,
Та взявъ его за рученьку,
Жалуе его:
«Товарише, товарише,
Не жалуй мене!
Забери си усѣ грошѝ,
Но ратуй мене!
Якъ тыхъ грошей ти не стане,
Возьми сѝ волы,
Но не дай ми загинути
Въ чужôй сторонѣ!»

Ударили во всѣ звôны,
Ударили въ звôнъ,
Чи не тому джумакови,
Що до дому хтѣвъ?
А сбѣглися джумаченьки
Та пôдъ могилочку,
Выкопали грôбъ глыбокій
За годиночку.
Зарычали сѣры волы
Въ золотôмъ ярмѣ:
Поховали джумаченька
Въ чужôй сторонѣ.

4.

(I, 177; ср. Макс. 1834, стр. 177.)

Гей чумаче, чумаче!
Чомъ не рано зъ Крыму йдешь?
Чомъ не рано зъ Крыму йдешь?
Всѣхъ чумакôвъ не ведешь?
«Ой я рано зъ Крыму йду,
Всѣхъ чумаченькôвъ веду,
Нема лише одного,
Брата мого рôдного.
Шукавъ, шукавъ, не знайшовъ,
Взявъ заплату, та й пôшовъ;
Шукавъ, шукавъ, не знайшовъ,
Запрêгъ волы, та й пôшовъ.»—
«Атамане, батьку нашъ,
Порадь теперь хоть ты насъ,
Що матимемъ робити,
Ой чимъ волôвъ кормити?»—
«Ой ще, хлопцѣ, не бѣда,
Бо е въ полю лобода:
Косѣть, ломѣть, лободу,
Забувайте на бѣду!»

(Изъ Буковины.)

5.

(Паул. II, 72.)

Пôшовъ чума́къ а въ дорогу,
За нимъ жêнка у погоню,
Возы завертае,
Волы выпрягае,
И серденькомъ называе:

* *
*

«Вернися, чумаче, до дому,
Вернися, серце, до дому,
Отецъ, мати, лае,
И проклинае,
Таки тобѣ хвортуна не служитъ.»—

* *
*

«Ой коли бъ ты добра була,
То бъ ты дома сидѣла,
Недѣлоньку чтила,
Пятницу постила,
Тобъ мêнѣ хвортуна послужила!»

* *
*

«Ой пôду я на гороньку,
А гляну я въ долиноньку:
Ажь тамъ двѣ калинй,
Стоятъ у долинѣ,
Ажъ до землй гôлье гнется.

*
* *

Ой пôду я по надъ море,
Жовтый пѣсокъ ноги коле:
Єдна ледащина,
Єдна ледащина,
И та зъ мене кпится!»

6.

(Т. I, 178.)

Ой я чумакъ несчасливый,
Ходжу съ журбы ледво живый.
Самъ не знаю, що чинити,
Якъ бы ту на свѣтѣ жити:
Гопцѝ, хлопцѝ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Волы мѣнѣ поздыхали,
Вôзъ и ярма поломали,
Я съ батогомъ ся зôстаю
Пôду съ бѣды погуляю:
Гопцѝ, хлопцѝ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

И сокиру и мазило
Що ся вôдъ воза лишило,
За горѣвку тобѣ даю,
Бо копѣйки вже не маю.
Гопцѝ, хлопцѝ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Або пôду утоплюся,
Або въ камѣнь розôбьюся,
Нехай люде о томъ знають,
Якъ чумаки умирають.
Гопцѝ, хлопцѝ, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшовъ чумакъ топитися
Чумачиха дивитися:
«Стôй, чумаче, не топися,
Хочъ на дѣти подивися!

Гопцй! хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя въ поле жати,
Та й забула серпы взяти;
Серпы взяла, хлѣбъ забула,
Такый Гандзя дома була.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Наша Гандзя добре жне,
Въ руки серпа не вôзме;
А за Гандзёвъ густый снôпъ,
Чтыре Дяки, пятый Пôпъ.
Гопцй, хлопцô, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя по бураки,
А за нею всѣ двораки,
А Поповичъ изъ переду:
«Чекай, Гандзю, куплю меду!»
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя по петрушку,
Надыбала щебетюшку,
Щебетюшка щебетала,
Гандзѣ спати не давала.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

7.

(I, 180; Метл. 463—464.)

Нема въ свѣтѣ такъ никому
Якъ бурлаку молодому.
Гей, гей, якъ бурлаку молодому!

* *
*

Бурлакъ ходить, работає.
А спочинку ничъ не мае.
Гей, гей, а спочинку ничъ не мае!

* *
*

Идетъ бурлакъ изъ панщины,
«Дай вечеряти, газдине.»
Гей, гей, дай вечеряти, газдине!»—

* *
*

«Лягай, бурлакъ, тако й спати,
Бо нема що вечеряти.
Гей, гей, бо нема що вечеряти.

* *
*

До порога головами,
Вставай рано за волами,
Гей, гей, вставай рано за волами!»

* *
*

Аще бурлакъ не здрѣмався,
А вже газда переспався:
Гей, гей, а вже газда переспався.

* *
*

«Вставай, бурлакъ, волы гнати,
А въ часъ зъ поля повертати.
Гей, гей, а въ часъ зъ поля повертати!»

* *
*

Ой вставъ бурлакъ, не вмывався,
За волами покваплявся,
Гей, гей, за волами покваплявся.

* *
*

Яромъ, яромъ, за товаромъ,
Оманцями за вôвцями,
Гей, гей, оманцями за вôвцями.

* *
*

Чорна хмара наступае,
Буйный вѣтрецъ повѣвае,
Гей, гей, буйный вѣтрецъ повѣвае;

* *
*

Дрôбный снѣжокъ притрясае,
Бурлакъ нôжки пôднимае,
Гей, гей, бурлакъ нôжки пôднимае;

* *
*

Бурлакъ нôжки пôднимае,
Свою неньку споминае:
Гей, гей, свою неньку споминае:

* *
*

«Ненько жь моя рôдненькая,
На що 'сь мене породила?
Гей, гей, на щось мене породила?

* *
*

По свѣтѣ 'сь мя износила,
Счастья, долѣ не впросила,
Гей, гей, счастья, долѣ не впрôсила!»

8.

(Иначе.)

Устань, дочко, устань, мати,
Дай бурлаку вечеряти,
Гей, гей, дай бурлаку вечеряти!

* * *

Дай бурлаку вечеряти,
По вечери лягай спати,
Гей, гей, по вечери лягай спати!

* * *

До порога головами,
А до стола та й ногами,
Гей, гей, а до стола та й ногами!»

* * *

Еще бурлакъ не вложився,
Вже господарь пробудився,
Гей, гей, вже господарь пробудився.

* * *

«Часъ бурлаку уставати,
На долину волы гнати,
Гей, гей, на долину волы гнати!»

* * *

Не чесався, не вмывався,
Не мавъ паса, не впасався,
Гей, гей, не мавъ паса не впасався;

* * *

Не мавъ паса, не впасався,
Не мавъ ходакъ, не взувся,
Гей, гей, не мавъ ходакъ, не взувався

10.

(Въ другихъ мѣстахъ такой конецъ:)

Подививсе на долину,
На долину, на коршмину,
Гей, гей, на долину, на коршмину.

* *
*

Тамъ чумаки пьютъ, гуляютъ,
Волы, возы, пропиваютъ,
Гей, гей, волы, возы, пропиваютъ.

* *
*

На остатку ярма, снозы,
Обôльяли его слёзы,
Гей, гей, обôльяли его слёзы.

11.

(Паул. II, 73.)

Пора приходитъ по счастью тужити:
Же свѣтъ великій, а мнѣ нйгде жити;
Куда тôлько я пôйду,
Нйгде счастьа не знайду,
Все бѣда кругомъ!

* *
*

Ба, чи е въ свѣтѣ такôй человѣкъ,
Якъ я мйзерный черезъ весь мôй вѣкъ?
Єдну мину, десять бѣдъ,
Всѣ за мною идутъ въ слѣдъ,
И бѣда кругомъ!

Тамъ тôлько добре, тамъ счасливый свѣтъ,
Тамъ люди добрі, де мене нѣтъ;
Куды тôлько повернуся,
Нѣгде съ лихомъ не минуся,
Бѣдный человѣкъ!

⁂

Рѣкою иному то счастье плыне,
Вродившися въ счастью, такъ и сгине;
А я счастья не зыскавъ,
Якъ на свѣтѣ жити ставъ,
Тôлько одинъ вѣкъ!

⁂

Отъ теперь зачну я, мізерный, казати:
Все утѣкае вôдъ моеи хаты;
Съ счастьёмъ по грибки ходити,
Съ счастьёмъ по рыбки бродити,
Безъ счастья ніщо!

Єще до дня три години.
Бурлакъ съ волы на долинѣ,
Гей, гей, бурлакъ съ волы на долинѣ;

* * *

Дробенъ дождикъ покрапляе,
Бѣлый снѣжокъ потрясае,
Гей. гей, бѣлый снѣжокъ потрясае.

* * *

Бѣлый снѣжокъ потрясае,
Бурлакъ нôжки пôдношае.
Гей, гей, бурлакъ нôжки пôдношае.

* * *

Бурлакъ ножки пôдношае,
Свою мати споминае,
Гей, гей, свою мати споманае:

* * *

Мати жь моя чорнобрôва,
На що жь мене породила?
Гей, гей, на що жь мене породила?

* * *

Єдного 'сь мня сына мала,
Бурлакомъ есь мня назвала,
Гей, гей, бурлакомъ есь мня назвала.

* * *

По надъ рѣчку 'сь мня носила,
Чому 'сь мене не втопила?
Гей, гей, чому 'сь мене не втопила?» —

* * *

«Де жь ты, бурлакъ, забавився,
По колѣна заросився?
Гей, гей, по колѣна заросився?»—

«Облогами за волами,
А шуваромъ за товаромъ,
Гей, гей, а шуваромъ за товаромъ:

* * *

Манівцями за вівцями,
Манівцями за вівцями,
Гей, гей, манівцями за вівцями.» —

* * *

«Не ходивъ ты за волами,
Але 'сь ходивъ за гульками,
Гей, гей, але 'сь ходивъ за гульками:

* * *

«Не ходивъ есь за вівцями,
Але за молодицями,
Гей, гей, але за молодицями.» —

9.

Еще [illegible]

Бурлакъ робить и працює,
Кажуть люде, що жартує
[illegible] бурлакъ изъ [illegible]
[illegible] [illegible] вечерати.
Бо вже бурлакъ иде спати,
Треба спати, не дрімати,
А ще займеть не [illegible].
[illegible] устань и обуйся.
Устань бурлакъ, не [illegible].
Не було ни [illegible], не [illegible].
[illegible] бурлакъ [illegible] [illegible] и т. д.

2.

(Т. I, стр. 135.)

А въ лузѣ калина
Весь лугъ прикрасила:
Породила бѣдна вдова
На жовняра сына.
Якъ го породжала,
То го научала:
«Будешь, сыну, въ дорозѣ,
Не забувай о Бозѣ!»
Доки жовняръ не пивъ,
То му Богъ годивъ,
А въ походахъ, а въ замыслахъ,
Все войско побѣдивъ.
Зачавъ жовняръ пити,
Зачавъ гайновати,
Зачалася жовнярева
Мошонка вменшати.
Плаче жовняръ, плаче,
Каскетъ въ рукахъ носитъ,
Своей неньки старенькои,
Прощенія проситъ:
«Проститъ мене, мати,
У твôй слѣдъ вступати:
Поки буду не забуду
О Бозѣ забувати!»
Плаче жовняръ, плаче,
Чорными очима,
Вже вечера бай готова,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ чужôмъ краю вмерти,
Та нй кому доглянути,
Воянцкои смерти.
Воронъ залѣтае,
Въ очко заглядае,

Біле тѣло обезсилѣє,
Кости розмоче.
Кобы мати знала,
Ладно бъ поховала:
Та ладно бы поховала,
Звоны [illegible].
Кобы мати знала,
То бъ службы найняла,
Добрать людей, та сусѣдівъ
На обѣдъ спросила.

3.

[illegible]

Ой у лузѣ, лузѣ, [illegible] [illegible]:
Породила мати сына, сына жовнѣрика;
Якъ го породила, та й вигодовала,
Якъ викохала, на війну го дала,
Якъ го [illegible], та й [illegible]:
Ой якъ будешь у дорозѣ, не забувай на Бога!
Доки жовнѣръ не [illegible], та Бога шанує,
У походахъ, у [illegible], все війско побѣдило;
А коли жовнѣръ [illegible] на Бога забувати,
У него Царь Небесный счастья уменьшати.
[illegible] жовнѣръ, [illegible], [illegible] на рукахъ носить,
Своей [illegible] старенькою [illegible] просить:
[illegible] [illegible] та [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]
Хто не слуха [illegible], [illegible] [illegible] [illegible].

ДУМЫ

д) *Воинскія и рекрутскія.*

1.

(Т. I, 134.)

А въ лузѣ калина
Всей лугъ прикрасила:
Выряджала бѣдна вдова
Сына жомняряна.
А якъ его выряджала,
То и его научала:
«Будешь, сыну, въ дорозѣ,
Не забувай о Бозѣ!»
Поки жомнѣрь не пивъ,
Господь ему счастивъ,
А въ замыслахъ, а въ походахъ,
Все войско побѣдивъ.
Узявъ жомнѣръ пити,
Узявъ гейновати,
А жь ся взяла жомнѣрская
Фортуна зменьшати.
Ходитъ жомнѣръ, ходитъ,
Въ рукахъ чако носитъ,
Своей неньки старенькои,
Прощенія проситъ:
«Прощай мене, мати,
Въ той походъ ступати,
Абы мěнѣ Бôгъ допомôгъ,
Пруса звоювати!»
Плаче жомнѣръ, плаче,
Крôвавыми слёзами,
Свою матку называе
Рôзными словами:

«Матко моя мила,
Доглянь, доглянь, худобоньки,
Доки будешь жила!»
Плаче жомнѣръ, плаче,
Чорными очима,
Же вечеря конецъ стола,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ чужôмъ краю вмерти,
А хто буде доглядати,
Жомнѣрскои смерти?
Ни отца, ни матки,
Никому жаловати,
А ни кому жомнѣрови,
Ранôвъ завивати.
Воронъ прилѣтае,
Смерти доглядае,
Бѣле тѣло обдзёбуе,
Кости розношае.
Кобъ то наша матка знала,
Тобъ намъ раны замывала,
Тебъ намъ раны замывала,
Красненько бъ насъ поховала;
И дзвоны бъ намъ [illegible],
Жалёбненько заплакала,
Якъ зазулька закувала,
Якъ зазулька у садочку,
Такъ матёнка по сыночку.
Якъ зазуля у лѣщинѣ,
Такъ матёнка по дитинѣ,
Такъ матёнка по дитинѣ.

([illegible] Уѣздѣ.)

4.

(Еще иначе.)

Ой у лузѣ калина
Весь лугъ прикрасила:
Породила мати сына,
Сына жовнярина:
Якъ го породила,
Та го научала:
«Ой якъ будешь, сыну,
Въ далекой дорозѣ,
Не забувай, сыну,
Николи о Бозѣ!»
Поки жовнеръ не пивъ,
Пана Бога хваливъ,
А якъ пошовъ до побою,
Все войско побѣдивъ.
Якъ взявъ жовнеръ пити,
Взявъ ся напивати,
Не хотѣвъ му самъ Господь Богъ
До помоги стати.
Ходитъ жовнеръ, ходитъ,
Шапку въ рукахъ носитъ,
Своей неньки старенькои
Прощенія проситъ.
Плаче жовнеръ, плаче,
Съ чорными бровами:
«Будь здорова, родиноньно,
Вже не буду съ вами!»
Плаче жовнеръ, плаче
Чорными очима,
Вже вечера готовая,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ воянщинѣ вмерти,
А хто дôздритъ, хто побачитъ,
Воянскои смерти?

Воронъ залѣтае,
Въ очи заглядае,
Бѣле тѣло роздзёбуе,
Кости розношае!»

5.

Стоитъ жовняръ на могилѣ.
Креше огню до шабелѣ,
Сухѣ лозы пôдпаляе
Свои раны розгрѣвае:
«Мои раны сѣканыи,
Стрѣляныи, рубаныи!
Сѣканыи—то ся зôйдутъ,
Стрѣляныи—къ серцю дôйдутъ!
Ты вороный, рôдный, брате,
Дай до моей неньки знати:
Не кажи ёй, що вбитъ лежу,
Ино кажи, въ Крôля служу,
Въ Крôля служитъ. самъ крулюе,
На могилѣ нôчь ночуе.
Та могила труповая,
Рече рѣчка кирвавая,
Надъ рѣчкою воронъ краче,
Ой за сыномъ мати плаче:
«Не плачь, мати, и не тужи,
Не порубанный я дуже:
Головонька на четверо,
А нôженьки на шестеро,
Бѣлѣ палцѣ на кавалцѣ,
А рученьки на штученьки!»

6.

Червона калино, чого въ лузѣ стоишь? гей, гей!
Чи ягôдъ жалуешь, чи ся вѣтру боишь?»—
«Ягôдъ не жалую, вѣтру ся не бою,
Я стою, думаю, що чинити маю:
Три ночцй не спала 'мь, листоньки писала,
До мого милого, що 'мь вѣрно кохала.
Милый листъ доставши, и перечитавши,
Тяженько вздохнувши, коханья згаднувши.»
Гей, тамъ жовнѣрочокъ по рыночку ходитъ,
Пана Капитана усердно ся проситъ:
«Пусти мене, пане, изъ гôръ на Подôлья,
Моя мила хора, завезу ѣй зѣлья!»—
«Ой ты жовнѣрочку, що ты си гадаешь,
Ту дѣвчата красні, ты ся тамъ вертаешь.»—
«Якъ ся не вертати, она сиротина,
Ой мôй милый Боже, за мновъ затужила!»

7.

(Т. I, 104.)

Калино, малино, голова болѣла,
Голова болѣла, свѣту не видѣла,
Листъ написала, и на почту слала,
До того жовнѣра, що вѣрне кохала.
А жовнѣръ взявши, листъ перечитавши,
Коханье сгадавши, сердечне заплакавши:
«Пане, ты мôй пане, пане Капитане,
Пусти мене до домъ, хоть есмь заволаный!
Пусти мене, пане, пане Капитане,
До тои дѣвчины, котра сына мае».—
«Хлопче, ты мôй хлопче, якій 'сь ми вѣрненькій?
Де жь ты сына маешь, такій молоденькій?»
Прійшовъ вôнъ до дому, дѣвчина хоруе,
Припавъ до лôжечка, ноженьки цѣлуе:

«Цѣловала бы тя лихая година,
Вôдреклася мене вся моя родина
Вôдрекся и отець, вôдреклася мати.
Через тебе, жовнѣру, треба умирати.» —
«Стôй, дѣвчинонько! Госпôдь Богъ съ тобою,
Якъ ся выхоруешь, возьму слюбъ съ тобою.» —
А дѣвчина встала, якъ не хоровала,
Своего жовнѣра та й поцѣловала:
«Ой знаю я, знаю, якъ жовнѣръ бѣдуе,
Хоть лиха година, жовнѣръ нажеруе.»

8.

Т. I, 105.

«Червона калино,
Чомъ ты въ лузѣ стоишь?
Цы ся сушу боишь,
Цы ягôдъ жалуешь!» —
«Сушу ся не бою,
Ягôдъ не жалую,
Но стою, думаю,
Якъ зацвѣсти маю.
Зацвѣту бѣленько,
Люде мене знають;
Зацвѣту червоно,
Гôлье обломляють.» —

* *
*

«Молода дѣвчино,
Що ты смутна ходишь?
Цы головка больна,
Цы нôчка невольна?» —
«Нôчка ми невольна,
И головка больна,
Три ночи не спала,
Дрôбный листъ писала;
Писала, писала,
И на почту слала,

До того жовняра,
Що 'мь вѣрне кохала.
Жовнеръ взявъ листокъ,
Та й перечитавши,
До Бога вздохнувши,
И не отписавши.»—
Въ вишневôмъ садочку
Жовнѣръ траву коситъ,
Пана Капитана
На урлопъ ся проситъ:
Пане Капитане,
Пусти мня до дому!
Пише дѣвча листы,
Причина зо мною.»—
«Молодой жовняре!
Глупый розумъ маешь,
Же ся до чужои
Причины прîймаешь.»—
«Пане Капитане,
Я клякну, присягну,
Же моя причина
И моя дѣвчина.
Пише дѣвча листы:
Давъ ми панъ Богъ сына.»
Прîйшовъ я до дому,
Не казавши ни кому,
Дѣвчина лежитъ,
Свѣченька горитъ,
Припавъ до личенька,
Припавъ до бѣленька,
Въ личенько цѣлус,
Горне, обôймае.»
«Щобъ тя цѣловала
Лихая година,
Отрêкъ ми ся панъ Богъ
И вся родина!»—
«Дѣвчино, дѣвчино,

Господь Богъ съ тобою!
Якъ выслужу въ войску
Возьму слюбъ съ тобою!»

9.

(Отрывокъ.)

Упавъ снѣжовъ межи горы,
Та й рѣчки прибули:
Уже мого миленького
Въ черевички взулы;
Взули, взули, въ черевички,
Сиву барву дали,
Кучерики порôвнали,
На войну погнали.
Ишовъ милый коло мене,
Та й не рêкъ ни слова,
Тяжко вздохнувъ, хустоковъ махнувъ:
«Будь, мила, здорова!»

10.

(Отрывокъ. Т. II, 101.)

Въ чистôмъ поли береза стояла,
На березѣ зазуля ковала:
«Чомъ, береза, бѣла, не зелена?»—
«Якъ я маю зелена бути,
Пôдо мною стояли рекруты,
Шабельками гôлье обтинали,
До Маiора дрôбный листъ писали:
«Ты, Маiоре пане, ты нашъ Капитане,
Пусти насъ въ лѣсъ за Ляшками!
Бо то Ляшки здрадливыи люде:
Здрадили Цѣсаря, шибениця буде.»

11.

(Отрывокъ. Паул. II, 46).

Ой на горѣ вѣтеръ вѣе,
Подолянка рутку сѣе,
Сѣе, сѣе, высѣвае,
Братъ сестру обôймае,
Обіймае не чужую:
«Дай ми личко, поцѣлую,
Поцѣлую, помилую,
И до вôйська повандрую!»

12.

(Т. I; ср. Метл. 449.)

Чорна хмара наступае,
Дрôбный дощикъ йде:
Ой а бѣдный жовнярина
Ту зброю несе.
«Позволь, позволь, пане капраль,
На медъ, вино пôйти!»
Ой позволивъ та панъ капраль
На медъ, вино йти.
Котры маютъ отця, матку,
Тоти въ корчмѣ пьютъ,
А бѣдныи сиротоньки
На дощи стоютъ.
Якъ заглянувъ панъ капраль,
Та стало му жаль,
Скинувъ съ себе курманину,
Надъ ними розпнявъ.
Якъ же взяли жовнѣроньки
Изъ тои нудности:
«Берѣтъ кварту, берѣтъ другу,
Изъ тои радости!»
Сидитъ багачъ конецъ стола.

Тай поглядаєся:
«За що тая голотонька
Та напиваєся!»
Якъ же крикнувъ самъ панъ капраль
На жовнѣра вразъ:
«Берѣть, берѣть, багатчика
Зъ за стола заразъ!»
Єденъ тягне за чуприну,
А другій въ каркъ бье:
«Най ся багачъ не дивуе,
Що голота пье!»
Выйшовъ багачъ по за-село,
Та й не оглядався,
Десятому наказовавъ,
Щобъ не смѣявся.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

13.

Выправила мати сына горовъ, гребельками.
Не видѣла дороженьки передъ слёзоньками;
Выправила мати сына на вôйну раненько,
Сѣла собѣ пôдъ вôконце, плаче жалôбненько:
«Обернися, воронъ коню, три разы по сонцѣ,
Най не плаче стара ненька раненько въ вôконцѣ!»

14.

Ой у лѣсѣ на дубочку зазуля ковала,
Тамъ у саду у вишневôмъ мати заплакала:
Не такъ она заплакала, якъ заговорила,
Выправляла на вôйноньку рôдненького сына:
«Иди, сыну, на вôйноньку, та й не забавляйся,
За пôвъ року, за три чверти, до дому вертайся!» —
«Цы ся верну, цы не верну, або тамъ загину,
Скажу я си посадити въ головахъ калину;

Будутъ пташки прилѣтати, та калину ѣсти,
Будутъ мéнѣ приносити ôтъ матéнки вѣсти.
Будутъ вѣсти приносити о першôй годинѣ,
Поклонюся всему свѣту и своёй родинѣ!»

15.

Ой закукала сива зазулейка
Въ зеленôмъ садочку,
Выпровожала стара матéнейка
Свого сынка на вôйночку.—

* *
*

«Ой иди, сынойку, на тую вôйнойку:
Та не забавляйся,
За рочокъ, за два, за недѣль чотыре,
До дому повертайся!»—

* *
*

«Ой Богъ то знае, Богъ то вѣдае,
Ой чи я вже повернусь;
Ой чогось мôй коникъ, коникъ вороненькій,
Въ воротейкахъ спотыкнувсь!»—

* *
*

«Ой не бій, сыну, коня въ головойку,
Не буде ся спотыкавъ;
Ой не здрадь, не здрадь, людськой дитины,
Не буде тя Богъ каравъ.»—

* *
*

«Ой не бивъ же я коня въ головойку
Таки ся вôнъ спотыкавъ,
Ой не здрадивъ я людской дитины,
Чого жь мене Богъ скаравъ!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

16.

(Т. I., 134, 135.)

Ой у лузѣ при дубровѣ зацвѣла калина:
Породила бѣдна вдова хорошого сына;
Якъ же ёго породила темненькои ночи,
Дала ёму бѣле тѣло а черненьки очи.
Волѣла 'сь ми, моя мати, чорне тѣло дати,
«Нёжь есь мала на жовняра мене записати!» —
«Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде:
Выбирайся, вдовинъ сыну, завтра походъ прійде!» —
«Я морозу не боюся, Марта розôвьюся,
Я похода не боюся, въ свôй часъ выберуся.»
Гаёмъ, коню, гаёмъ, коню, гаёмъ зелененькимъ!»
Выѣжджае вôдъ родины жовнярь молоденькій;
На коника выхопився, съ коня похилився́:
«Прощайте ми, рôдны братья, можемъ съ кѣмъ сварився!
Покропляйте дороженьку, бы ся не курила,
Перекажѣть до матоньки, бы ся не журила!
Розвѣвайся, сухій дубе, та въ четыре листы:
Любивъ же я двѣ дѣвчины, не мавъ зъ нихъ корысти;
Єдну 'мь любивъ на Волынѣ, другу на Вкраинѣ,
Роскраяли серце мое на двѣ половинѣ!»

17.

(I, 134, 135; Паул. II, 49.)

Ходитъ Михась по садочку, на сопѣлцѣ грае,
Ходитъ за нимъ дѣвчинонька, тяженько вздыхае:
«Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде!
Выбирайся, Михасеньку, завтра походъ буде!» —
«Я морозу не боюся, листьемъ покрыюся,
Я походу не боюся, въ сей часъ выберуся!
Гаёмъ, коню, гаёмъ, коню, гаёмъ зелененькимъ!
Выѣзджае зъ того села хлопець молоденькій·
Выѣзджае за ворота, зъ коня похилився:

«Выбачай ми, громадонько, може 'мь съ кѣмъ сварився!
Покропѣть ми дороженьку, щобъ ся не курила,
Розбивайте тугу милôй, щобъ ся не журила!
Ой не жаль ми дороженьки, що ся за мновъ курить,
Ой якъ ми жаль дѣвчиноньки, що сь за мновъ журитъ.
Розвивайся, сухій дубе, та на чтыри листы:
Уродився я въ тôмъ селѣ, а не мавъ корысти;
У тôмъ селѣ уродився, теперь на Вкраинѣ,
Роздвоене мое серце на двѣ половинѣ!»

18.

(Паул. II, 47.)

Въ славнôмъ мѣстѣ Залѣщикахъ высока могила:
Ой не една выглядае мати свого сына:
«Ой нема жь мого сына, не мажь мого пана,
А вже жь ёго постѣлонька порохомъ припала!»
Чорненькіи воронята, пôднесѣться въ гору!
Вы, молодій новобранцій, вернѣться до дому!» —
«Рады бы 'сьмы ся въ гору взнесли, туманъ полегае,
Рады бы 'сьмы ся вернути, Цѣсарь не пускае;
Не пускае, не пускае, добру здобычь мае,
Сидитъ собѣ на креселку, на скрипочкахъ грае;
А скрипочки зъ василечка, а струны изъ руты,
Якъ заграе въ Тернополѣ, на всю Польщу чути.»

19.

(Отрывокъ.)

Въ Залѣщикахъ на рыночку малёваный ганокъ:
«Выйди, ненько, подивися, зъ твого сына панокъ!»
Выйшла ненька, выйшла ненька, та й стала, та й тужить:
«Нема мого сынка Йванка, южь въ Цѣсаря служитъ!»

20.

(Паул. II, 40.)

За горовъ высоковъ сивый кôнь розигрався,
Тамъ Ивасенько, молодый Козакъ, на вôйну выбирався,
А ёго ненька, а ёго ненька, та ёго обыймае:
Обыймае, припадае, та й ёго пытае:
«Коли ся, мôй сыноньку, зъ вôйны надѣяти,
И съ которои стороны тебе вызирати?» —
«Якъ задзвонятъ, моя мати, на свято Николы,
Не сподѣйся, моя мати, новобранця нѣколи!
Або ся верну, або ся не верну, може тамо й сгину,
Прійми, мати моя, Ганусю за рôдну дитину!» —
«А що тобѣ, мôй сыну, за година настала,
Що тобѣ чужа чужина до серця пристала!»
Ой Цѣсарскіи три жôвняры дали до Турчина знати,
Щобы Ивасеви молодому зъ плечъ голову зняти.
Повели Ивася въ чистее поле съ голыми мечами,
Зняли Ивасеви зъ плечій голову пôдъ трёма яворами.

21.

(Т. I, 173—174.)

Мати сына лелѣяла,
Утѣхи ся надѣяла:
«Хочь мя лелѣй, хочь не лелѣй,
Утѣхи ся ничь не надѣй!
Сли я взросту, въ вôйну пôду,
А сли умру, гнити буду!»
Ой не умеръ, ино изросъ,
Ой не умеръ, ино изросъ,
Взявся въ вôйну выбирати,
Взяла мати проклинати:
«Бодай 'сь, сыну, не доѣхавъ,

Жебы 'сь, сыну, счастья не мавъ,
А нй счастья, а нй доли,
Ни годины веселои!»
Ой выѣхавъ въ чисте поле,
Ставъ му коникъ гороньќою,
Сѣдланенько купиною,
А нагайка гадиною,
А самъ молодъ явороньќомъ;
Выйшла мати жито жати,
Взявъ ѐй дощикъ накропляти,
Стала она пôдъ яворомъ,
А взявъ яворъ промовляти:
«Не стôй, мати, пôдъ яворомъ,
Бо жь то яворъ твôй сынонько!» —
«Ой коли жь мôй сынонько,
То иди ты до домоньку;
Йди, сыноньку, до домоньку,
Вшіють сестры кошуленьку!» —
«Ой е въ мене кошуленька,
На яворѣ е листонько!» —
«Иди, сыну, до домоньку,
Змыю я ти головоньку!» —
«Иде въ полю дробенъ дощикъ,
Змые мене̂ головоньку.» —
«Иди, сыну, до домоньку,
Вшіютъ кравцй сукманоньку!» —
«Ой е въ мене сукманонька,
На яворѣ коринонька!»

22.

Заковала сива зазуленька
Въ лѣсѣ надъ водою:
Плаче, тужитъ, жовняръ молоденькій
На конику вороному.

А въ недѣлю рано, ранесенько,
Якъ стало свѣтати,
Позъѣзджалася вся родина
Жовнѣренька выправляти.

* *
*

Выправляла ёго въ далеку дорогу,
Межи чужій люди:
«Якъ же вôнъ пôде, до насъ не прійде,
То жаль за нимъ буде!»

* *
*

Сѣла мати, сѣла старенькая,
Въ сѣнéхъ на порозѣ,
Якъ си погадала, що сына отдала,
Обольяли ю дрôбны слёзы:

* *
*

«Волѣла бы 'сь мя, моя стара мати,
Маленькимъ втопити,
Нéжь я маю, такій молоденькій,
Цѣсареви служити!

* *
*

Волѣла бы 'сь мя, моя стара мати,
Малымъ поховати,
Нéжь я маю, такій молоденькій,
По сто кіéвъ на день брати!»

23.

(Т. I, 96.)

«Ты, Ивасю зъ надъ Дунаю,
Що тамъ чути въ вашôмъ краю?»—
«Ничь не чути, войну чути:

Идутъ Ляхи на три шляхи,
А жовнѣры на чотыри,
Гранатыри горнутъ крылы;
На тôй горѣ кôнь Турецькій,
На нёмъ сидитъ сынъ Крôлевскій,
Въ правôй руцѣ лукъ тримае,
А зъ лѣвой ся кровь зливае;
На тôй крови воронъ краче,
А по сыну мати плаче:
«Не плачь, мати, та й не дуже,
Не бувъ я ще въ вôйнѣ дуже!»

24.

Ой у Львовѣ на рыночку
Пьють жовнѣры горѣлочку,
Ой пьють они, попиваютъ,
Съ собовъ дѣвче намавляютъ:
«Всѣдай, всѣдай, дѣвче съ нами,
Съ молодыми жовнярами!» —
«Не буду я съ вами всѣдати,
Не позволитъ отецъ, мати.»
Дурне дѣвче послухало,
Всѣло на вôзъ, поѣхало,
Ѣде нôчку и другую,
А на третью треба спати,
Коничéньковъ попасати,
До батенька листъ писати,
Най ся батько не журбуе,
И посагу не готуе,
Ой бо я вже посагъ брала,
Пôдъ яворомъ зеленькимъ,
Изъ жовнѣромъ молоденькимъ.

25.

(I, 145; Паул. II, 51.)

Вандрували вуланчики, счастлива имъ дорога!
«Бувай же ми, моя мила дѣвчинонько, здорова!»
«Чомъ ты мене, моя мати, раньше не будила,
Коли тая компанія зъ села выходила?» —
«Чи ты мѣнѣ, моя доню, нынѣ одурѣла,
Що ты того вуланчика теперь полюбила?»
Спускалися вуланчики зъ горы на долину:
«Подивися, дѣвчинонько, въ новую кватыру!»
Ой летѣла зазуленька, та й казала: куку!
«Подай, подай, дѣвчинонько, безъ вѣконце руку!
Ой летѣла каленка пострѣлена зъ лука:
А вже жь мѣнѣ, дѣвчинонько, съ тобою розлука!»

26.

[illegible]

Ой не шуми, дубровонько,
Ой не шуми, зелена,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

«Бувай, менѣ, мамо, здорова!» —
«Счаслива ти, сыну, дорога!»
Зъ Золочева ажь до Львова,
А зô Львова ажь до Вѣдня,
Головонько жь моя бѣдна!
Въ Львовѣ будете присягати,
Головы вамъ будутъ обстригати;
Цѣсарови будете служити,
А за родомъ не тужити!

27.

(I, 142; Паул. II, 61.)

Зôйшовъ мѣсяць и зоря,
Кличутъ Вôйта до двора:
Иде Сотникъ, иде Вôйтъ,
Та й съ громады чоловѣкъ;
Взяли раду радити,
Якъ рекрутôвъ ловити.
Я ночовавъ въ дубинѣ,
Не чувъ емь въ тôй новинѣ;
Дала сестра брату знати:
«Будутъ до рекрутôвъ брати!»
А я на то не зважавъ,
По малу ся обувавъ,
Отворивъ я кватыру—
Обступили хатину;
А я зъ хаты до коморы,
А зъ коморы до стодолы,
Пôдхопивъ емь жита снôпъ,
Сховавъ емь ся на самъ спôдъ.
Ой приходитъ самъ панъ Вôйтъ,
Узявъ зъ мене жита снôпъ:
«Вставай вôдти, коханку!
Потребують до замку;
Атаманы, берѣте!

Назадъ руки вяжѣте!»
Атаманы пôрвали.
Назадъ руки звязали:
Ведутъ мене через село.
Спѣваю си весело:
Завели ня пôдъ брану:
«Чекай, Вôйте, най стану.
Най си руки поправлю,
Отцю, матцѣ поклонюсь!»
Вôйтъ ся того догадавъ,
Чтыри людей варты давъ.
Выходятъ старѝ жовнѣры,
Берутъ мене до мѣры:
Ще 'мъ до мѣры не дôставъ,
Уже 'мъ ся тамъ та й зôставъ.
Даютъ менѣ каманѝ,—
Заплакали всѣ нашѝ:
Даютъ менѣ катанки —
Заплакали кочанки.
Даютъ менѣ капелюхъ,—
Тото я си жовнѣръ зухъ!
А карабинъ на плачѣ,
Теперь жовнѣръ не втече!

28.

(Т. I, 142, 144.

Ой сталася новина,
Кличутъ Вôйта до двора:
Взяли раду радити,
Где бы бранця узяти.
Ой е въ вдовы одинъ сынъ,
Буде жовнярь вдовинъ сынъ.
Дала менѣ сестра знать:
«Тѣкай, тѣкай, рôдный братъ!»

Я на тое не вважавъ,
По малу 'мь ся убиравъ;
Подивлюся въ кватырку —
Повно Ляхôвъ на рынку.
Єдинъ чобôтъ на нозѣ,
Ой а другôй у руцѣ,
Ой скочивъ я въ комору,
А съ коморы въ студолу,
Пôдоймивъ я житній снôпъ,
Сховавъ я ся на самъ спôдъ,
А Вôйтъ мене за плече:
«Вже вдовій сынъ не втече!»
Ведутъ мене до двора,
Уже фѣра готова.
Гдесь взяли ся й жовнѣры,
Кладутъ мене до мѣры,
Даютъ мêнѣ черевикъ,
Я до того не навыкъ;
Даютъ мêнѣ камашй,
Плачутъ, плачутъ, всѣ нашй;
Даютъ мêнѣ катанки —
Плачутъ мои коханки;
Даютъ мêнѣ гребенецъ —
Плаче мати и отецъ;
Дали шаблю та й коня:
«Рушай, жовнѣръ, до огня!»

29.

(Отрывокъ.)

Черезъ гору Михайлову
Идутъ комисары:
«Женѣтеся, ледѣники!
Берутъ у гусары.

* *

Хоть ся женѣтъ, хоть не женѣтъ,
Не поможе жёнка;
Однако нетъ выбивати,
Телятча тобôвка».

30.

(I, 148: Пауд. II, 156.)

Въ Тернополѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцевъ двѣстѣ;
А чѣмъ же ихъ звербовали?
Злотыхъ грошей даровали.

* *
*

Въ Тернополѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцêвъ двѣстѣ.
И [illegible], и писарѣ,
У уланы приставали.
Пристань, Юрку, до вербунку,
Будешь ѣсти зъ масломъ курку.
Будешь ѣсти, будешь пити,
Будешь якъ панокъ ходити.

* *
*

Забудь тата, забудь маму,
А самъ пристань у уланы!
Теперь мусишь горювати,
[illegible] въ войску [illegible].

* *
*

А въ уланахъ много грошей,
Будешь багатый, хорошій,
Будешь ѣсти, будешь пити,
И хороше въ чѣмъ ходити.

Утни паса на рамена,
Служитъ жовнѣръ за улана:
Кита бѣла, киверъ чорный,
Хлопець гожій и моторный!

31.

(Паул. II, 56.)

Въ тôмъ мѣстечку Калушу
Сидятъ паны рядами;
Стали раду радити,
Якъ бы бранця зловити:
«Не берѣмъ того багача,
Буде панамъ докучавъ;
Возмѣмь того сироту,
Позбудемся клопоту!
А нй батька, а нй мати,
Нема кому плакати,
А нй брата, а нй сестры,
Нема кому провести!»

32.

(Паул. II, 59.)

Ой весна, юже красна, юже красна, юже зô стрѣхъ капле,
Ой юже тобѣ, Козаченьку, вандровочка пахне!
Вандровавъ нôчку, другу, вандровавъ цѣлыхъ три днй,
Завандровавъ ажь до Рѣпнева, та на гôршіи злыднй.
А въ Суботоньку въ вечереньку до рекрутôвъ забрали,
А въ Недѣлоньку, по службѣ Божôй, до Бережанъ погнали.
Ой котрй були Отынêвскіи, тыи ся выкупляли,
А котрй були бѣдни сироты, тыми ся заступляли.
Ой летитъ воронъ вже по надъ Дунай, та й жалôбненько краче:

Ой не еденъ отець, не една мати, за своимъ сыномъ плаче
Ой ступай, коню, ты пôдо мною на крôвавыи рѣки,
Бувай здорова, родино моя, пропавъ же я на вѣки!
Ой ступай, коню, ты пôдо мною на розбитую груду,
Бувай здорова, родино моя, вже я у тебе не буду!

33.

(Т. I, 146.)

Ой у поли густый теренъ росте,
А тѣмъ терномъ вбита стежка иде:
Не такъ стежка, якъ вбитый шлячокъ,
Ѣхавъ нею Осударскій Ляшокъ:
За тимъ панкомъ сѣмъ Маіорôвъ идуть,
А за ними сивû конû женуть,
А за кôньми новобранчики идуть,
А зъ бокôвъ имъ тарабанчики бьють;
Оченька имъ позаплаканû,
Бѣлû лицû позамургованû,
Рученьки имъ позавязуванû,
Ноженьки имъ позаковуванû
А за ними отцû, матери, идуть,
Тонкû бѣлû сорочки несуть:
«Ой ты, сыну, та й детино моя,
А где жь ты свôй злотый перстêнь подѣвъ?» —
«Злотый перстêнь тарабанчикамъ давъ
Щобы вôнъ часъ ранесенько побуджавъ,
Та щобы намъ ладно маршъ выгрававъ» —
«Ой ты, сыну та й детино моя,
А где жь твоя люба, мила, дружина.» —
«Ой у поли тамъ высока могила,
Ой тамъ моя люба мила, дружина!»

34.

(Т. I, 137.)

Ой я несчасливый на свѣтѣ народився,
Кôнь вороный, я молодый, и ще не женився!
Продай, матусенько, коня вороного,
Та ожени мене, нене, хлопця молодого!»—
«Не треба, сыноньку, коня продавати,
Пишутъ чорнымъ по бѣлому, хтятъ до вôйська взяти!»—
«Ой я, матусенько, вôйська не боюся,
Кôнь вороный, я молодый, зъ вôйська выслужуся.»
Ой на горѣ жито, жито, на долинѣ жито:
Подъ бѣлою березою тамъ жовняра вбито;
Ой убито, вбито, затягнено въ жито,
Чорненькою китаёчковъ личенько накрыто.
Ой выйшла дѣвчина изъ новои хати,
Пôдôймила китаёчку, взяла жаловати.
Ой выйшла другая, уже не такая,
Пôдôймила китаёчку, ревне заплакала:
«Ой встань, жовнярику, устань, молоденькій!
Ходить, блудитъ, по дубровѣ твôй кôнъ вороненькій!»—
«Ой най же вôнъ блудити, най ся выблуджае,
Вôнъ до моеи матусеньки дороженьку знае!»

34.

Кровавая дороженька до самаго Вѣдня,
А ктожь ее покрованивъ?—Рекрутоньки бѣдни.
Не такъ Цѣсарь, не такъ Цѣсарь, якъ Цѣсарска мати,
Хтѣла нами, сиротами, Польщу звоёвати.
Ой скрипочки изъ липочки, а кôлочки зъ руты,
Якъ заграютъ а во Львовѣ, на всю Польщу чути.
А скрипочки изъ липочки, а струны зъ барвѣнку,
Якъ заграютъ а во Львовѣ, чути на Вкраинку.

35.

Ой служивъ я у Цѣсаря,
Заслуживъ на ласку:
Бѣлый ремѣнь черезъ плечи,
А на челѣ бляшку.

* *
*

Ой Цѣсарю, Цѣсареньку,
На що насъ вербуешь?
Ты не сѣешь, а ни жнешь,
Чимъ насъ выгодуешь?

* *
*

«Не бôйтеся, поробочки,
Вы богати сыны,
Ой маю я за кордономъ
Чтыри магазины:

* *
*

Єдинъ сѣна, единъ сѣна,
А другôй половы,
Третій вôвса, третій вôвса,
Четвыртый соломы.

* *
*

Буду я васъ годовати
Сѣномъ та половою,
А буду васъ высылати
Цѣсарсковъ дороговъ.»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

36.

Ой ковала ми зазулька въ Раховôмъ повѣтѣ:
Въ Коломыѣ одбирають якъ зимѣ, такъ лѣтѣ;
Въ Коломыѣ одбирають, до Вѣдня сгоняють,
А у Вѣднѣ на толоцѣ рейментъ сбивають.
Та бо я тамъ бувъ два разы, ще й третій разъ буду,
За третій разъ якъ ся не здамъ, вояк омъ не буду.
Кобы я Бога допросивъ, абы я здоровый,
Давъ бы Цѣсарь безъ крайцара ввесь мундуръ готовый;
А давъ бы бѣлый сердачокъ, та й голубй гачй,
Та й на пять день сорокôвця, ать статокъ, сараче!
Котрый тамъ бѣды не видѣвъ, гаразду не знав.
Сидитъ собѣ пôдъ касарнёвъ, гверомъ обертае;
А я ходивъ того року, дививъ я ся зъ боку,
Такъ жовнярамъ крутя уха, якъ нотакъ волоковъ;
А не за то имъ крутили, що добре ходили,
Але за то имъ крутили, шо горѣвку пили.
Бо паны тимъ не требують, шо охôчне ходить,
Бо вôнъ пускае гверъ зъ руки та спйсы поломитъ;
А вôдъ панôвъ до воякôвъ розказъ господарскій,
Абы спйсы не ломити, бо то даръ Цѣсарскій.
Ой бо Цѣсарь гверъ не дававъ, шобы то псовати,
Але шобы на кождый день квачемъ пуцовати:
А не на то пуцовати, шобъ они не гнили,
Але на то пуцовати, шобы ся блищали.

37.

Овва! що ми за страхъ буде, шо вояк омъ стану,
Дасть ми Цѣсарь безъ крайцара скôряну крисаню.
А я сесе правду кажу, цы ты чуешь, уйку?
Дасть ми бѣлу камйзельку, орѣхову люльку.
Буду въ Цѣсаря служити, въ Цѣсаря дуфати,
Таке ми дасть лудинячко, шо ме сй лискати,
На вôдслузѣ мй вырядитъ, отъ якъ козу хрому,

Добре сдере, дрантаве дасть, тогды йди до дому!
А я въ свое село прійду шось погаздовати,
Прійдуть, возмуть десятники сердачину зъ хаты,
А нимъ шухи вôдрубаю, шарварокъ вôдроблю,
Доти сердачокъ пропаде, другій не зароблю,
За крайцара теперь тяжко, я другій не куплю,
Студеный морозъ потисне, голый ся облуплю.

38.

Изъ 1859 года, записана отъ Русскаго солдата Австрійскаго полка Парма, Коломыйскаго Округа.

(См. «Голосъ народный,» газета изд. въ Коломыѣ 1866 г., № 22.)

Та кувала зазулица ой на небѣсъ току:
Чи чули вы, люде добры, девятого року?
Але жъ бы то бай не чули, бо не були 'въ дома,
Та коли ся почынала изъ Французомъ война.
Чи вы чули, люде добры, та такй публики,
Що забрали въ Коломыѣ рекрутôвъ на вôйну?
Але жъ в'ни ихъ та й забрали, не пустили къ хатѣ,
А взяли ихъ, хле, пôдъ варту, гонятъ на бараки.
А взяли ихъ, хле, пôдъ варту, та тамъ зецерують,
Котрый носа утирає, на остро штрофують.
Та кувала зазулица на зеленôй рутѣ:
Та зайшли на Сыбѣрки сараки рекруты.
Та зайшли на Сыбѣрки через одну станцію,
Пригнали ихъ у Германштетъ, дали на касарню;
А тамъ пôчнуть, хле, почнуть, дивизу зецерують,
Коломыйску зецерôвку нича не потребують.
А тепера мы несчисливы хлопцѣ молодыи.
Пала карта вôдъ Цѣсаря съ тои Италіи:
Пала карта вôдъ Цѣсаря зъ самой Вероны:
А щобы мы, молоденькй, ступали до войны.
А молодиты камратенька горѣлки напилися.

Бо вже, вѣдай, камратиска, вôдти не вернемся!
Горѣлки ся якъ напили, ни чо не гадали,
Двѣ стаціи якъ зробили, то всѣ попадали.
Тамъ Обершты та Маіоры бефель выдавали,
Офицiры-Капитаны намъ наказовали:
«Якъ будете такъ робити, будете караний!»
Теперь мы ся, молоденьки, дочекали бѣды!
Три стаціи на день робимъ, не ѣмо обѣды.
А якъ пришли въ Италію до самои войны,
А теперь мы, камратиска, ни чого не годны.
Але Парма бо счаслива, Бога допросила,
Лише прійшла въ Италію, война ся скôнчила.
А теперь мы, камратиска, вернѣмся до Вѣдня,
Мы кляйники поскидали, якй стали бѣдны.
А у Вѣдня тяжка служба, а ще почта ходитъ,
Въ Италіи еще гôрьша, най Господь боронить!
А що то въ той Италіи тамъ воды солены,
Якй були регимента, то всѣ заморены.
Тому добре, брате, въ вôйску, що жѣнки не мае,
А вôнъ свою службу робитъ, та ничь не пытае;
Але що тотъ, хло, женатый дуже штудеруе,
А якъ пôде до шпиталю, та й тамъ крепируе.

39.

Коничку мôй сивый!
Будь мѣнѣ счасливый!
Якъ пôду на войну,
Бы 'ня не забили.

* *
*

Бо кедь 'ня забіють,
Вержуть 'ня до решту,
Будуть до 'ня ходить
Хлопцй на перечку.

Бо кедь 'мя забіютъ.
Вержутъ 'мя до ярку,
Будутъ до 'мя ходитъ,
Дѣвки на фіялку.

* *
*

Я коничка поивъ,
Мила воду брала,
Я собѣ заспѣвавъ,
Мила заплакала.

* *
*

Я собѣ заспѣвавъ
На сивôмъ коничку,
А в'на заплакала
Въ зеленôмъ гаичку.

(Изъ села Лучки Бережскаго Уѣзда.)

40.

Эй, пôду я въ полонину вôвцы зимовати,
Цы не будешь, моя рыбко, за мновъ бановати?
Эй пôшовъ я въ полонину сѣнечко косити,
Пришли мене добры люде въ катуны имити.
Єденъ каже: «Побратиме!» Другій каже: «Куме!»
Третій мéнѣ по пôдъ плечи мотузище суне;
А я собѣ, бѣдный, гадавъ, ожь сѣно докошу,
Дали менѣ карабійнъ, най я тото ношу.
Карабійне, карабійне, ой на мою душу,
Цѣлый рôкъ емь полёвавъ, носити тя мушу!

(Запис. въ околицѣ Мистичева Бережскаго Уѣзда.)

41.

Кедъ ти мои власы
Въ Угелю стригали,
То на мою стару матку
Зимну воду льяли.

* * *

Идземъ горе, долу,
Ажь ше дражка кури,
Пойдземъ до касарнй,
Ажь ся трясуть муры.

* * *

Эй не веримъ себе,
А нй, мила, тебе,
А нй тей кошулѣ
Цо ё мамъ на себе.

* * *

«Не поздравляй ты мня,
Отъ вышнего конца,
Бо я поздравлена
Отъ едноґо хлопца!»

(Изъ Земплинскаго Уѣзда.)

42.

Угелю, Угелю, несчесный Угелю!
Я до тебе идземъ не за своёвъ волёвъ.

Плакала стара маць, плакалй двы шестры,
Якъ на мне вйдзелй тенъ мундйръ воемскй.

Бо кедь 'ня забіютъ,
Вержуть 'ня до яр ... бочку.
Будуть до 'ня хо
Дѣвки на фіялку

* *
*

Я коничка ... ше
Мила вод ... капчан
Я собѣ
Мила

43.

Я ... ишолъ презъ Видиянске полё,
...й чарне очка моё.

Попатрелй на тоту долйну,
Кадй 'мь ишовъ въ Цйсарскомъ мундйру,

На Кошицкей банй вышйвають панй,
Ужь Янйчка ведутъ подъ карабйнамй.

Помалй го ведте брезъ Суковске полё,
Нягай ся напастря чарне очка моё!

Идземъ до Угеля, ажь ше дражка кури,
Придземъ до касарнй, ажь ся трясутъ муры.

Угельска касарня, бодай есь сгорѣла!
Не една стара мацъ при тебе зомлѣла.

догоню тя,
умѣню тя!».
чутъ,
екавутъ.

ч воякъ,

А не пôду
Древо рубацъ
Древо бы мя за
Што бы дѣвче ро

45.

Зъ Кошицкой касарнѣ
Хлапцы выпатраютъ,
Ажь ся по подъ горы
Бучки розвиваютъ.

* *
*

Лемъ ся не розвила
Та една липочка,
Што подъ нёвъ сидѣла
Моя фраирочка.

* *
*

Презъ татарку, презъ овесь,
Отъ фраира ти моресь,
Отъ фраира моего,
Няй мать кажда своего!

46.

Иду за дражечковъ,
Ажь ся дражка кури,
Вôйду до касарни,
Ажь ся трясуть муры.

* *
*

Не за то ся трясуть,
Же я до нихъ пришолъ,
Лемъ ся за то трясуть,
Же фраирка у нихъ.

* *
*

Докля жiю та си пiю,
Та и себе сваволюю,
А якъ зумремъ, буду лежацъ,
Може пре мне яркомъ бежацъ.

* *
*

Коли жiемъ та и пiемъ,
Та и себе сваволюемъ,
А якъ зумремъ, будземъ лежацъ,
Може пре мне яркомъ бежацъ.

(Всѣ 3 изъ села Чабы Лаборскаго Округа Земпленскаго Уѣзда.).

47.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 674.)

На Дунаѣ шматья прала,
На милого погледала,
Видала го на коню,
Коли ишовъ на войну.

«Чекай, милый, догоню тя,
Мамъ я тысячь, умѣню тя!».
Ай бо мене не дадутъ,
Бо 'ня у Самборѣ чекавутъ.

* * *

«Ки бы бывъ емь простый воякъ,
Щê бы было тото даякъ,
Ай бо я емь Копитанъ,
Въ региментѣ старшій панъ.»—

* * *

«Дали мêнѣ кошульку працъ,
Не казали розкручовацъ,
А я взяла, розкрутила,
Бы му была ручка бѣла.

* * *

На тôй ручцѣ златый перстень,
На перстенѣ мурно-камêнь,
На камени сивый кôнь,
Сидитъ на нêмъ милый мôй.»—

* * *

«На тôмъ конѣ зброи многи,
А въ тыхъ зброяхъ мила моя:
Зостань здрава, кому хцешь,
Бо вже моя не будешь!»

48.

Щê 'мь ся не звербовалъ,
Уже 'мь катоначокъ,
Пришовъ ми сивый кôнь
Та ставъ пудъ облачокъ,

Коничку мôй сивый,
Будь же ми счасливый,
Якъ пôду на войну,
Бы 'ня не забили!

* *
*

Кедь мене забіютъ
Верзьте 'ня до ярку,
Будутъ до 'ня ходить
Дѣвки на фіялку;

* *
*

Дѣвки на фіялку,
Хлопцѝ на перечко,
Зôставай здорова,
Моя фраиречко!

49.

Не самъ иду у катуны,
Ведутъ мене люде,
Прійде така годиниця,
Бирôвскый сынъ пôде.

* *
*

Прійде така годиниця,
Прійде така днина,
Што поплаче Бирôвочка:
«Де моя дѣтина?»

* *
*

Якъ я пôду у катуны,
Катуникомъ буду,
А за тебе, файна рыбко,
Нигда ни забуду.

Ой Дунаю, Дунаєчку,
Та поколышися!
Прійди, прійди, моя мила,
Та наголосися!

(Записаны въ Мукачевскомъ уѣздѣ.)

50.

(Зап. Русск. Геогр Общ. 1867, I, 679.)

Мила моя, мила,
Ни чорна, ни бѣла,
Мêнѣ черезъ тебе
Вечеря не мила!

* *
*

Я вечерю лишу,
Та до тебе бѣжу,
Тебе обцѣлую,
А самъ маширую.

* *
*

«Машируй, машируй,
Молодый вôячку,
Справлю ти лавочку
На каждôмъ ярочку.»

* *
*

Бо я маширую
Каждои годины,
Бо я вôторваный
Вôтъ своей родины.

* *
*

«Пôшовъ милый, пôшовъ,
Онь дорожка курить,
А я за нимъ смотрю,
Головка мня болить.»

51.

(Зап. Русск. Геогр Общ. 1867. I. 682.)

Ищê 'мь такъ молодый,
Уже 'мь катуначокъ;
Ходитъ мôй сивый кôнь
По пôдъ той облачокъ;

* *
*

«Коничку мôй сивый!
Ци я несчасливый?
Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима?

* *
*

Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима,
Ци тота година,
Што ся въ ней зродила?

* *
*

Спѣваночки мои,
Де я васъ подѣю?
Пôду до лѣсика
Тамъ я васъ посѣю.

* *
*

Тамъ буде миленька
На траву ходити,
Мои спѣваночки
Буде находити.

* *
*

Кедь намъ ся молодымъ
Не дали побрати,

Пôдеме до гаю
Наробиме жалю!

* *
*

Наробиме жалю
И своêй родинѣ,
Мы ся побереме
Й въ далекôй краинѣ.

52.

Ищê разъ, ищê разъ,
Прійду, дѣвча, до васъ,
Кеды ми тя не дадутъ,
Звербуюся до разъ.

* *
*

Вербуютъ, вербуютъ,
По подъ зеленый гай,
А а ся звербую,
Тобѣ, мила, на жаль!

53.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 683.)

Солодка ма бѣла рыбко,
    Солодкій мôй меде,
Якъ же намъ ся сего рочку
    Любити не веде!

* *
*

Єдно намъ ся не повело,
    Бо люде зознали,

Бо кедь 'ня забіють,
Вержуть 'ня до ярку,
Будуть до 'ня ходить,
Дѣвки на фіялку.

* *
*

Я конична поивъ,
Мила воду брала,
Я собѣ заспѣвавъ,
Мила заплакала.

* *
*

Я собѣ заспѣвавъ
На сивôмъ коничку,
А в'на заплакала
Въ зеленôмъ гаичку.

(Изъ села Лучки Бережскаго Уѣзда.)

40.

Эй, пôду я въ полонину вôвцы зимовати,
Цы не будешь, моя рыбко, за мновъ бановати?
Эй пôшовъ я въ полонину сѣнечко косити,
Пришли мене добры люде въ катуны имити.
Єденъ каже: «Побратиме!» Другій каже: «Куме!»
Третій мѣнѣ по пôдъ плечи мотузище суне;
А я собѣ, бѣдный, гадавъ, ожь сѣно докошу,
Дали менѣ карабйнъ, най я тото ношу.
Карабйне, карабйне, ой на мою душу,
Цѣлый рôкъ емь полѣвавъ, носити тя мушу!

(Запис. въ околицѣ Мистичева Бережскаго Уѣзда.)

41.

Кедъ ти мои власы
Въ Угелю стригали,
То на мою стару матку
Зимну воду льяли.

* *
*

Идземъ горе, долу,
Ажь ше дражка кури,
Пойдземъ до касарни́,
Ажь ся трясуть муры.

* *
*

Эй не веримъ себе,
А ни́, мила, тебе,
А ни́ тей кошулѣ
Цо ѐ мамъ на себе.

* *
*

«Не поздравляй ты мня,
Отъ вышнего конца,
Бо я́ поздравлена
Отъ едного хлопца!»

(Изъ Земплинскаго Уѣзда.)

42.

Угелю, Угелю, несчесный Угелю!
Я до тебе идземъ не за своёвъ волёвъ.

Плакала стара мацъ, плакали́ двы шестры,
Якъ на мне ві́дзелі́ тенъ мундіръ воемскі́.

Тенъ мундйрь воемскй, шабличку при бочку,
Теразъ заволайце мою франрочку!

Зъ Кошицкей касарнй кришталёвй очка,
Хто мою миленку тей ночи побочка?

Хто бы ю побочкавъ, побочка ше сама,
Бо на моемъ бочку шабля прйкапчана.

43.

Кедзъ сомъ ишолъ презъ Вйднянске полё,
Заплакалй чарне очка моё.

Попатрелй на тоту долйну,
Кадй 'мь ишовъ въ Чйсарскомъ мундйру,

На Кошицкей банй вышйваютъ панй,
Ужь Янйчка ведутъ подъ карабйнамй.

Помалй го ведте брезъ Суковске полё,
Нягай ся напастря чарне очка моё!

Идземъ до Угеля, ажь ше дражка курн,
Придземъ до касарнй, ажь ся трясутъ муры.

Угельска касарня, бодай есь сгорѣла!
Не една стара мацъ при тебе зомлѣла.

44.

Мамко моя стара,
Дай ме за гусара!
Будешь мати слебоду
Отъ пана Чисара!

* * *

Я не пôду до лѣса,
Древо рубацъ не буду,
Древо бы мя забило,
Што бы дѣвче робило!

45.

Зъ Кошицкой касарни
Хлапцы выпатраютъ,
Ажь ся по подъ горы
Бучки розвиваютъ.

* * *

Лемъ ся не розвила
Та една липочка,
Што подъ нёвъ сидѣла
Моя фраирочка.

* * *

Презъ татарку, презъ овесь,
Отъ фраира ти моресь,
Отъ фраира моего,
Няй мать кажда своего!

46.

Иду за дражечковъ,
Ажь ся дражка кури,
Вôйду до касарни,
Ажь ся трясуть муры.

* * *

Не за то ся трясуть,
Же я до нихъ пришолъ,
Лемъ ся за то трясуть,
Же фраирка у нихъ.

* * *

Докля жію та си пію,
Та и себе сваволюю,
А якъ зумремъ, буду лежацъ,
Може пре мне яркомъ бежацъ.

* * *

Коли жіемъ та и піемъ,
Та и себе сваволюемъ,
А якъ зумремъ, будземъ лежацъ,
Може пре мне яркомъ бежацъ.

(Всѣ 3 изъ села Чабы Лаборскаго Округа Замиленскаго Уѣзда.)

47.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 674.)

На Дунаѣ шматья прала,
На милого погледала,
Видала го на коню,
Коли ишовъ на войну.

«Чекай, милый, догоню тя,
Мамъ я тысячь, умѣню тя!».
Ай бо мене не дадутъ,
Бо 'ня у Самборѣ чекавутъ.

* *
*

«Ки бы бывъ емь простый воякъ,
Щê бы было тото даякъ,
Ай бо я емь Копитанъ,
Въ региментѣ старшій панъ.»—

* *
*

«Дали мêнѣ кошульку працъ,
Не казали розкручовацъ,
А я взяла, розкрутила,
Бы му была ручка бѣла.

* *
*

На тôй ручцѣ златый перстень.
На перстенѣ мурно-камêнь,
На камени сивый кôнь,
Сидитъ на нêмъ милый мôй.»—

* *
*

«На тôмъ конѣ зброи многи,
А въ тыхъ зброяхъ мила моя:
Зостань здрава, кому хцешь,
Бо вже моя не будешь!»

48.

Щê 'мь ся не звербовалъ,
Уже 'мь катоначокъ,
Пришовъ ми сивый кôнь
Та ставъ пудъ облачокъ,

Коничку мôй сивый,
Будь же ми счасливый,
Якъ пôду на войну,
Бы 'ня не забили!

* *
*

Кедь мене забіютъ
Верзьте 'ня до ярку,
Будутъ до 'ня ходить
Дѣвки на фіялку;

* *
*

Дѣвки на фіялку,
Хлопцѝ на перечко,
Зôставай здорова,
Моя фраиречко!

49.

Не самъ иду у катуны,
Ведутъ мене люде,
Прійде така годиниця,
Бирôвскый сынъ пôде.

* *
*

Прійде така годиниця,
Прійде така днина,
Што поплаче Бирôвочка:
«Де моя дѣтина?»

* *
*

Якъ я пôду у катуны,
Катуникомъ буду,
А за тебе, файна рыбко,
Нигда ни забуду.

Ой Дунаю, Дунаёчку,
Та поколышися!
Прійди, прійди, моя мила,
Та наголосися!

(Записаны въ Мукачевскомъ уѣздѣ.)

50.

(Зап. Русск. Геогр Общ. 1867, I, 679.)

Мила моя, мила,
Ни чорна, ни бѣла,
Мёнѣ черезъ тебе
Вечеря не мила!

* *
*

Я вечерю лишу,
Та до тебе бѣжу,
Тебе обцѣлую,
А самъ маширую.

* *
*

«Машируй, машируй,
Молодый вôячку,
Справлю ти лавочку
На каждôмъ ярочку.»

* *
*

Бо я маширую
Каждои годины,
Бо я вôторваный
Вôтъ своей родины.

* *
*

«Пôшовъ милый, пôшовъ,
Онь дорожка курить,
А я за нимъ смотрю,
Головка мня болить.»

51.

(Зап. Русск. Геогр Общ. 1867. I. 682.)

Ищê 'мь такъ молодый,
Уже 'мь катупачокъ;
Ходитъ мôй сивый кôнь
По пôдъ той облачокъ;

* *
*

«Конючку мôй сивый!
Ци я несчасливый?
Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима?

* *
*

Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима,
Ци тота година,
Што ся въ ней зродила?

* *
*

Спѣваночки мои,
Де я васъ подѣю?
Пôду до лѣсика
Тамъ я васъ посѣю.

* *
*

Тамъ буде миленька
На траву ходити,
Мои спѣваночки
Буде нахôдити.

* *
*

Кедь намъ ся молодымъ
Не дали побрати,

Пôдеме до гаю
Наробиме жалю!

* *
*

Наробиме жалю
И своêй родинѣ,
Мы ся побереме
Й въ далекôй краинѣ.

52.

Ищê разъ, ищê разъ,
Прійду, дѣвча, до васъ,
Кеды ми тя не дадутъ,
Звербуюся до разъ.

* *
*

Вербуютъ, вербуютъ,
По подъ зеленый гай,
А а ся звербую,
Тобѣ, мила, на жаль!

53.

(Зап. Руск. Геогр. Общ. 1867, I, 683.)

Солодка ма бѣла рыбко,
Солодкій мôй меде,
Якъ же намъ ся сего рочку
Любити не веде!

* *
*

Єдно намъ ся не повело,
Бо люде зознали,

Другой намъ ся не повело,
Тебе въ войну взяли.

* * *

Будутъ тебе, мôй миленькій,
Пакь до войны звати,
Мене будутъ молоденьку
На смерть розраджати.

* * *

Будешь ити колись зъ войны,
Издыхни до Бога:
«Охъ, де лежитъ, почивае,
Ма люба розмова!»

* * *

Якъ ми прійдешь на гробочокъ,
Не кивай землею,
Бо не знаешь, якъ ми тяжко
Лежати пôдъ нею.

54.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 690.)

Ой пуйду я у катуны,
Катуникомъ буду,
Ищê за тя, файна рыбко,
Нигда не забуду.

* * *

Ой забуду, та забуду,
За отца, за матку,
А за тебе не забуду
Нигда до остатку.

55.

От Унгвара сыпана дражечка,
Стоитъ на ней моя фраиречка;
Стоитъ, стоитъ, ручкй обламуе,
Же ей фраиръ зъ Кошицъ машеруе.

* * *

«Не плачь, мила, мое поцешенье,
Шіютъ шаты на мя въ Дебрецинѣ.
Шіютъ, шіютъ, але не мѣряютъ,
Яй, Боже мой, Боже, цы ся на 'ня здаютъ!

* * *

Кедъ они ся на 'ня не придаютъ,
Дамъ ихъ прешицъ на инакшу страну,
Бѣле платно, чарне выложенье,
Остань здраве, моё поцешенье!»

* * *

«Якъ я не мамъ прегоречне плакацъ,
Кедъ ты мушишь по томъ блаце пляпацъ,
Кедъ це видзимъ въ месце Голомуце,
Де ся екзецирують вши тоты регруцы!»

56.

Эй, Боже мой, яка 'мь нещеслива!
Заяли ми Французы моего фраира!

Кебы ми го назадъ наврацили,
Добру бы мне волю уробили.

57.

Пониже Тернавы поточокъ кйрвавый,
Моя мацъ думала, же то зъ моей главы.

Не зъ моей то главы, лемъ зъ мого конйчка,
Цо го порубала на войнѣ шаблйчка.

58.

Кедъ сомъ ишолъ одъ Унгвара до Тальи,
Зъ мого коня подковечки спадалй.

Эй лемъ ты 'ня, мой конйчку, добре несъ,
Дамъ ци пребйцъ подковечки ёшё днесъ.

Дамъ ци пребицъ подковечки съ клйнкамй,
Будзешь ходзицъ по Сукове кованый.

Дамъ я тебе подковечки подковацъ,
Дамъ я тебе сѣделечко змалёвацъ.

59.

Мои жолты власы зъ мене зостригали,
Зъ Кошицкого моста до воды зруцали.

Мамко моя стара, не старайся о мне!
Бо ты не выховашь добре дзецко зо мне.

Гварила моя мацъ, же мне будзе женйцъ,
Она мнѣ не могла зъ касарнй выменйцъ.

Хоцъ бысъ, мамко, дала качку и когута,
Вера не выменйшь зъ касарнй регрута!

60.

(Изъ Угорской Руси. См. Грамматику Лучкая 166.)

Братья! Что нового?
Не бойтесь ничого.
Война настала,
Отъ Кесаря пана
Уже выволана.
Абы держала
Армада Кесарска
Противъ Турка велькаго,
Слѣпого погана,
Свѣтского тирана,
Же поведе войну,
Не опуститъ ему
А ни жадному.

61.

(См. Грамм. Лучкая 167.)

Въ Мукачевскомъ замку
Мавъ емь Маріанку,
Я ю добрѣ знавъ;
Кедь ю зъ рукъ выпущу,
Геть отыти мушу.
Потѣшь тя Богъ зъ неба,
Ожь прочь ити треба,
До поля на Турка;
Отъ Турка на Брандебурка
Буду воевати,
И кровь проливати
За васъ, дѣвчата.

62.

(Паули II, 157.)

Рано, рано, рани̂чко,
Уже уставъ пани̂чко,
Преходится по рынку,
Приноситъ намъ новинку;
А новинку такую,
Што въ уланы вербуютъ:
Звербовали Яни̂чка,
Та дали му кони̂чка,
И кони̂чка и шаты,
Штобы далѣи̂ рушати.

63.

Якъ будемо машеровать,
Скажемо си буты ковать
Золотыми пôдкôвками;
Машеруйте, дѣвки, зъ нами!

64.

Плакала мамочка,
Плакала сестричка;
Ожь ми ся удала
До боку сабличка.
Сабличка не моя,
Пана Чѣсарова,
Кедь ся зъ невъ вурубамъ,
То серенча моя!

Русскіе крестьяне Львовскаго уѣзда села Мальчичь въ Галичинѣ.

65.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 674.)

«Чесарю, Чѣсарю!
На што насъ вербуешь?
Малу машь крайну,
Чимъ насъ выгодуешь?»

* *
*

Не бôйтеся, хлопцѣ,
Чѣсарского гладу,
Сѣвутъ вамъ пшеницю
Коло Бѣлограду.»

* *
*

Бѣлоградъ, Бѣлоградъ!
Война на немъ стоитъ,
Не едного хлопця
Головка заболитъ.

* *
*

Єдного заболитъ,
А десять упаде,
Не едной матери
Тамо й сынъ пропаде!

66.

Вояцы, вояцы,
Вшиткы сте еднацы,
Якъ бы васъ родила
Єдна стара мати!

* *
*

Вербувутъ гусари
По подъ зеленый гай,

И я ся зербуву
Своёй милôй на жаль.

67.

О Кошутѣ.

Сидитъ Кошутъ, сидитъ,
На высокôй драбинѣ,
Пише листы, пише,
По Угорскôй Краинѣ.

* *
*

Ци на жалость, на жалость,
Ци на вельки зармутокъ;
Шкода, Боже, шкода,
Сесь Кошутôвъ вербунокъ!

* *
*

Кошуте, Кошуте!
На што насъ вербуешь?
Мало машь пѣнязи,
Чѣмъ насъ выгодуешь?

* *
*

Шкода, Боже, шкода,
И Кошута самого,
Што вôнъ утёкъ, што утёкъ,
Изъ орсагу своёго!

ДУМЫ

д) Господарскія и скотарскія.

1.

(Т. I, стр. 228. Ср. А. Метлинск. стр. 18.)

Ой зацвила калинонька та на сухôмъ терню:
Проситъ мила Василенька на свою вечерю.
«Якъ не прійдешь вечеряти, прійди поснѣдати,
Якъ не прійдешь поснѣдати, прійди обѣдати,
Якъ не прійдешь обѣдати, прійди одвѣдати,
Якъ не прійдешь одвѣдати, най слава не буде,
Ой утонешь край дунаю, где воды не буде!»
О утонувъ Василенько, та хусточка плавле,
Ходитъ мила край дунаю, бѣлй ручки ламле:
«Ой не жäль ми тои хустки, що 'мь ей вышивала,
Ано жäль ми Василенька, що 'мь го вѣрне кохала.
А дамъ же я рыбаченькамъ о пôвъ золотого,
Най шукаютъ Василенька хоть бы не живого;
А дамъ же я рыбаченькамъ по пôвъ сорокôвця,
Най шукаютъ Василенька, та везутъ идъ жёнцѣ;
А дамъ же я рыбаченькамъ пива ся напити,
Най шукаютъ Василенька, хоть ся подивити!»
Найшли, найшли, Василенька на жовтôмъ пѣсочку,
Дали ему перстенину и бѣлу сорочку.
«Ой дамъ же я Попамъ, Дякамъ по бѣлôмъ таляру,
Абы ёго поховали на новомъ цвинтарю!»

2.

Ой у поли кирниченька, зъ неи воду пьютъ,
А вже мою молоду дѣвчину до слюбу ведутъ:
Одинъ веде за лѣву руку, другій за рукавъ,
Третій сидитъ на воронъ коню, що любивъ, та не взявъ.
«Чому 'сь тогди не приходивъ, коли 'мъ ти казала,

[illegible]

[illegible]

3.

[illegible]

Вийшла вийшла Подолянка по воду
Сподобала ся Козаченьку на проду:
«Ты, Подолянко, ты, білесенька утко,
Ступай, ступай, на той Дунай хутко!»
Ще й Подолянка на Дунай не ступила,
Вже Подолянку быстра вода войняла.
«Ой ратуй, ратуй, Козаченьку, ратуй!
Будешь мати відъ матінки заплату.» —
«Ой не хочу я відъ матінки заплаты,
Но я тя хочу за миленькую взяти.» —
«Ой волѣла бъ я въ той Дунай утонути,
Нежь бы я ти мала за миленькую бути!»
Ой утонула Подолянка, утонула,
Но за нею червона китаёчка сплынула:
«Ой затягайте дрібненькіи сѣти,
Підемо мы Подолянку глядѣти!»
Найшли, найшли, Подолянку тую,
Підъ береженькомъ, та вже неживую.
Ой выбрали Подолянцѣ яму:
Заплакавъ Козакъ якъ за рідну маму.
Та зробили Подолянцѣ кидрову трумну:
Заплакавъ Козакъ, ажъ всѣмъ людямъ сумно.

(Зап. въ Золочевскомъ Округѣ.)

4.

Межи двома гороньками
Свѣтитъ мѣсяцъ съ зôроньками,
Єще вышче пôдлѣтае
Сивый сокôлъ зъ вôрленьками.

* *
*

Ой летитъ же вôнъ, летитъ,
Та й крылоньками блудитъ,
Тяжко жь тому на серденьку,
Якъ хто кого вѣрне любитъ.

* *
*

Ой у поли край дороги
Стоитъ камень маймуровый,
А на тôмъ то камêночку
Сидитъ хлопець чорнобровый.

* *
*

Ой сидитъ же вôнъ, сидитъ,
Та и думочку думае,
Закохався вôнъ въ дѣвчинѣ,
Покидати не гадае.

* *
*

«Допоможи менѣ, Боже,
Тую дѣвчину взяти,
Хоть худобы не дôждуся,
Най съ хорошовъ оженюся!

* *
*

А що же мêнѣ по худобѣ,
Що обору ми заляже,
Якъ лихая дружиночка
Молодому свѣтъ завяже!»

Ходитъ милый надъ водою,
Сѣтковъ рыбу ловитъ:
«Щось до мене, пане брате,
Дѣвчинонька не говоритъ! —

* * *

Памятай же, дѣвчинонько,
Що будешь тужити,
Якъ я сяду, та й поѣду
На Украину служити!»

* * *

«Ой не буду, мôй миленькій,
Не буду, не буду,
Ты поѣдешь за ворота,
Я тебе забуду.»

* * *

Лишь выѣхавъ ей миленькій
За новы ворота,
Заплакала дѣвчинонька:
«Лишила 'мь ся сирота!»

* * *

Лишь выѣхавъ миленькій
За браму новую,
Берутъ, несутъ, дѣвчину
До домъ неживую.

* * *

«Ты казала, дѣвчинонько,
Що не будешь тужити,
Якъ я сяду, та й поѣду
На Вкраину служити.»

(Зап. въ с. Раковцѣ Коломыйскаго Уѣзда.)

5.

Край дороги широкои
Стоитъ камêнь маймуровый,
На тôмъ камêнь-камêнчику
Стоитъ хлопець чорнобровый.

* *
*

Ой стоитъ же вôнъ, стоитъ,
Та й думку думае:
«Зъ великого закохання
Та розлука бувае.

* *
*

Ой поможи ми, Боже,
Ту дѣвчину взяти,
Хоть худобы не дождуся,
Най хороше наживуся!

* *
*

Що же мêнѣ по худобѣ,
Що обору та й заляже,
Не едная негôдниця
Молодому свѣтъ завяже!»

* *
*

«Розвивайся, лѣщиноньку,
Дубе, розвивайся:
Ты, молодый Козаченьку,
Съ села выберайся!

* *
*

Выберайся, Козаченьку,
Громадѣ вклонися:
«Будь здорова, громадонько!
Може коли посваришся!»

За нимъ, за нимъ. дѣвчинонька:
«Вернися, Козаче!
За тобою, Козаченьку,
Отець, мати плаче!

* * *

Ой вернися, Козаченьку,
Сгину за тобою!» —
«Не вернуся, горда дѣвко,
Бо вже 'сь мновъ сгордѣла!»

6.

Ни хто мéнѣ не виненъ,
Тôлько я, тôлько я:
Сама 'мь собѣ полюбила
Гйльтая, гильтая!

* * *

Ой бо гйльтай молоденькій
Въ корчмѣ пье, въ корчмѣ пье,
Та якъ прійде до домоньку,
Мене бье, мене бье.

* * *

А я, бѣдна сирôтонька,
Бѣдую, бѣдую,
По пôдъ чужй перелазы
Ночую, ночую;

* * *

По пôдъ чужй перелазы
Ночую, ночую.
Та ще свои дрôбни дѣтки
Годую, годую.

«Ой привыкай, моя доню,
Привыкай, привыкай;
Якъ вôнъ иде зъ корчмы пьяный,
Ты втёкай, ты втёкай!» —

* * *

«Хто вôдъ него, моя мати,
Утече, утече,
Ой якъ зловитъ нелюбонько
За плече, за плече,

* * *

Назадъ мене до свѣтлоньки
Волоче, волоче,
Ой тамъ мое бѣле тѣло
Натовче, натовче.

* * *

Якъ мя вдаритъ, моя мати,
Рукою, рукою,
Пôдутъ зъ мене дрôбнй слёзы
Рѣкою, рѣкою!»

7.

(Отрывокъ.)

Ой чому вода каламутна?
Бо ю рыбка змутила:
Чому дѣвчина така смутна?
Бо ю матёнка побила.

* * *

Мене матёнка въ роду не била,
Все словами картала,
Полюбила я Козака зо свѣта,
На вѣченьки 'мъ пропала!

8.

(Паул. II, 31.)

Ой на горѣ два мулярй муровали керницю:
«Выдай, выдай, матинонько свою одиницю!» —
—«Ой най у тôй керниченцѣ вода прибувае,
Нехай моя одиниця ще зъ рôкъ погуляе!»—
Якъ узяла одиниця одинъ рôкъ гуляти,
Взяли паны, взяли люде, на ню нарѣкати.
Ой и пôшла одиниця въ долину по глину,
Несе вôдти одиниця въ подôвку дитину:
«Ой нà тобѣ, моя мати, за твою науку,
Сѣдай собѣ, та й за пецомъ колыши онуку!»

9.

(Паул. II, 77.)

Ой летѣли журавлй,
Сѣли собѣ на рôлѣ:
«Лѣпша рôля ранная,
А нёжь тая пôзная;
Бо на раннôй пшениця,
А на пôзной мётлиця;
А пшеницю женцй жнуть,
А мётлицю конй мнуть.»
Ой врикнули молодцй
Та сидючи въ коморцѣ:
«Лѣпша жёнка першая,
Нёжли тая другая;
Та съ первою дѣти мавъ,
А съ другою розôгнавъ:
Та йдѣть, дѣти, служити
Чѣмъ мачусѣ годити!»
Одинъ пôшовъ до Попа,
Другій пôшовъ до Жида,

Третій пôшовъ до пана,
Щобъ мачуха пропала!
Ходитъ батько по валу,
Кличе дѣтокъ до дому:
«Ходѣть, дѣти, до дому,
Не буде вамъ розгону!»—
«Живи, тату, якъ Бôгъ давъ,
Коли ты насъ розôгнавъ;
Мы будемо служити,
За матêрью тужити!»

Въ другихъ мѣстахъ кончаютъ такъ:

«Вы, сороки, до лѣса,
А вы, дѣти, до бѣса!»
«Дѣти мои дрôбненькй,
Чого вы такъ марненькй?»—
«Бо насъ мама, тату, бьетъ,
А намъ ѣсти не даетъ;
Своя мама попôбье,
Якъ ластôвка гнѣздо вье;
Своя мама голубить,
Съ того свѣта не губитъ.»

10.

(Т. I, 193. Паул. II, 145.)

Дала мати дочку далеко вôдъ себе,
И заказала êй не бути сêмь лѣтъ у себе,
А я не стерпѣла, за рôкъ прилетѣла,
Ой сѣла я сивою зазулёю въ вишневôмъ садочку;
Ой сѣла я си, та й стала ковати,
Выйшла стара мати, та й стала плакати:
«Ой не куй же, зазуленько, въ вишневôмъ садочку,
Гей сй, гей сй, зазуленько, въ темный лѣсъ ковати!»
А я молоденька того не стерпѣла,
Полетѣла до сестроньки на лелію сѣла;

Выйшла до ней сестронька, стала ю зганяти:
«Гей сй, гей сй, зазуленько, въ темный лѣсъ ковати!»
Выйшовъ до ней братичокъ, зъ нею ставъ ся розмовляти:
«Если 'сь сива зазуленька—въ темный лѣсъ ковати!
А если 'сь моя сестра, прошу жь тя до хаты!»
Ой выйшовъ же мôй рôдный братонько и ставъ плакати:
«Ой прошу жь тя, рôдна сестро, прошу жь тя до хаты!»
Ой якъ взрѣла стара мати, стала плакати,
Ой отворила дверй изъ сѣній до хаты;
Прилетѣла зазуленька, та й повѣла: «Куку!»
Подай, подай, моя мати, мêнѣ теперь руку!»
Ой якъ есь ми, стара мати, якъ есь ми жичлива,
Що 'сь ты мêнѣ мого вѣна нѣгды не вжичила!
Мене мужь убивае: «Иди, жоно, до батêньки,
Иди, жоно, до матêнки, вѣно вôдбирати!»

11.

Дала мене моя мати
Далеко вôдъ себе,
Не бувала 'мь у матêньки,
Нй матêнка въ мене.

* * *

«Пусти мене, мôй миленькій,
На дунай по воду,
Та най я ся вôдвѣдаю,
Що ся дѣе въ роду.»

* * *

Взяла воду зачерпати
Брате призывати:
«Братье мое рôдненькое,
Що въ роду чувати?

Братье мое рôдинньков,
Брате соколята,
Прійдѣть до мя у гостину
У зелени свята!»—

* *
*

«Сестро наша рôдненькая,
Сестро наша рôдна,
Та якъ до тя въ гостй ити,
Коли 'сь така бѣдна?»—

* *
*

«Ой я пôду хусты прати,
А милый орати,
Та мы тôлько заробимо
Братій трактовати.»—

* *
*

«Сестро наша рôдненькая!
Гостина не мила,
Черезъ тыждень працювати,
Въ Недѣлю пропила.»

12.

(Т. I, стр. 105.)

Ой гое, гое, ой гое, гое!
Любилося насъ двое,
Ой гое, гое, ой гое, гое!
А обое молодое.

* *
*

Рôкъ ся любили, рôкъ ся любили,
А день ся не видѣли,

Ой якъ ся взрѣли, ой якъ ся взрѣли,
Ажень ся поболѣли.

* *
*

Ой мила лежитъ
Въ матêнки въ постêлонцѣ,
А милый лежитъ
Въ зеленôй дубрôвонцѣ.

* *
*

«Ой возми, мати, ой возми, мати,
Єдвабну хустиноньку,
Та пôди, мати,
Въ зелену дубрôвоньку.

* *
*

Та пôди, мати,
Въ зелену дубрôвоньку,
Та звяжи, мати,
Милому головоньку!

* *
*

Ой якъ вôнъ не вмре,
То зятêмъ тобѣ буде,
Ой якъ вôнъ умре,
Прости Бôгъ ти буде!»

13.

(Паул. II, 110.)

Ой пôду же я греблею по надъ ставомъ,
Ой кому я ся, молоденька, дôстану?
Ой чи не тому съ сивою бородою,
Що ôнъ такъ любитъ говорити зо мною?

Его борода припѣчки замѣтати,
Мое личенько хлопчикамъ цюлювати.
Его борода, якъ соломенька въ стрѣсѣ,
Мое личенько якъ калиненька въ лѣсѣ.
Его борода, якъ на улицѣ смѣтье,
Мое личенько, якъ рожовое квѣтье
Его борода припѣчки замѣтае,
Мое личенько калиновъ процвѣтае.

14.

Ой вылетѣло, ой вылетѣло,
 Двѣ зазульцѣ зъ Подôлья,
Вынесли собѣ, вынесли собѣ,
 По двѣ цвѣтонцѣ зѣля.

* *
*

Та й посадили, та й посадили,
 На высокôй горонцѣ,
А сами бродятъ, а сами бродятъ,
 По студенôй водонцѣ.

* *
*

Студена вода, студена вода,
 Тяженько ю сбродити,
Чужôй матѣнцѣ, чужôй матѣнцѣ,
 Тяженько догодити

* *
*

Чужа матѣнка, чужа матѣнка,
 Якъ соломонька въ стрѣсѣ,
Своя матѣнка, своя матѣнка,
 Якъ калинонька въ лѣсѣ.

15.

Ой кобы я маму мала,
    Маму рôднесеньку,
Мала бы я що недѣлѣ
    Сорочку бѣленьку.

* * *

Не лише я, сирôтонька,
    Ой е сирôтъ бôльше,
Та кобы я маму мала,
    Було бы ми лѣпше.

* * *

Ой кобы я маму мала,
    Я бы не служила,
Я бы чужôй господинѣ
    Воды не носила.

* * *

Я бы воды не носила,
    Хату не мѣтала,
Я бы чужôй господинѣ
    Въ ласку не стояла.

Изъ Стрыйскаго Уѣзда.

16.

Вылетѣла зазуленька
    Изъ лѣса на поле.
Жалѣть ми ся, що 'мъ не знала
    Матѣньки нѣколи.

Та якъ мою матуненьку
Землёвъ пригорнули,
Тогди мене, молоденьку,
Гаразды минули.

* *
*

Та якъ мою матуненьку
Прикрыли муравовъ,
А я чужѣй не догоджу,
Най ся стелю лавковъ!

17.

Ой ясно, красно, та куда сонѣнько сходитъ,
Ой ясше, красше, куда рôдна матѣнька ходитъ.
Сонѣнько зôйде, та й за хмароньку зайде,
Матѣнька умре, та й такои не буде.
Хоть она буде, то она студенька,
Не пристане в'на до моего серденька.
Чужа матѣнька ударитъ, ще й ногою потрутитъ,
Своя вдаритъ, та й къ собѣ приголубитъ.
Кобы 'сь ты знала, моя матѣнько, та якъ я тутъ бѣдую,
Взяла бы 'сь мя къ собѣ пôдъ муравоньку, пôдъ тую зеленую.

18.

(I, стр. 190. Метлин. 281.)

Ой въ недѣлю рано ёще соңце не на сходжу,
Я зо своимъ братомъ по рыночку ходжу;
По рыночку ходжу, зтихонька говорю,
Зтихонька говорю, якъ рѣченька въ бурю:
«Не дай мене, брате, за селянина,
Тôлько мене вôддай за мѣщанина:

Бо у селянина стара деревня, а мала сѣнья,
А у мѣщанина велика сѣнья, новая деревня.
Де нова деревня, люблю жартовати,
Де велика сѣнья, люблю походжати.»
Въ недѣлю рано задуднѣли мосты,
Братъ до сестры прїѣзджае въ гостѝ:
«Помогай Бôгъ, сестро! Чи 'сь дуже здорова?» —
«Не пытайся, брате, чимъ дуже здорова,
Тôлько пытай, брате, яка моя доля:
Вôкномъ утѐкала, въ степахъ ночовала.» —
«Тото тобѣ, сестро, наробила новая деревня,
Новая деревня, великая сѣнья:
Де нова деревня, любишь жартовати,
По великôй сѣньи любишь походжати.»

19.

Ишôвъ я въ ночи о пôвночи,
Надыбавъ я соловья въ корчѣ:
«Соловѣю, скажи мѣнѣ правду,
Де я свою дѣвчиноньку знайду?
Чи на меду, чи на горѣлцѣ,
Чи у батенька на бѣлôй постѣлцѣ?» —
«Ни на меду, ни на горѣлцѣ,
Ино у батенька на бѣлôй постѣлцѣ.»
Вертаюся до татуня и мамуни:
«Дай же, Боже, добрый день мамуни!
Добрый день, мамуню моя!
Десь ту е дѣвчина моя?» —
«Вона въ полѣ кукôль выбирае,
Ой у полѣ, полѣ, кукôль выбирае.» —
«Треба по ню посла посылати,
До дому дочку закликати.»

20.

(Отрывокъ.)

Ой Василю, Василенку! дай ми яку раду,
Бо я съ тыми коноплями на вѣки пропаду!
А у кого чтыри копы, то ся помочили.
А у мене чтыри жмені, свинй зволочили.
А у кого чтыри копы, то ся перетерли,
А у мене чтыри жмени, и стоютъ за дверьми.

21.

(Паул. II, 21.)

Втворивъ милый квитирочку:
«Подай, мила, бѣлу ручку,
Подай бѣленьку рученьку,
Вандруй зо мновъ всю нôченьку!»—
Звандровали одно поле,
Звандровали и другое,
Взяли собѣ спочивати
И зтихонька розмовляти:
«Чи ты, мила, заґорѣла,
Чи голова заболѣла,
Чи за родиною тужишь?» —
«А нй бо я загорѣла,
Голова моя не болѣла,
Нй за родиною тужу!»
Взявъ милый миленьку по пôдъ бѣлй боки,
Та пустивъ ю у дунай глубокій:
«Плыни жь ты, миленька, быстреньковъ водою,
Бо не буде намъ житья съ тобою.»
Ой выплинула мила на жовтый пѣсочокъ,
Промолвяли зтиха голосочокъ;
«Чи жь я не була красна, чи жь не уродлива,
Чи то моя така доля несчаслива?»—
«Ой ты була красна, ты була вродлива,
Лишь то була твоя доля несчаслива.»

22.

(Паул. II, 22. I, 188.)

Ой поѣхавъ милый за лѣсъ,
Та й чорни брови занёсъ;
Не такъ мёнѣ за бровами,
Якъ за вѣрными словами.
Ѣхавъмилый край Дунаю,
Та до родимого краю:
Ой ставъ Дунай проѣзджати:
Стали кôни потопати.
«Ратуй мене, моя мила,
Колись мя вѣрнѣ любила.»—
«Ой хлѣба бъ я ошалѣла,
Щобъ я тебе не любила.»
Якъ только тее сказала,
Якъ стояла, такъ и впала,
Запуталася въ плахтину.
Та й крикнула «Гину! Гину!
«Ой ратуйте жь её люде,
Бо 'тъ се моя мила буде!»

23.

(Т. I, стр. 188.)

Ой поѣхавъ мой миленькій за лѣсъ,
Чорнй оченька занёсъ,
И слѣдоньки съ собовъ забравъ,
Мому серцю тугу завдавъ.
Ой туга жь мёнѣ, туга,
Вже недѣленька друга,
Туга жь мёнѣ тугою,
Вже мôй милый за водою.
Ой кажѣть мёнѣ, люде,
Коли мôй миленькій буде?

За чотыри недѣленьки,
Ажь тамъ ѣде мôй миленькій,
Ѣде миленькій, ѣде,
Штыри коники веде,
Ой а пятый вороненькій,
На нêмъ сидитъ мôй миленькій;
Пріѣжджäе до Дунаю,
До широкого краю,
Зачäвъ коні наповати,
Взяли коні выгравати,
Почäвъ милый потопати.
«Ой ратуйте жь го, люде,
Вже милого не буде!»—
«Ой ратуй же мя, мила,
Сли 'сь мя вѣрне любила!
Подай, миленька, руку
На тяженькую муку!»—
«Подамъ, миленькій, обѣ,
Чей тя вытягну дъ собѣ!»

24.

(Т. I, 205.)

Три Козаки, три Козаки, напивалися,
Зъ молодою дѣвчиною пôдмовлялися,
А молода дѣвчинонька не уважала,
Зъ молодыми Козаками повандрувала.
Вандруй нôчку, вандруй другу, та й нема села,
Привандрували Козаченки близко дуная,
Та ўзяли дѣвчиноньку за бѣлй боки
Та кинули дѣвчиноньку въ дунай глыбокій,
А сами ся повернули до того села,
Та сѣли си въ êи отца по кронець стола:
«Господарю, господарю, где твоя донька?»—

«Уже два дни и двѣ ночи, якъ выйшла изъ хатоньки,
Мали вы ѐ, Козаченьки, сами узяти,
Сами жь узяти и повандровати.»—
«Якъ бы мы ѐ, господарю, сами узяли,
Мы бы уже бôльше въ тебе та не бували!»

25.

«Ой где ты ѣдешь, ой где ты ѣдешь,
Мôй миленькій ôдъ мене?»—
«Не далеченько, не далеченько,
Я ся верну до тебе.»
«Ой где ты ѣдешь, ой где ты ѣдешь,
Молодый жовнярочку?
Хто жь тобѣ постелитъ, хто жь тобѣ постелитъ,
Въ дорозѣ постѐлѐчку?»—
«Постелитъ ми ся, постелитъ ми ся,
Зелена муравина,
А пôдъ голову, а пôдъ голову,
Молода буковина.»—
«Ой ты поѣхавъ, мене отъѣхавъ,
А я, бѣдная, плачу;
Сплакала 'мь очи, якъ въ день, такъ въ ночи;
Вже свѣтонька не бачу.
Щобы такъ тобѣ, якъ теперь мѐнѣ,
Прійшовъ часъ загибати,
Щобы 'сь такъ не мôгъ, якъ я не могу,
Темнои нôчки спати!»—
«Ой заржи, заржи, сивый кониче,
Пôдъ круту гору ѣдучи,
Нехай учуе мила дѣвчина,
Вечеру готуючи!»—
Дѣвчина вчула, тяжко востхнула,
Ревненько заплакала:
«Ой нема, нема, та й вже не буде,
Кого 'мь вѣрно кохала!»

26.

(Паул. II, 48.)

«Що жь ты, милый, думаешь, гадаешь.
Що ты мене покинути маешь?»—
«По чѣмъ ты мя, мила, пôзнала,
Що ты мою гадку вôдгадала?»—
«По тôмъ я тя, мôй милый, познала,
Ще 'мь я твою гадку вôдгадала,
Що зъ вечера конёмъ обрôкъ даешь,
На розсвѣтѣ коні наповаешь».
«Не ѣдь, не ѣдь, мôй милый, вôдъ мене,
Не дай, Боже, недуги на тебе,
Якъ ты будешь въ недузѣ лежати,
Хто жь тѝ буде постêлоньку слати?»—
«Ой е въ полю зелена травиця—
Та жь то буде моя постêлниця.»—
«Не ѣдь, не ѣдь, мôй милый, вôдъ мене,
Не дай, Боже, недуги на тебе;
Якъ ты будешь въ недузѣ лежати,
Хто жь съ тобою буде нôчку розмовляти?»—
«Ой е въ полю сива зазуленька,
То жь та буде моя розмовонька.»—
«Не ѣдь, не ѣдь, мôй милый, вôдъ мене,
Не дай, Боже, недуги на тебе;
Якъ ты будешь въ недузѣ лежати,
Хто жь тѝ буде пива доношати?»—
«Ой маю я коня вороного,
Принесе ми пива червоного!»

27.

(Т. I, стр. 250.)

Не шуми ты, луже,
Дубровою дуже,

Не завдавай жалю,
Що я въ чужôмъ краю!

* *
*

Бо я въ чужôмъ краю
Якъ на пожаринѣ,
Нихто мене не пригорне,
При лихôй годинѣ:

* *
*

Не пригорне отець,
Не прогорне мати,
Треба мêнѣ, молодому,
Въ чужинѣ вмирати.

* *
*

Плыне утка, плыне,
И въ гору все дмется,
Чогось мêнѣ съ моимъ милымъ
Мешканье псуется!

* *
*

Плыне утка, плыне,
Я на ню дивлюся:
Таки мене думка мусить,
Щô я утоплюся.

* *
*

Изъ вôдки ся взяла
Старенькая мати,
Взяла мене, молодую,
Словами картати:

«Не тописи, доню!
Бо душу загубишь,
Скажи мені щиру правду,
Кого вѣрно любишь!» —

* *
*

«Ой знаю я, знаю,
Кого я кохаю,
Але жь його тутки нема,
Бо онъ въ чужомъ краю!»

28.

(Т. I, стр. 184 и 270.)

Ой поду я горою, долиною,
Знайду я собі роженку съ калиною:
Чи рожу рвати, чи калину ламати,
Чи замужъ ити, чи дѣвою зостати?
Замужъ пошовши, то болитъ головонька,
Замужъ не йшовши, людская обмовонька,
Обмова буде, то колись перестане,
Голова болитъ, розумоньку не стане.

29.

(Метл. 31—34.)

«Чому 'сь не прійшовъ, якъ мѣсяць зойшовъ,
Якъ зорка засвѣтила?
Чи 'сь коня не мавъ, дороги не знавъ,
Чи мати боронила?» —

* *
*

«Я коника мавъ, дороженьку знавъ,
Мати не боронила,

Найменша сестра, бодай не вросла!
Она мя одрадила:

* * *

«Не ѣдь, братейку, не ѣдь, братейку,
Бо нôчка невидная,
Коника струдишь, и самъ заблудишь,
У миленькôй не будешь.

* * *

«Не ѣдь, братчику, не ѣдь соколе,
Та не ѣдь до дѣвчины,
Бо коня стомишь, себе зневолишь,
Дѣвчины не намовишь.

* * *

Якъ на павойцѣ золоте пêрье,
Такъ на дѣвойцѣ косы,
Жадна невѣстка та й не зазнала
При свекросѣ роскоши.

* * *

Ой не зазнала, ой не зазнала,
Та й вже не буде знати,
Ой Боже, Боже, мôй милый Боже,
Треба ся розлучати!»

30.

(Паул. II, 23.)

Простѝ жовняры по всѣмъ селѣ стали,
Молодôй вдовѣ Поручника дали,
Выйшла вдова, выйшла, та взяла плакати:
«Ой нема жь бо въ мене, де кôньми стояти» —

«Ой ты, вдовонько, не фрусайся того,
Не фрасуйся, вдово, не буде злого
Суть бо у мене два вартôвниченьки,
Будутъ вартовати мои кониченьки;
Ой мôй ти коникъ стайнû не загноитъ,
А золота зброя клинцêвъ не поломитъ,
И я самъ молодъ ложе не заляжу,
Ложе не заляжу, и тебе не зражу.
Ой ты, вдовонько, скажи ми два слова:
Цы много ты, вдово, якъ есь повдовѣла?» —
«Вже третій рочокъ, молодый паночку,
Якъ повязала чорнымъ головочку.» —
«Цы много ты, вдово, дѣточокъ мала?» —
«Мала жъ бо я, мала, велики и мала:
Мала я сыночка, въ Цêсарщинѣ служитъ,
Въ Цêсарщинѣ служитъ, по всячинѣ тужитъ.
Маю три дононцû, сидятъ въ коморонцѣ,
Сидятъ въ коморонцѣ, на моêй головонцѣ.» —
«Ой ты, вдовонько, кличь же ихъ до хаты,
Дай же ми, вдово, на ихъ поглядѣти!»
Найстарша выйшла, та й ся вôдступила,
Середуща выйшла, та й ся поклонила,
Наймолодша выйшла, та й до нôгъ упала,
Бо своего братчика по руцѣ пôзнала.

31.

(Паул. II, 30.)

Схилилися двѣ березы низко:
Живе Козакъ край дѣвчины близко:
«Ой, Козаче, не ходи до мене,
Буде слава на мене, на тебе.» —
«Ой я славы, славы, не боюся,
Съ кѣмъ люблюся, сяду, обôймуся!»
Пытае мати доню: «Де вѣнокъ свôй дѣла?» —
Де вѣнокъ дѣла, на що погубила?» —

«Ой прійшла жь я, мамо, по воду до броду,
Упустила 'мь вѣночокъ у воду.» —
»Треба жь, доню, громаду сбирати,
Треба жь твôй вѣночокъ ратовати,» —
«Не треба жь, мамо, людей турбовати,
Треба, мамо, всю правду сказати:
Ишовъ Козакъ, Козакъ молоденькій,
Вôнъ захвативъ вѣнокъ зеленькій.»

32.

Ой ты, сыну мôй, дитино моя,
Не пій, не пій, горѣлоньки въ недѣлю зъ раня,
Бо та горѣлонька дуже здрадлива,
Не одного Козаченька здрадила вона.»
Ой пье, коникъ пье, вола ёще е,
Пôдъ бѣлою березою Капитанъ ся бье:
«Ой ты, пане нашь, Капитане нашь!
Плыне рѣчка кервавая вôдъ тебе до насъ.»
Зôронька ясна на небѣ зôйшла,
Тогды моя дѣвчинонька по воду выйшла.
Я доломъ, доломъ, та й долиною,
Пôдъѣхавъ вороненькимъ ажь до дунаю:
«Дѣвчино моя, напôй ми коня!» —
«Не на пою, бо ся бою, бо 'мь ще не твоя;
Якъ буду твоя, напою ти два,
Заведу тя до дунаю, где быстра вода.»
Ой пье жовнярь, пье, горѣлонька е,
Ёго мати старенькая все слёзоньки лье.

33.

(Т. II, 576.)

Дубъ на дуба повалився,
Сынъ изъ мамковъ посварився:
«Иди, мати, геть ôдъ мене!
Будуть гостѝ кращѝ въ мене:

Мои гостй въ кармазинѣ,
Ты въ драптовôй сардачинѣ.»
Пôшла мати та лугами,
Вмываючись слёзоньками,
Пôшла мати въ долиноньку,
Здыбала тамъ свою доньку:
«Прійми, донько, мя до себе,
Ней прожію дни у тебе,
Буду тобѣ угожати,
Дѣти твои колысати,
Унучата научати,
Христа Бога почитати!» —
«Ты мнѣ, мати, не догодишь,
Тôлько вѣкъ свôй искоротишь:
Я лихого мужа маю,
Вôкномъ зъ хаты утêкаю.»
За годинку за маленьку
Бѣжитъ сынокъ за матеньковъ:
«Прійди, мамко, ты до мене,
Пригода ся стала въ мене:
Грôмъ ми хату испаливъ,
Та й двѣ душѣ ми убивъ:
Вбивъ ми жêнку молоденьку;
Та й дитину малесенку!»
«Не грôмъ хату тобѣ спаливъ,
Тôлько тебе Господь побивъ;
Плавала я надъ лозы,
Побили тя мои слёзы.»

(Изъ Буковины.)

34.

Гей, по пôдъ гай зелененькій,
Брала панна лёнъ дрôбненькій,
Брала, брала, выбирала,
До серденька прикладала:

«Личко мое румяное,
Кому будешь, коханое?
Ой цы тому паничеви,
Шо му хустка у кишени?
Ой цы тому Козакови,
Шо му шабля при бокови?
Ой цы тому мужикови,
Шо му оре плугъ у поли?» —
«А ни тому мужикови;
Шо му оре плугъ у поли;
А ни тому Козакови,
Шо му шабля при бокови,
Але тому паничеви,
Шо му хустка у кишени,
Бо паничикъ повный грошій,
Кучерявый и хорошій,
Пуститъ мене погуляти,
Съ паробками танцёвати;
Я не буду шити, ткати,
Лишь паничика кохати.»

35.

(Т. I, 68.)

Ой во Львовѣ на рыночку сталася новина,
Чаровала бѣдна вдова богацкого сына;
Якъ го хтѣла чаровати, кликала до хаты:
«Прійди, прійди, красный хлопче, що 'сь ти йму казати!»
Ой пойшовъ я до хатины, стоитъ склянка вина:
«Выпий, выпий, красный хлопче! Я уже выпила.»
Ой выпивъ я ту одную, наляла другую:
«Може ты ми заварила друтину якую?»—
«Либы бы я дурна была, розуму не мала,
Щобы я тобѣ, красный хлопче, друтину давала.»
Ой прийшовъ я до домоньку, та й сѣвъ у куточку,
Пытается мене мати: «Где ты бувъ, сыночку?»—

«Ой бувъ же я, моя мати, у той вдовы въ хатѣ,
Дала мёнѣ склянку вина, треба умирати.
Ой дай мёнѣ, моя мати, бѣлую сорочку,
Но прошу тя, не позывай, тои вдовы дочку:
Бо якъ будешь позывати, будутъ ми лаяти,
Будутъ мои кости зъ гробу назадъ выкидати.»

36.

(Т. I, 68 (?), 81.)

Тамъ во Львовѣ на рыночку стала ся новина,
Счаровала дѣвчиночька богацкого сына;
Якъ го мала чаровати, кликала до хаты:
Прійди, прійди, мôй миленькій! Що 'сь ти маю дати.
Прошу я тя, мôй миленькій, на шкляночку пива:
На здоровье, мôй миленькій! бо я вже выпила.» —
«Пила 'сь едну, пила 'сь едну, выпій ще другую,
Може ты ми сготовала трутизну якую.» —
«Хыба бы я дурна була, розуму не мала,
Щобы 'мь мому миленькому трутизну давала.»
Ой прійшовъ я до домоньку, сѣвъ си конецъ стола,
Мати ся мя запытала: «Де 'сь бувъ, сыну, вчора?» —
«Ой бувъ же я, моя мати, въ Паращинѣ хатѣ.
Якъ ми дала склянку вина, треба умирати.
Ой дай мёнѣ, моя мати, бѣленьку сорочку,
Не позывай, моя мати, богацкую дочку:
Богацкая дѣвчинонька буде проклинати,
Буде мёнѣ, молодому, тяжко умирати.»
Єго везутъ, коня ведутъ, кôнь головою клонитъ,
Молодая дѣвчинонька бѣлы руки ломитъ;
Ломитъ вона бѣлы руки зъ мезиньного пальця:
«Якъ не мала 'мь, такъ не буду, Василя коханця!»

37.

«Чорна гречка, бѣли крупы:
Не впадайся, дѣвча, въ руки!
Якъ у руки упадешься,
То по слюбѣ не скаешься.»—
«Ты, Козаче, не пытай!
Якъ мя любишъ, присылай.
Та якъ хочешъ мене взяти,
Присылай сваты до хаты!»—
«Добрый вечѣрь вамъ, матусю!
Бо я прійшовъ по Настусю.»—
«Вôтчепися, вражій сыну,
Ты не вартъ моей дитины.»—
«Ты мене, мати, не знаешъ,
Волоцѣговъ называешъ,
Я є хлопецъ пребогатый,
Въ мене є товаръ рогатый,
Въ мене злото, въ мене сребро,
Въ мене вôвцѣ, и все добро.»—
«Бійжо, доню, коцюбою,
Ней не ходитъ за тобою!»—
«Стара мати, Богъ съ тобою,
За що бити коцюбою?»—
«Щобы 'мъ ѣла борщъ безъ сала,
Абы ся съ нимъ пара стала!»—
«Якъ я жêнки не мавъ,
Я горѣвки не пивавъ,
Теперêнька жêнку маю,
Горѣлошку попиваю.
Возьми, жêнко, два лôктѣ,
Принеси ми горѣвки!
Якъ не буду мавъ що пити,
Присяй Богу, буду бити.»—
«Ыыжки, миски, до порога,
Несчаслива моя доля,
Що я собѣ наробила,

Же 'мь пяницю полюбила!»
Стара мати рано встала,
Не запецку заплакала:
«Но едну я дочку мала,
За пяницю тую дала!»—
«Ци жь я въ тебе не бувавъ?
Ты видѣла, що я мавъ:
Сѣрачина по колѣна,
На весѣлье пожичена;
На весѣлье вôдобравъ,
Ще ми гôрьшій жаль задавъ;
Мавъ я волы и коровы,
Забрали Жиды за довги,
А теперька хоть прійдуть,
Посмѣяться, та й пôйдутъ.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

38.

Ой зацвѣла калинонька въ лузѣ:
Зломалася поличенька въ плузѣ;
Цы мêнѣ тую полицю ладнати,
Цы мêнѣ нôчку вандровати?
Не забивъ я но едну плѣшку,
Вандровавъ я до дѣвчины нôчку,
Вандровавъ я три мили дороги,
Прійшовъ я пôдъ еи пороги:
«Ростворн мнѣ, дѣвчинонько, сѣни!
Бо мя твои собаки присѣли.»—
«Ней же тя таки заразъ зъѣдятъ,
Бо въ мене вже инші у столахъ сидятъ!»
Ще Козакъ на лавонцѣ не сѣвъ,
Вже Козакъ перепелоньку зъѣвъ;
Не зъѣвъ же вôнъ, но едно крыльце,
Кольнула колька пôдъ ребро, подъ серце;
Уже Козакъ по пôдъ коню вьеся,

Дѣвчина безъ вôкно смѣеся:
«Не смѣй же ся, дѣвчинонько, зъ мене,
Наѣвъ я ся чаровины въ тебе!»
Вже дѣвчина на рочницѣ стала,
На Козака сыра земля впала;
Вже дѣвчиноньку до слюбу ладятъ,
А Козака до гробу провадятъ.

39.

(Паул. II, 123.)

Ой гаю жь мôй, гаю, зеленый розмаю!
Самъ не знаю, не вѣдаю, що чинити маю:
Казали ми дѣвчатонька на нôчь приходити,
Поставили сторожочку, хотятъ мене вбити.
Сторожочка добра була, дала мéнѣ знати:
«Гей, утёкай, леденику, хотятъ тя пôймати!»
А я, гôльтай молоденькій, того не злякався,
Хильцемъ, хильцемъ, по пôдъ вербы, та въ зѣлье сховався.
Выйшли раненько дѣвчата зѣлье пôдливати,
И зачали гôльтаевй слѣды пôзнавати;
А я, гôльтай молоденькій, взявся по пôдъ боки:
«Дивѣтъ же ся, дѣвчатонька, якій я высокій!»

40.

Ой зъ вечера, зъ вечера, люлька ся курила,
Якъ упала изъ полицѣ, на цебрикъ ся збила;
Сѣвъ я собѣ на припѣчку и зачавъ думати:
«Люлько жь моя червонаа, вже жь тебе не мати!»
Ой пôйшовъ я до Бурштына люльку куповати,
Знайшовъ люльку червоную, не мôгъ сторговати,
Ажь єдная марколѣта штоно продавала,

И та мêнѣ червоную люльку сторговала.
Ой пôшовъ я до дѣвчины люльку покурити,
Здерли зъ мене опанчину, ёще хтѣли бити;
А я собѣ хлопецъ добрый, добре догадався,
Опанчину вôдобравъ и бити не дався;
Ой втёкавъ я черезъ поле и не оглядався,
А за мною мужикъ съ цѣпомъ, якъ скаженый гнався.

41.

Чемъ соловёй не спѣвае?
Голосу не мае,
Ходитъ боднарь по лѣщинѣ
Обручй рубае.

* *
*

Витявъ едень, вытявъ другій,
На третій гадае,
Молодая дѣвчинонька,
Гаю доглядае.

* *
*

«Ой знати ти, дѣвчинонько,
Отца, мати не маешь,
Що ты така молодая
Гаю доглядаешь?» —

* *
*

»Ой маю я отця, мати,
Обое старенькй,
Кажутъ мêнѣ доглядати
Въ гаю зелененькôмъ.»

Каламутна вода въ рѣчцѣ,
Та ходѣмъ до ставу:
Зробила 'сь ми, дѣвчинонько,
Велику неславу.»

42.

Ще не свитае, мати пытае,
«Где вѣночокъ задѣла?» —
«Ой, матусю моя единая,
Гультаёви дала.

* *
*

Моя мати, моя единая,
Не турбуйся ты того,
Є на водѣ два лебедѣ,
Пôшлю я едного.

* *
*

Лебедѣ плывутъ, вѣнка не несутъ,
Мати ся журитъ,
Мôй вѣночокъ, мое паненьство
Вже ся до мене не вернутъ!»

* *
*

Взяла в'на сѣтки, пôшла на квѣтки,
До городочка свого,
Що вырве листокъ, кладе до устокъ,
До серденька свого:

* *
*

«Чомъ ты цвѣтешь, жовтая лелѣё,
Що я тебе садила?» —

«Не для тебе то, марнотравицё,
Що 'сь вѣночокъ сгубила.

* * *

Не радовала 'сь ся матки,
Сгубила 'сь вѣнокъ,
Но 'сь ся дивила на кавальера,
Що мае личенько гладке.

43.

Купью я ти, дѣвчинонько,
Та й павяный вѣнокъ,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчь на Понедѣлокъ!

* * *

Купью я ти, дѣвчиненко,
Та й сорокъ пацорокъ,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчь на Второкъ!

* * *

Купью я ти, дѣвчинонько,
Запаску съ переду,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Середу!

* * *

Купью я ти, дѣвчинонько,
Срêбный перстенецъ,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Четверецъ!

Купью я ти, дѣвчинонько,
Дорогу спôдницю.
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Пятницю!

* *
*

Купью я ти, дѣвчинонько,
Дорогу капоту,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Суботу!

* *
*

Купью я ти, дѣвчинонько,
Дорогу делѣю,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Недѣлю.

* *
*

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
Въ першій Понедѣлокъ.
Будуть зъ тебе знимати
Тотъ паваный вѣнокъ.

* *
*

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
А другій Вôвторокъ.
Подививсь на твое личко,
Маешь синцѣвъ сорокъ!

* *
*

Ой заплачешь, дѣвчинонько
А въ третю Середу.
По[illegible] [illegible] [illegible]
Пи рôкма въ череду.

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
    А въ Четверъ четвертый,
Якъ ти буде лиха доля,
    Твои кости терти.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
    А въ пяту Пятницю,
Якъ не зможешь выкликати,
    Изъ корчмы пяницю.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
    А въ шесту Суботу,
Якъ не зможешь выкликати
    Пяницю въ роботу.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
    А въ сему Седѣлю,
Якъ не зможешь выкликати
    До церкви вôтмѣну.

44.

Мысли мои, мысли, чого вы ту пришли?
А пôдъ моимъ миленькимъ сивый коникъ быстрый;
Сивый коникъ быстрый, золотая зброя,
«Що ты собѣ гадаешь, дѣвчиночько моя?»—
«Гадаю, думаю, въ тоіі дунай втонути,
Жебы за тобою, гультаю, не бути.
Якъ въ дунаі утону, где схочу спочину,
А якъ за гультая пôду, марно съ свѣта сгину.
Плынутъ каченята быстрою водою:

«Выйди, выйди, дѣвчино, розмовься зо мною.!»—
«Не разъ, не два, я съ тобовъ розмовляла,
Нигды я тобѣ правды не сказала;
Тогды я тобѣ усю правду скажу,
Якъ твою рученьку на мою повяжутъ.
Тамъ на горонцѣ церковця стояла,
Тамъ дѣвчина примушоный слюбъ брала.
«Слюбе мôй, слюбе, примушоный слюбе,
Повѣджь ми правду, чи гараздъ ми буде?»—
«Такъ я тобѣ скажу, ты, дѣвчино красна,
Якъ нелюбъ не любитъ, то доленька несчасна.»
Поставлю я собѣ хату съ дерева самого,
Буду я ходити вечера каждого.
Поставлю я хату съ дерева кендрины,
Якъ ми ту зле буде, пôду до родины.

45.

Оженила мати сына,
Сына молодого,
Привели невѣстку
До своего дому.

* * *

Послала сынонька
Въ далеку дорогу,
А невѣстоньку
Въ поле до лёну:

* * *

«Якъ лёнъ выберешь,
До дому прійдешь,
Якъ ни выберешь лёну,
Не прійдешь до дому.»

Не выбрала лёну,
Не прійшла до дому,
Пôшла она, пôшла,
Доломъ, долиною.

* * *

Стала она, стала,
Въ полю тополёю,
Стала тополёю
Та на своёмъ полю.

* * *

Пріѣхавъ сынонько
Съ далекой дороги,
Упавъ своёй мати
Низенько у ноги:

* * *

«Ой мати, мати,
Що ту чувати,
Же моей милои
Дома не видати?»—

* * *

«Пôшла она, пôшла,
Доломъ, долиною,
Стала тополёю
Та на своёмъ полю.»—

* * *

Возьму я собѣ
Острую сокиру,
Порубаю тополю
Та на своёмъ полю.

Цюкнувъ вôнъ ю разъ,
Она ся схилила:
«Не цюкай мя, милый,
Бо я твоя мила!»—

* *
*

«Бодай наша мати,
На свѣтѣ не жила,
Же насъ молоденькихъ
Съ пары розлучила!»

46.

(I, 204; Паул. II, 18.)

Ой въ мѣстѣ, въ мѣстѣ,
Въ мѣстѣ Березѣ,
Мала Жидôвка
Дочку Хаюню;
А любивъ ею
Ивась Тарновскій:
«Хаюню, любуню,
Чи любишь ты мене?»—
«Гой, гой, я люблю тебе.
Татыли, мамыли,
Пôшли до школы,
Лишили мёнѣ
Ключь вôдъ коморы.»—
«Хаюню, любуню,
Коли прïѣджати?»—
«Ивасю Тарновскій,
Въ Суботу рано,
Гой, гой, въ Суботу рано.»—
На першій вôзъ брали
Скрыні, перины,

А другій вôзъ брали
Грошій золотыи,
На третій вôзъ сѣдали
Гой, гой, воны обое.
Ивасю Тарновскій,
Где твои дворы?» —
«Хаюню, любуню,
За тыми горы,
Тамъ мои дворы.» —
Ой выѣхали
На мôстъ высокій,
Кинувъ Ивась Хаюню
Въ дунай глыбокій:
«Плывай, Хаюню,
Вôдъ краю до краю,
Колись не знала
Нашого звычаю!
Плывай, Хаюню,
Вôдъ мѣры до мѣры,
Колись не знала
Нашои Вѣры!»

47.

Ой ты, сива зазуленько,
Высоко лѣтаешь.
Повѣжь менѣ щиру правду,
Где любка видаешь?» —

* * *

«Повѣмъ я щиру правду,
Смутну, невеселу,
А вже твою файну любку
До слюбу повели.» —

«А най ведутъ, а най ведутъ,
Най и заведутъ,
А я пôшлю добрыхъ людей,
Нехай отдадутъ!

* *
*

А я пôшлю добрыхъ людей
Або пôду самъ, самъ,
Та буду ся споглядати,
Що сидитъ за панъ.

* *
*

Сидитъ мила конецъ стола,
Межи панянками,
Якъ на небѣ красный мѣсяцъ
Межи звѣздоньками.

* *
*

«Ой ты мила, ой ты мила,
Не по правдѣ жіешь,
Дала 'сь менѣ бѣлу ручку,
За инчого идешь.»

48.

А въ недѣлю дуже рано дощикъ накропляе,
А та бѣдна удовонька волы выгоняе:
«Пасѣть же ся, сѣры волы, пасѣть же ся сами,
Я не маю господаря высылати зъ вами!
Та надъѣхавъ Козаченько, та сблудивъ съ дороги,
Та заѣхавъ на подвôрье до вдовы небоги:
«Помогай, Бôгъ, удовонько! Якъ же ми ся маешь?»—
«То ты 'сь Козакъ зъ Украины, по чѣмъ ты мя знаешь.?»
«Познаю тя, удовонько, по твоей худобѣ,»

Худоба ти невесела, ты сама въ жалобѣ.»—
«Прошу я тя, Козаченьку, до новои хаты,
Сама пôду вороное стадо выганяти».—
«Цы ты, молоденька, челядки не маешь,
Що ты сама, удовонько, стадо выганяешь?»—
«Ой маю я челядоньку, не хоче робити,
Одна пôшла въ карты грати, друга въ коршму пити»—
«Ой цыть, вдово молодая, Господь Богъ съ тобою!
Якъ намъ Панъ Богъ допоможе, будешь ми женою.»—
«Ой що жь бы то, Козаченьку, за неслава впала,
Щобы я ся, молоденька, и тобѣ достала!»—
Тамъ по горѣ по высокôй ходила Марыся,
Ой ходила и гукала: «Козаче, вернися!
Ой вернися, Козаченьку, вернися, вернися!
Єсть у мене медъ и вино, напійся, напійся!»—
«Єсть у тебе медъ и вино, напій же ся сама!
Я не твôй, ты не моя, ты 'сь вдова кохана!»

49.

Ой що жь менѣ по фортунѣ на тôмъ свѣтѣ было,
Коли Господь мêнѣ отнявъ, що ми було мило;
    Фортуна ми въ нивечь пôшла и всяя надѣя,
    Наглая смерть наступила, взяла пріятеля.

Ой пôду я до сосѣды порады зажити,
Пôшла моя порадонька въ сыру землю гнити;
    Куды иду, туды иду, все одно гадаю.
    Якій, такій, съ пріятелемъ, я ёго не маю.

Ой пôду я на ярмарокъ, знайду всёго много,
Но не знайду пріятеля, любця золотого.
    Высокая лѣщинонька широкій листъ мае,
    Тяжкій тягаръ на серденьку, хто же о тôмъ знае?

Тяжкій тягаръ на мя впаде, я то перебуду,
Но о своёмъ пріятелю нигды не забуду.

Летѣвъ орелъ по надъ море: «Подай, море, пити!»
А всѣ люде съ пріятелемъ, мѣнѣ нѣ съ кѣмъ жити.

Летѣвъ орелъ по надъ море, и въ море схилився:
А всѣ люде мовятъ менѣ, же бымъ оженився.
А хотяй бымъ хтѣвъ зажити людской порады,
Но такъ, щобы 'мь я не зробивъ своимъ дѣтемъ зрады.

Взявъ бымъ собѣ дѣвчиноньку, якъ лебедь бѣленьку,
Ой привѣвъ бымъ дѣтемъ матѣрь, якъ ледъ студененьку.
Ой пôду я походити по горѣ, долинѣ,
Чи не прійде она сюда къ своєй родинѣ.

Борше бы то гора къ горѣ дала схилитися,
Нижели єй сюда прійти та подивитися.

(Изъ мѣстечка Потылича Жолковскаго У., поется также въ Чуловичахъ, селѣ Самборскаго У., съ мѣлкими перемѣнами.

50.

Ой шумятъ луги, шумятъ,
Буйны вѣтроньки вѣютъ:
Не вкрывай мя, мôй миленькій!
Мене твои слова грѣютъ.

* *
*

Ой грѣютъ они, грѣютъ,
Якъ Козацькая думка,
А ты сядешь, та й поѣдешь,
Я ся лишу, якъ голубка.

* *
*

Не жаль же ми за водою,
Що бренитъ по камѣнью,
Ино ми жаль на милого,
Поѣхавъ на Украину.

Ой поѣхавъ, поѣхавъ,
Не звѣнчався зо мною,
Бодай же му коникъ издохъ,
Самъ наложивъ головою!

* * *

Ой не слухай, милый Боже,
Що я тое говорила,
Бодай мого миленького
Пречистая боронила!

* * *

Нема мого миленького,
Нема моёй квѣтки,
Я жь бы ёго вызирала,
Сама не знаю звôдки.

* * *

Нема мого миленького,
Ой нема жь мого пана,
Ой вже жь ёго бѣла постêль
Порошенькомъ припала.

* * *

Нема жь мого миленького,
Тамъ на горѣ траву коситъ,
Буйный вѣтеръ повѣвае,
Ажь до мене голосъ носитъ.

51.

Добре мêнѣ говорили кумы и сусѣды:
«Не дай жêнки на весêлье, наробишь си бѣды!»
А я, бѣдный, несчасливый, самъ переконався,
Жêнка дружбу полюбила, самъ въ нêй закохався.
Радьте мêнѣ, добры люде, що маю робити?
Замкну ее до коморы, не дамь ѣсти, пити:
Она мене перепроситъ, дарую ей тое,
Щобъ не було межи нами тое, що е злое.
Добре менѣ панъ реентный вчора говорили:
«Не дай жêнку на веселья, кожуха, кобылы:
Бо якъ жêнка яка ладна, то ю зневажаютъ,
А одежа хоть порядна, то спонев'ѣряютъ,
А кобыла або здохне, або пôдпалится,
Чужихъ жêнокъ зачипати, Бôгъ ме, не годится!»
Радьте менѣ, мои кумы, що жь маю робити,
На що жь менѣ. молодому, такъ теперь постити?

52.

Гей, на горѣ яворъ зелененькій,
Пôдъ яворомъ Козакъ молоденькій,
Сидитъ, сидитъ, на скриночку грае,
Струна струнѣ правду вновѣдае:
«Нема встриму вдовиному сыну,
Звêвъ зъ розуму молоду дѣвчину:
Гей, якъ звêвъ же, на коника сѣвъ же,
Воронъ коня своего на волю пустивъ же.
Ѣде собѣ, ѣде, долôвъ за водою,
Чей ся стрѣтитъ, злыбле, съ своêвъ родиною?
Ни родины, ни дружины.
Бѣдна жъ моя головонька!
Гей, якъ мêнѣ вогорѣла
Та чужая сторононька:
А на чужêй сторононцѣ
Назвали мя заволокою.

Кажутъ мêнѣ рѣчку плысти
Широкую та глыбокую;
А на тôй быстрôй рѣцѣ
Пьютъ гôлубы зимну воду:
«Гоя, гоя, по дунаю,
Плынѣть, ленѣть, до мого роду!
Та не кажѣть, голубочки,
Що я тутъ тяжко бѣдую,
Але кажѣть, голубочки,
Що я тутки та й пануюː
Гôрьке мое панованье,
Цѣсарское шанованье—
Вставаючи, лягаючи,
Слёзоньками вмываючись!

53.

Оженився человѣкъ, та й на якеесь лихо,
Теперь дома, якъ въ млынѣ, николи не тихо;
Якъ ми перша жёнка вмерла въ зимѣ, поховавъ емь,
Зôсталося двое дѣтій, гôрко працёвавъ емь.
Єдно 'мь носивъ на рукахъ, друге колысавъ емь,
Якъ пригадавъ першу жёнку, ревне заплакавъ емь.
Якъ ми стали добрî люде тее говорити:
«Нема дома господинî, треба ся вженити!»
Нараивъ ми нашъ кумъ реентъ: «Є въ дворѣ дѣвчата:
«Возми собѣ зъ двора дѣвку, буде панъ за свата!»
Взявъ я собѣ зъ двора дѣвку, але жь не такая:
И пещаща, и ледаща, до того лихая;
Скажи êй яке слово, осою ся кине,
За дворакомъ казится, ажь мало не згине.
Поѣхавъ я въ дорогу ажь на двѣ недѣлѣ:
Бѣдна жь моя головонько, не маю надѣи!
Пріѣхавъ я зъ дороги, дôмъ мôй вôдмѣнився,
Якъ погадавъ першу жёнку, слёзами обмывся;

А стодола вôдчинена, гостѝ люльки курятъ,
Щобъ зъ дороги не пріѣхавъ, жёнкою ся журать;
Дѣти ходятъ якъ святіи, и свѣтятъ колѣньми,
Повбивала имъ мачоха, якъ била подѣньми!

54.

Романъ волы наповае,
Дѣвча воды доливае,
Дѣвча воды доливае,
Романъ зъ коновъ выливае:
«Ой Романе, Романочку,
Пусти жь мене до домочку!
Бо то мати не рôдная,
Головко жь моя бѣдная!
Буде бити, катувати,
Нема кому ратувати;
Буде бити, волочити,
Нема кому боронити!» —
«Знаешь, дѣвча, що казати,
Не буде тя бити мати:
Надлетѣли гуси зъ броду,
Сколотили зимну воду,
За кимъ ся вода встояла,
Я зъ Романомъ постояла.»

55.

Ой Романе, Романочку,
Вôдгадай ми загадочку:
А що росте безъ корѣня,
А що горитъ безъ пломѣня,
«А що цвѣте безъ цвѣточку?»—

«Камень росте безъ корêня,
Любовь горитъ безъ пломêня,
Вода цвѣте безъ цвѣточку,
Ты мôй милый, Романочку!»

56.

Ой ходила по саду,
Та й сбирала лободу:
Таки свому миленькому
За наймычку не буду.

* * *

Ты пшеницю продаешь,
Мêнѣ гроши не даешь,
Я съ родинковъ сôйдуся,
За цыбульку напьюся.

* * *

Пришли Жиды по довжокъ,
Взяли въ мене пять лыжокъ,
Мене дома не було,
Они взяли й помело.

* * *

Пришли Жиды по вола,
Я вже дома була:
Кадукъ вашй Жиды мавъ,
Я не пила на вола!

* * *

Въ мене когутъ на шопѣ,
Знêсъ ми яєцъ три копы,
Якъ я яйця продамъ,
Тогды довжокъ вôддамъ.

57.

А въ Недѣлю пораночко
Дощикъ накрапае;
А молода удовонька
Товаръ выганяе.

* *
*

А молодый панъ Староста,
Зъ двора выѣзджае,
Та й молоду бѣдну вдову,
Въ полю доганяе:

* *
*

«Ой добры день, бѣдна вдово!
Чи слугôвъ не маешь,
Чому сама, удовонько,
Товаръ выгоняешь?» —

* *
*

«Ой паночку, соколочку,
Ой я слуги маю;
Головка ми склопотана,
Сама выганяю» —

* *
*

«Ой ты, вдово, удовонько,
Будь мене женою,
По щирости, по милости,
Буду живъ съ тобою!» —

* *
*

«Ой паночку, соколочку,
Цы жь то подобонька,
Вы панъ собѣ, панъ вельможный,
Я бѣдна вдовонька!»

58.

Цы я несчасливый
На сей свѣтъ родився?
Якій свѣтъ немалый,
Яще не женився!

* *
*

А я ходжу та й думаю,
Чужй жёнки пôдмовляю,
Що жь то за выгода,
Серцю охолода!

* *
*

А я свою куму люблю,
Та й до неи хожу.
Та що въ дому маю,
Все до неи ношу.

* *
*

Носивъ сыръ, носивъ макъ,
Носивъ сало, поки стало,
А теперь думаю,
Самъ масти не маю.

* *
*

Треба кому позывати,
Щобы тото одбирати,
А мôй макъ буде й такъ,
Мое сало вже пропало.

* *
*

А сыръ подарую,
Ще разъ пожертую:
«Лихо, кумцю, твоёй мамѣ!
Сидѣвъ же я три дни въ ямѣ.

Не разъ не два, кумцю моя,
Пôдъ оконцемъ въ тебе стоя,
Не разъ стою, та й боюся,
Та якъ на рожнѣ трясуся.

* *
*

Щобъ ся хто не выхопивъ,
Мене за лобъ не вхопивъ,
Не разъ, не два, псами чвали,
Та ще сами засѣдали.

* *
*

Якъ бы були йиили,
Були бы мя вбили,
А я, добрый хлопецъ,
Та й до полёванья,

* *
*

На двохъ ногахъ хожу
Безъ хорта спôймаю,
И гусочку обскубаю,
И подушку свою маю:
Якъ си ляжу спати,
Не хочеся встати.

59.

«Эй, Грушечко давна,
Давна, жалôбная!» —
«Пусти мене, старый!» —
«Пекъ ти, мерзеная!
Въ недѣлю до церкви
Не пущу, небого;

Бо тамъ дячкôвъ много,
А ты молоденька,
Гуляти 'сь радненька,
Та дашься имъ на пôдмову.»

«Эй, Грушечко давна,
Давна, жалôбная!»—
«Пусти мене, старый!» —
«Пекъ ти, мерзеная!
Въ корчму на гулянье,
Не пущу, небого:
Тамъ парубкôвъ много,
А ты молоденька,
Гуляти 'сь радненька,
Та дашься имъ на пôдмову.»

«Эй, Грушечка давна,
Давна жалôбная!»
«Пусти мене, старый!» —
«Пекъ ти, мерзеная!
До Дунаю воды брати,
Не пущу, небого:
Тамъ рыбарôвъ много,
А ты молоденька
Гуляти 'сь радненька,
Та дашься имъ на пôдмову.» —

«Пусти брата свого
И дѣверя мого,
Та най менѣ вѣра буде!
Пустивъ брата свого
И дѣверя мого,
Таки жь мêнѣ вѣра була:
Одновъ ручковъ воды начеряе,
Друговъ ручковъ въ море потапае:
«Та най мои очи
Жовтый пѣсокъ точитъ,
Та най нелюбъ не звиджае!

Та най мои лици̂,
Поѣдя плотици̂,
Та най нелюбъ не цѣлуе!
Та най мое тѣло
Рыбка шибка ѣла,
А най нелюбъ не збивае!
Та най мои ноги
Поѣдя стоноги,
А най нелюбъ не сходжае!»

60.

Ой выорю я нивку,
Та посѣю тамъ ганушь,
Ой не дай мене, моя матѣнько,
Вже за дворака замужь!

* *
*

Бо дворакъ молоденькій,
Вôнъ въ далекôй дорозѣ,
Бѣдна жь я, вдова, рубаю дрова,
Горе жь мѣнѣ, небозѣ!

* *
*

Ой у лузѣ калина
Та вôтъ сонѣнька зôвяла,
Ой полюбила я проходисвѣта,
Та й за нимъ я пропала!

* *
*

Вырву же я калину,
Та на дорозѣ покину:
Несчасна доля съ тымъ пройдисвѣтомъ,
Я на вѣки загину!

Ой пôду я до броду
    По студеную воду,
Ой стану я, стану, тамъ я подивлюся,
    Чи хороша на вроду:

* *
*

И на личеньку бѣла,
    И на вродоньку красна,
А що жь менѣ съ того молоденькій,
    Коли доля несчасна!

60.

(I, 274.)

Пійте, люде, горѣлоньку,
    А вы, гуси, воду,
Плынѣть, плынѣть, бѣли гуси,
    Ажь до мого роду!

* *
*

Не повѣжьте, бѣлй гуси,
    Що я такъ бѣдую;
Но повѣжьте, бѣлй гуси,
    Що я роскошую.

* *
*

Єще гуси не доплыли,
    Вже родина знае,
Вже ся мною, сиротою,
    Родина цурае.

* *
*

«Не цурайся, родинонько!
    Я тобовъ не буду;
Пріѣдь, пріѣдь, въ гостиноньку,
    Я ти рада буду!

Сама сяду на постелѣ,
Тебе гостемъ прійму:
Развесели мое серце
Хоть едну годину!»—

* * *

«Якъ же мы тя, моя сестро,
Маемъ веселити?
Ой въ далекôй 'сь краинонцѣ,
Не можемъ трафити.»

61.

Ой бѣда тому, ой бѣда тому,
Що горѣлицю любитъ,
По ночи ходитъ, по ночи ходитъ,
Оченьками блудитъ!

* * *

Ой лѣпше тому, ой лѣпше тому,
Що горѣвку не любитъ,
Вôнъ дома сидитъ, вôнъ дома сидитъ,
По ночи не блудитъ.

* * *

«А вы, дѣтоньки, а вы, дѣтоньки,
Раненько вставайте,
Та сѣчку рѣжьте, та сѣчку рѣжьте
Худобы дозирайте!«

* * *

А зôшлися та папы газды
Въ господарскій дôмъ:
«Такъ мы собѣ починаймо,
Щобы Богъ завидѣвъ.

Ой щобы мы та не болѣли,
А ни хоровали,
Ой щобы мы отъ Господа
Божу ласку мали!»

62.

(I, 225—226.)

По тôмъ боцѣ дуная,
Не далеко вôдъ края,
Чобанъ вôвцѣ̂ корняе,
Та й на хлопцѣ̂ моргае:
«Ой вы, хлопци-молодцѣ̂,
Поклонѣтся дѣвочцѣ,
Що въ шовковôй сорочцѣ!
Най она ся не журитъ,
Красу лицяне губитъ!
Бо я хлопецъ молодый,
Ще до того войсковый,
Якъ я пôду на вôйну,
Тебе лишу на бѣду;
Якъ я пôду въ чужій край,
Тобѣ буде за мновъ жаль;
Якъ я буду стрѣляти,
А ты будешь плакати.»—
«Ой що, ненько, робити,
Не хоче чобанъ любити?»—
«Копай, дочко, корêня,
Зъ пôдъ бѣлого камêня!»
Копала го цѣлый день,
Не вкопала лишь оденъ,
Полокала на руцѣ,
Та й мочила въ горѣвцѣ,
Варила го въ молоцѣ,
Та й приваблю молодци;

Ще корѣнье не въ гранѣ,
А вже чобанъ на конѣ.
Єще корѣнь не вкипѣвъ,
А вже чобанъ прилетѣвъ:
«А що тебе принесло,
Ой чи човенъ, чи весло?»—
«Принêсъ мене сивый кôнь
До дѣвчины на поклôнъ:
Сорокъ волôвъ полевыхъ,
Триста коней вороныхъ,
Сêмь сотъ овецъ въ дойнику,
Ялôвнику безъ лику,
А дѣвчина въ лѣтнику.»
А она то якъ вчула,
Та й за гору стрепнула,
Бѣловъ ручковъ махнула.

63.

На тôмъ боцѣ дуная, Гей, гей!*
Чобанъ вôвцѝ корняе:
«Та вы хлопцѝ, молодцѝ,
Скажѣть то тôй дѣвочцѣ,
Шо въ шовковôй сорочцѣ,
И въ багрявôй горготцѣ,
Нехай мене не любитъ,
Лѣта свои не губитъ!
Бо я чобанъ молодый,
Ще й до того убогій:
Стадо коней въ дубнику,
Сêмь сотъ овецъ въ дôйнику,
Ялôвнику безъ лѣку,
А дѣвчина въ лѣтнику.»—
«Що бы, ненько, робити,

---

* Такъ послѣ каждаго стиха.

Не хочь чобанъ любити?»—
«Копай, доню, корêня,
Съ пôдъ бѣлого камêня;
Вари го въ молоцѣ,
Що бъ любили молодцѝ!»
Єще корêнь не вкипѣвъ,
А вже чобанъ прилетѣвъ:
«А що тебе принесло,
Цы човенчикъ, цы весло?»—
«Принêсъ мене сивый кôнь
До дѣвчины на поклôнъ.»

(Изъ Буковины.)

63.

«Чы ты мене, Василю, не знаешь,
Що ты мою хаточку минаешь?
Моя хатка край воды, край воды,
Зъ высокого дерева, зъ лободы.
Чорнї очи якъ деренъ, якъ деренъ,
Коли жь ми ся поберемъ, поберемъ?» —
«Маю въ Бога надѣю, надѣю,
Поберемся въ Недѣлю, въ Недѣлю.»
«Де жь ты мене поведешь, поведешь,
Своей хаты не маешь, не маешь?»—
«Поведу тя я въ чужую, въ чужую,
Поки свою збудую, збудую.»—
«Будуй свою зъ лободы, зъ лободы,
До чужои не веди, не веди!
Чужа хата тяжкая, тяжкая,
Де свекруха лихая, лихая.
Эй ты любишь Парашку, Парашку,
Зъ мене чинишь играшку, играшку;
Присіяй Богу, не люблю, не люблю,
И любити не буду, не буду!»

«Гей, ходило куратко по току:
Чекай мене, дѣвчино, до року!»—
«Хиба бы я розуму не мала,
Що бымь тебе до року не ждала.»

64.

(Т. I, стр. 383.)

Тамъ на старôй греблѣ,
Тамъ млыночокъ меле:
«Чому не приходишь,
Мôй милый, до мене?»—
«Якъ же я маю ходити,
Хотятъ насъ ворогн сгубити:
Покопали ямы,
Пôдъ кимъ? Пôдъ нами;
Покопали ямы горою,
Щобымь не стояли съ собою.
Иструдивъ я коня, иструдивъ другого:
Повѣжь мила, правду, ци буде що зъ того?
Цы буде що зъ того, та й цы нѣ?
Най не вяне серденько въ мênѣ!»—
«Я тобѣ казала, що слухали люде,
Що у мене, милый, вѣна не буде,
Возмутъ мене, милый, такъ люде.»—
«Эй, серденько мое, не кажи ми того!
Я тобѣ не кажу за вѣно нѣчого,
Ты у мене вѣно самая,
Якъ на небѣ зоря ясная.»—
Теперь мênѣ кажешь: «Зоренька ясная!»
По тому ми скажешь: «Доле несчасная!»
Не дай то, Боже, недуги,
Будешь ся дивити на други.»—
«Скарай же мя, Боже, на душѣ, на тѣлѣ,
Коли я що мыслю та й о злôмъ дѣлѣ,
Скарай же мя, Боже, та й за разъ,

Коли я що мышлю негараздъ!»—
«Не скажешь, ты милый, скаже твоя мати:
«Було дѣвчиночку безъ вѣна не брати;
Не скаже мати, то сестра:
«Небогато 'сь вѣна нанесла!»—
«Эй, серденько мое, не кажи ми того,
Бо моему роду ни чо не до того,
Не тое то вѣно, що дають,
Та якъ ся доробятъ, такъ маютъ.»

65.

Чего я плачу, чего, чего, я смучуся,
Чего я ажь теперь плакати учуся?
Знаю бѣду, знаю я пригоду,
Моимъ ворогамъ нѣгды не догожу.
Вороги жъ мои, скажить же мѣнѣ,
Що жь вы за причину находите въ мѣнѣ?
Що жь я вамъ зробивъ та й такого злого,
Вы мене судите, якъ бы остатного?
Взяли 'сте гоноръ, ôтберѣть и славу,
Вынесѣть славу на высоку трону,
Зрыйте тѣло, зрыйте, лишь тôлько немного,
А серця не рушите, бо вамъ нѣцъ до того!
Ой бо мое серце душу въ собѣ носитъ,
У вашои ласки нѝчого не проситъ,
Лишь у единого Бога найвыжшого
О милосердіе, и тако бѣ много.

66.

(Т. I, 267 и 110.)

Ой по горѣ, горѣ, яворъ похилився,
Сынокъ до матери низенько вклонився:
«Позволь мѣнѣ, мати, сіе дѣвче взяти,
Яка нôчь велика, нѣ съ кѣмъ розмовляти!»—

«Ой маешь ты, сыну, коня вороного,
Розмовляй же ся съ нимъ до дня бѣленького!»—
«То жь бы тобѣ, мати, такъ легко конати,
Якъ же мêнѣ легко съ конемъ розмовляти!
Ой коню мôй, коню, що ты такій смутный?
Цы ты изъ дороги прійшовъ такій трудный?
Ой цы моя зброя тобѣ догорѣла,
Цы моя дѣвчина тебе зневажила?»—
«А нй твоя зброя мêнѣ догорѣла,
Нй твоя дѣвчина мене зневажила,
Догорѣли жь мêнѣ тіи твои коршмоньки,
Догорѣли жь мêнѣ твои дороженьки:
Ты до коршмы йдешь, піешь й гуляешь,
За мя, воронъ коня, слова не згадаешь;
Передъ тобою стоитъ медъ, горѣвка,
А передъ мною а нй стебла сѣнка;
Передъ тобою дѣвки й молодицй,
А передъ мною не кроплй водицй;
Ты изъ горы ѣдешь, мене не стримаешь,
Ты до горы ѣдешь, мене нагоняешь;
Ты до дому идешь, та й спати лягаешь,
Мене, воронъ коня, не роззумбелаешь;
Ты до дому прійдешь, лягаешь въ перины,
А передъ мною а нй стебелины!»

67.

Жалй жъ мои, жалй,
То 'сь те ми на зрадѣ,
Якъ дрôбна росонька,
По зеленôй травѣ!

* *
*

Якъ вѣтеръ повѣе,
Та й росоньку звѣе,
Вже мь мое серденько,
Зъ жалю не отѣе!

Якъ заспѣваю
Въ зеленôй дôбровѣ,
Пôйде голосочокъ
До моей милои.

* * *

Якъ миленька вчуе,
Та й словонко рече:
«Де сь мое серденько,
Въ чужинѣ щебече!»

* * *

Ой выйду я на гороньку,
Гора ся бѣлѣе,
Де жь ся моя миленькая
На зиму подѣе?»—

* * *

«Збудую я хатку
Зъ жовтого дерева,
Буду приходити
Кождого вечера.

* * *

Збудую я сѣни
Зъ жовтой кидрины,
Буду приходити
Кождои годины.

* * *

«Вôвцѣ́ жь мои, вôвцѣ́,
То чорнѣ́, то бѣлѣ́,
Хто жь васъ буде пасти
Святои Недѣлѣ́?

Вôвцû жь мои, вôвцû,
Великій бутею,
Хто васъ буде пасти,
Якъ я ся оженю?»—

* *
*

«Сами будемъ пасти,
Сами завертати,
Тебе, вôвчерику,
Завше згадувати.»

68.

(II, 376 и 33.)

Дубъ на дуба повалився,
Сынъ съ мамкою посварився:
«Иди, мати, пречъ вôтъ мене,
Будутъ гостû красни въ мене!

* *
*

Мои гостû въ кармазинѣ,
Ты въ пôдертôй сукенчинѣ.»—
«Я тя, сынку, выплекала,
Я тя гôрко згодовала.

* *
*

Да на тебе всю налѣю,
Де жь ся теперь, бѣдна, дѣю?»
Сынъ на тое неввважаетъ,
Маму зъ хати выражаетъ.

* *
*

Издôхнула тяжко мати:
«Прощай, сынку!» пôйшла зъ хаты:
Выйшла мати за подвôрье.
Бôль пôймила ю безъ мѣры.

Идетъ мати по доровѣ,
Рѣнь въѣдается ёй въ нозѣ.
Идетъ, стогнетъ, увявае,
Горесть вся предъ нёвъ лѣтае.

* *
*

Сынъ злодарный за плечима,
Голодъ, студень, предъ очима,
Ходитъ спати полянками,
Кормючися терночками.

* *
*

Ходитъ спековъ и зимою,
Боса, зъ головъ головою,
Ходитъ полемъ и лѣсами,
Неразлучна съ слезоньками.

* *
*

Идетъ мати стежечкою,
Здыбается съ донечкою:
«Прійми, донько, твою мати,
Буду тобѣ угожати!»

* *
*

Дѣточки ти колисати,
И хаточку замѣтати!» —
«Ахъ, не прійму, бо не можу,
Сама съ часта блудомъ хожу:

* *
*

Прелихого мужа маю,
Вѣкномъ зъ хати утѣкаю.»
Шумитъ вѣтеръ дубиною,
Вже бѣжитъ сынъ за мамою:

Єдинъ веде за рученьку,
Другій за рукавъ,
Третій стоитъ, серце болитъ,
Що любивъ, та не взявъ.

71.

Темная нôчка, темна, не видненка:
Головонько ты моя бѣдненька,
Съ кимъ я буду нôчку ночувати!
Съ кимъ я буду ревне розмовяти?
За ворôтьми яворъ зелененькій,
Подъ яворомъ хлопець молоденькій,
Съ тимъ я буду нôчку ночувати,
Съ тимъ я буду ревне розмовяти.
«Вы, сусѣды, вы, добріи люде,
Сватайте дѣвчину, господиня буде!
Що чужая була, теперь моя буде,
Оженюся, раютъ мênѣ люде.
Чужой жоны не похищаю,
Богатую не вышукую,
Возьму собѣ сиротоньку,
Що зазнала клопотоньку.
По садочку ходила,
Садовину садила,
И ходячи говорила:
«Нема того, кого я любила!
Мамко жь моя старенькая,
Долежь моя бѣдненькая!
Хорошую 'сь мя згодовала,
Щастя, доли, не вгадала!»—
«Все жь я тобѣ, доню, дала,
Щастя, доли, не вгадала,
Проси Бога ажь до вѣка
О доброго чоловѣка!»

Просю Бога о долечку,
О щасливу годиночку,
Хто мя любитъ, я не ёго,
Кого люблю, нема того! »

72.

Стоитъ явôръ надъ водою,
Вѣтеръ нимъ колыше,
А я того полюбила,
Що акцизу пише.

* *
*

Якимъ правомъ полюбила,
Прошу послухати:
Гузики ся ззблыщали
Взяла 'мь ся пытати.

* *
*

Ой що ся тамъ заблыщало,
Що ся тамъ яснѣе?
Коло шеи файный ковняръ
Якъ май зеленѣе.

* *
*

Коло шеи файный ковняръ
Якъ май зелененькій,
Аще красшій въ тôмъ ковнярѣ
Хлопецъ молоденькій.

* *
*

А надъ чоломъ малый дашокъ
Ясно глянцованый,
А надъ дашкомъ тонкій снурокъ
Срéбромъ проплётаный.

А надъ снуркомъ кругла рожа
Злотомъ вышивана,
Та й и цыфра́ золотая
Яснѣйшого Пана.

* *
*

Давъ имъ Цѣсарь таки знаки,
Щобы ихъ любити,
Лише не давъ позволеня
Щобы ся женити.

* *
*

Ой Цѣсарю, Цѣсарику!
Буду тя просити:
Позволь мене по щирости
Авзера любити.

* *
*

Ой погоди, гарный хлопче,
Буду ся пытати,
Чи умѣешь, гарныи хлопче,
Чи вмѣешь кохати?

* *
*

Бо якъ будешь мя любити,
А не схочешь взяти,
Замѣсть шаблѣ, возьми палку
Та й йди розбивати!

* *
*

Препрашаю, гарный хлопче,
Що 'мь тя розгнѣвала,
То за тое, гарный хлопче,
Що 'мь тебе кохала.

(Зап. въ Раковцѣ Колом. У. отъ Попадьи Левицкой.)

73.

Вставай, вставай, продри очи,
Хоть есь не спавъ сеи ночи!
Бо тя вчора накормили,
Фафулицй наварили;

* *
*

Наварили фафулицй,
Съ кваснымъ сыромъ вареницй,
Двѣ картечи съ лоемъ въ водѣ,
Що ажь дивитися годѣ.

* *
*

Якъ есь выбѣгъ зъ Ишпаніи,
Видишь здаля мантуліи
Съ цыбульками, съ грибочками,
Съ перчиками, съ приправками.

* *
*

Завтра Пятокъ, день пôстненькій,
Буде борщикъ солоденькій,
Або супка шара-бура,
Однимъ словомъ, чиста люра.

* *
*

Панъ селедецъ у мундурѣ,
Що му лобъ объѣли щуры,
На тарелѣ лежитъ бокомъ,
И дивится однимъ окомъ.

* *
*

Свѣжи яйця, памятайте,
Виделцями не штуркайте;
Бо, моспане, фйку, фйку,
Яйце крикне: «Кукурѣку!»

Якійсь шницель, сѣканина,
Всего мяса сбиранина,
И быдляче, и коняче,
И свиняче, и теляче.

* * *

Гей же, гаса, гаса, гаса!
Завтра екстрасосъ до мяса.
Бо мы за спѣвъ того варта,
Абы була кремотарта.

* * *

Часомъ на велики свята
Достаемо и курчата,
Щобы здохлы не пôзнати,
Звыкли муковъ обсыпати.

* * *

Гей же, гей же, веселися,
Що завтра съѣшь, не журися!
Ѣда, марность сего свѣта,
Ректорови многа лѣта!

(Семинарская.)

74.

Прійшовъ мужикъ до корчмы: «Здоровъ, арендарю!
Прошу тебе хорошенько, дай ми гардаману!
Напившися гардаману, пôшовъ быть гуляти,
Тôлько менѣ капелйсты не хтятъ дармо грати.
А вы, паны капелйсты, танцю ми заграйте!
Я вамъ добре заплачу, тôлько не дрѣмайте!
А но не тыхъ новомодныхъ, що рѣжутъ, якъ сѣчки,
Тôлько мéнѣ, старенькому, грай по старосвѣцки!

Не дивуйтесь, добрі люде, що мужикъ гуляе,
Я господарь зъ ласки Бога, и панъ мене знае,
Маю плуги, маю поля, маю що потрѣбно.
Зыграйте ми зъ горы шумки, ино не такъ дрôбно!
Натягнувся я косою, намахався цѣпомъ;
Пригнавъ волы я изъ росы еще передъ свѣтомъ,
Запросивъ я свою куму та й на честь до себе:
«Пій же, кумцю, горѣлоньку, коли прошу тебе!»
Вокомоны зъ нагайками ходять пôдъ вôконця,
Заказують панщиноньку передъ сходомъ сонця;
Вокомоны зъ нагайками, гумєнні съ фандою,
Теперь же я, бѣдный мужикъ, що жь пôчну съ бѣдою?
Якъ я виджу, нема правды, громада бѣдуе,
Нѣмці берутъ, Ляхи дерутъ, и Жидъ не даруе.
Теперь же я, бѣдный мужикъ, що маю робити?
Треба нести пану курку, сто разъ ся вклонити
Не занесу десять яєцъ, то берутся бити,
И бьють дуже міцно, тяжко намъ свѣтѣ жити!
А вокомонъ не зважае на нашу худобу,
Бере, кладе, мужика, та сыпле якъ бобу.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

75.

Пѣсня о Панщинѣ.

(Ср. Основа 1861 г., VI.)

Ой летѣла зазуленька,
Та й стала ковати:
«Почекайте, добры люде,
Що 'сь маю казати!»

* *
*

А вже гаи зеленѣли,
Я до васъ вертала,
Сѣла 'мь собѣ въ темнôмъ лѣсѣ,
Трохи спочивала.

Ажь тутъ разомъ задуднѣло,
Я ся споглянула,
Якъ емь диво забачила
Ажь емь ся забула.

* *
*

А панщину свобода
Впередъ себе гнала,
Загнала ю въ лѣсы, дебры,
Щобъ тамъ пропадала.

* *
*

А за нею паны женутъ,
Стали ю просити:
«Повернися, панщинонько,
Нема звôтки жити!»

* *
*

Панщина имъ вôтповѣла:
«Я тому не винна;
Сами сьте мя вôтправили,
Я вамъ була вѣрна.»—

* *
*

«Не въ тôмъ часѣ мы съ тобою
Хтѣли ся розстати:
Мы казали, що ще будемъ
Съ тобовъ ся витати.»

* *
*

А вже нема того пана,
А ни ватамана,
Жебы ходивъ, колядовавъ,
По пôдъ вôкна зъ рана.

Окомонôвъ, ватаманôвъ,
Уже скасовали,
Що на панщину гонили,
Вôкна выбивали.

* * *

Перше були штыре паны,
А два ватаманы,
Вôсёмнадцять полёвыхъ,
А единъ пôдданый!

* * *

Выйшла стара паня
На затыльни двери:
«Повернися, панщинонько,
До насъ, до вечери!

* * *

Ой вернися, панщинонько,
Вернися, вернися,
Хоць на рочокъ, або на два,
Та у насъ наймися!»

* * *

Панщина имъ вôтповѣла:
«Я за васъ не дбаю,
То-то 'мь ся въ васъ доробила,
Що ничо не маю.»

* * *

Ой пôшовъ панъ молотити,
Паня пôдмѣтати:
«Десь нашеи панщиноньки
Теперь не видати!

Не вмѣемъ мы молотити,
Нашй жёнки жати,
Мы не знали, якъ то горько,
На хлѣбъ працёвати.

* * *

Сюда, туда, по кишенькахъ,
Нема звôтки взяти,
Ой нема съ чѣмъ до каварнй
Та лябелка грати.

* * *

Зъ орендара вже не можна
Больше раты потягати,
Бо не хочутъ хлопы на боргъ
Горѣлоньки брати.

* * *

Наѣхали комисарѣ
Стали голосити:
«О часъ бы вамъ, бѣдны хлопы,
Панщины не робити!»

* * *

Отъѣхали комисарѣ,
Та й наказовали,
Жебы хлопы предъ панами
Шапокъ не здоймали

* * *

Хлопы идутъ тилько курятъ,
Паны сидятъ, та й ся журятъ:
Де бы намъ гроши заробити
И тымъ хлопамъ заплатити!

И табаки понюхати,
Жебы пана послухати;
И горѣлки оковиты,
Щобъ на пана ще робити!»

* *
*

Вылетѣла зозуленька,
Сѣла съ голубами:
«Ой часъ бо вамъ, паны,
Приставати съ нами!»

* *
*

Сѣла собѣ надъ водою
Сива посмѣтюха,
Та й спѣвала панщиноньки,
А той Ляшокъ слуха:

* *
*

«Ой жебы намъ, пане брате,
Посмѣтюху вбити,
Щобъ не вчила та пташина
Зъ бѣдныхъ Ляшкôвъ кпити!»

* *
*

Ай летѣла та сорока,
Та й стала, скрегоче:
«Чогось бо намъ вже панщины
Робитись не хоче!»

* *
*

Вылетѣла ластôвочка,
Уже снѣгу мало:
«Въ самй свята Великоднй
Панщины не стало.»

Ой ты, Зоре Галицкая,
Яка жь бо ты ясна!
Якъ есь красно засвѣтила;
Ажь панщина сгасла!

* *
*

Свѣти, Зоре Галицкая,
Най видятъ всѣ люде,
Бо суть такій межи нами,
Що маютъ палуды.

* *
*

Ой ты, Зоре Галицкая,
Не свѣти никому,
Тôлько нашôй Русской справѣ,
Якъ иде до трону!»

76.

Ой летѣла зазуленька, та й стала ковати:
«Зачекайте, добры люде, щось маю казати!
Якъ я до васъ повертала, гаи зеленѣли,
Сѣла 'мь собѣ въ темнôмъ борѣ, трохи отпочила:
Загудѣло, задуднѣло, а ся обернула,
Таке диво зобачила 'мь, що 'мь ся ажь забула:
Ажь свобода передъ собовъ та панщину гнала,
Загнала ю въ дебры, лѣсы, щобы тамъ пропала;
А за нею Ляхи бѣгли, зачали просити:
«Вертай, вертай, панщинонько, нема звôтки жити!»
А панщина вôтповѣла: «Я тому не винна.
Сами сьте мя вôтправили, я вамъ була вѣрна.»—
«Мы не вмѣемъ молотити, нашѝ жêнки жати,
Мы не знаемъ, якъ то тяжко на хлѣбъ працювати!

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

77.

Прилетѣла зозуленька,
Та й стала кукати:
«Да што я вамъ, добры люде,
Маю повѣдати?

* * *

Якъ ся гаи зеленѣли,
Я до васъ вертала,
Сѣла 'мь собѣ въ темнôмъ лѣсѣ,
Мало 'мь спочивала.

* * *

Лемъ ту на разъ што се здуднѣло,
Я ся обличила,
Якъ я нагло посмотрѣла,
Ажь я ся забыла!

* * *

А то панщину свобода
Передъ собовъ гнала,
Загнала ю въ лѣсы, дебры,
Обы тамъ пропала.

* * *

А за нею идутъ паны,
Зачнутъ ю просити:
«Вертай, вертай, до насъ назадъ!
Не откуда жити.»

* * *

Панщина имъ отповѣла:
«Я тому не винна,
Сами сьте мя отправили,
Я вамъ была вѣрна!» —

«Не въ тотъ способъ мы съ тобою
Хтѣли ся розстати,
Мы не знаемъ молотити,
Нашѣ жёнки жати.

* *
*

Мы не знали, же такъ тяжко
На хлѣбъ працовати,
До кварнѣ нѣтъ съ чѣмъ ити,
Тай чортика грати.

* *
*

Бо въ карманѣ всюды пусто,
Не є откудъ взяти,
Отъ орендаря не можно
Бôльше вытягати,

* *
*

Бо ужь на боргъ хлопъ не хочетъ
Горѣлоньку брати,
Ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ, намъ вже жити,
Пришлось пропадати!»

(Изъ Угорской Руси.)

78.

(Т. I, стр. 229.)

А у той ми полонинцѣ мрачки се зводили,
Вôвчерики молоденьки̂ вôвци̂ погубили.
Пустилисе долинками та й за овечками,
Найшли, найшли, боднариню пôдъ Коровечками.
Ой ковала ми зозулька, ше буде ковати:
«Ой екъ бы тôй боднарчучцѣ дати въ село знати.
Ой сѣдлай-ко, боднарчучко, коня вороного,
Та выведи въ Погорѣлецъ Попа молодого!»
Осѣдлала боднарчучка коня вороного,
Та вывела въ Погорѣлецъ Попа молодого.
«Обертайте, боднарине, напротивъ сонечка!

А пôзнавай, боднарчучко, чи твоя донечка?
А иму я калиночку за саму сердечку.»—
«Чому бы я не пôзнала вже свою донечку?
У пасѣцѣ мѣнѣ бджолы, за пасѣковъ осы.»
А вже жьлтота боднарчучка плаче та ґолоситъ:
«Ой не плачь-ко, боднарчучко, не плачь, не смуткуйсе!
Не прîйде донечка въ гостй, сама помѣркуйсе!
Озми-ко ты, боднарчучко, жовтого пѣсочку,
Посыпь же ты та донечцѣ ба й коло гробочку!
А єкъ же той та пѣсочокъ на гробочку зôйде,
Тогды твоя та донечка до тя въ гостй прîйде!»

(Изъ Гуцулъ.)

79.

Ой маю я своей сестрѣ весѣлье зробити,
Двѣ коровѣ до посагу зъ малыми телети.
А я на се слово вгôдне не йшювъ собѣ съ дому,
Двѣстѣ ренскихъ до посагу и съ телємъ корову.
«А вже сесе такъ не буде, якъ засуде люде,
В'на вхопила горнецъ каши, вергла ему въ груди.
А я жь тото черепечко зъ себе обтресаю,
В'на вхопила за мѣтавку: «Рушь зъ хаты, Маскалю.»
А я, братйкъ, выхопивсе, на то мѣстце дъ дѣвцѣ:
«А бувъ же я, дѣвчиночко, сночи у публйцѣ.
Мѣнѣ на се порадила та дѣвоча мама:
Єкъ бы ты пôшовъ до вôйта, ты бы доставъ права.»
А в'на мене зачѣпила, не треба и дѣдька;
Я взевъ паличку у руки, та й гайда до вôйта.
А прійшовъ же я до вôйта, розказую файно:
«Ой зроби ми, вôйте, право, най ми не метъ банно!»
Тото жь паны не судили, люде толковали,
Взсли, взели, два гайдучки, та й за невъ пôслали.
Они жь мѣнѣ присудили штыри сорокôвцй,
Можна въ старосты ходити хоть и дъ котрôй дѣвцѣ.

(Оттуда же.)

80.

(Т. I, 197, 198.)

Ишовъ бычокъ у плаичокъ, та тоненько рыче:
«Выйди-ко ты, дѣвко, зъ хаты, шось тя ледѣнь кличе!»
Ой не выйшла дѣвчиночка, выйшла еи мати:
«Чого треба ледѣневи, най иде до хаты!»
Прійшовъ ледѣнь та до хаты, та ставъ се витати,
А дѣвчина до вѣнничка хату замѣтати.
Ой а прійшли старосточки, та ели сидѣти:
«Иди-ко ты, свату, въ хату, цы любетсе дѣти!»
А дѣти се полюбили, ели говорити:
«Ой екимъ же метъ та нашъ лелько вѣнцемъ насъ мѣнити?»
Весѣлечко вôдограло, в'ни пришли по вѣно,
Стоитъ лелька на подвôры съ коленымъ полѣномъ.
Невѣсточка и сказала, шо то не до речи,
Вытегае её лелька котика зъ пôдъ печи.
Котикъ иде царинками, а вона лугами,
Смутчѝ люде выгадали, шо в'на йде съ волами.
Котикъ иде царинками, а вона йде лугомъ,
Смутчѝ люде выгадали, шо вона йде съ плугомъ.
А свекрушка погадала, шо жене телицу,
Та скочила до потока, обмыла дôйницу.
А свекрушка погадала, шо жене коровку,
В'на скочила та до рѣчки, обмыла коновку.
Обмыла в'на коновочку, пôшла у плôтъ сѣна,
Єкъ узрѣла, шо то котикъ, а она си сѣла,
Таки сѣла, таки сѣла, та й заголосила:
«Цы таке ты въ своей мамки вѣнце заслужила?
Я робôтки не робила, лише вечерниций,
Таке мене вѣнце дали, шо дере полиций!»—
«А встань же ты, невѣстице! Богъ дай есь не встала!
Выжени-ко сѣри волы, шо ти мама дала!»—
«Мене мамка не давала, бо й сама не мала,
А на шо ты свого сына у старосты слала?»—
«Ой я слала, бо гадала, шо в'ни годны люде,
Я гадала, шо на волы выймaночка буде!

(Оттуда же.)

81.

А яке нынѣ настало, цы вы чули, люде?
Котрый иде у старосты, то най ся варує!
Котрый иде у старосты, ме горѣвку пити,
Лише най ся добре варує, ледви не мутъ бити.
Я самъ ишовъ у старосты, та не славъ никого,
Лишь кортѣло єго знати, цы що буде зъ того.
Єму дѣвка розсказала все по доброй волѣ,
Єму такъ ся тото вдало, якъ бы пара коній.
Єму дѣвка розсказала безъ бѣды, безъ дива,
Такъ єму ся тото вдало, якъ свинѣ кропива.
Эй бо вôнъ ставъ середъ хаты, та й зачäвъ гадати:
«Хиба пôду до старшого, шось май буду знати!»
А прійшовъ я до старшого, та й розговорився,
Та бо вôнъ сѣвъ на лавицю, та й воды напився.
«А я прійшовъ, товаришу, шось до тебе знати,
Хочу въ тебе сестру брати, шо єй маєшь дати!»—
«А маю ей, товаришу, весѐлье вчинити,
Та й у посагъ двѣ коровы съ малыми теляти.»—
«На сю раду, товаришу, я бы не йшовъ зъ дому,
Маєшь дати єй сто левôвъ, та й въ посагъ корову.»—
Женка каже: «Такъ не буде, не засудя люде!»
Ухопила горнець зъ печи, та й шпурнула въ груди.
Табо я ся вôтъ черепья зачäвъ обрѣсати,
В'на вхопила загрѣбачку: «Рушай, гицлю, зъ хаты!»
Ой а я ся выхаплюю, та бѣжу идъ дѣвцѣ:
А бѣдна моя головко, въ якôй я публйцѣ!
А пôшовъ я вôдти скорѣй, не треба ми дѣдька,
Вхопивъ паличку у руки, та й гайда до вôйта.
Та бо я прійшовъ до вôйта, розказую файне:
«Изробѣтъ ми, братья, право, щобы ми не банно!
А вони ми засудили штыри сорокôвцй:
«Та й можно тобѣ ходити на свадьбы идъ дѣвцѣ!»
Тото вряда не судили, тото люде простй,
«Та й можна тобѣ ходити идъ дѣвчинѣ въ гостй.»

(Оттуда же.)

82.

А у тôй ми полонинцѣ вѣтеръ се вагуе,
Котрый иде у старосты, най же се варуе.
Котрый иде у старосты, иде безъ горѣвки,
А лишень се выпытати перше слово въ дѣвки.
Ой пôшовъ я до дѣвчины, водицѣ напивсе,
А сѣвъ собѣ на лавицу, та й розговоривсе;
А сѣвъ собѣ на лавицу, та й розговоривсе:
«Кобы сь мéнѣ слово дала, я бы оженивсе.
Она жь мéнѣ приповѣла безъ чуду, безъ дива,
Такъ мéнѣ се дѣвка вдала, якъ свинѣ кропива!

(Оттуда же.)

83.

А я пôйду въ полонинку по зелене сѣно,
Не перейду полонинку, бо сонечко сѣло.
Въ полонинцѣ на кидринцѣ голубы лѣтають:
«Мы гаразду не зазнали, лѣта се минають.
Мы гаразду не зазнали, та й знати не будемъ,
А по чому свои лѣта пôзнавати будемъ?
На свѣтѣ се не нажили, красно не входили,
Лишь по тому пôзнавати, що сме нагрѣшили.»

(Всѣ 8 запис. отъ Гуцулки изъ Криворовни, Марины Грицючки.)

84.

(Т. I стр. 112.)

Ишовъ легинь зъ полонины
На нове подвôрье.
То повернувъ до дѣвчины
На еи задвôрье.

Ой повернувъ до дѣвчины,
Та ставъ ся пытати:
«Ой чи можно, дѣвчинонько,
Старосты прислати.»—

* *
*

«Ой а можна, легйнику,
Старосты прислати,
Сли ми зможешь, молоденькій,
Тройзêля достати.»

* *
*

Ой пôшовъ вôнъ до стаенки
Коника сѣдлати,
Та й поѣхавъ межи горы
Тройзêля копати.

* *
*

Прилетѣла зазуленька,
Та й стала ковати:
«Ой лиши ты, легйнику,
Тройзêле копати!

* *
*

Ой лиши ты, легйнику,
Сесе трое зêлье:
Бо у твоей дѣвчиноньки
Грае вже весêлье.»

* *
*

О класти бы та й на коня
Новыи сѣдельця.
Та ѣхати до дѣвчины
До щирого серця.

Ой прійшовъ я на весёлье,
Та ставъ тамъ стояти,
Ой выносятъ мёнѣ братья
Горѣвочки зъ хаты.

* * *

«Ой не хочу я, братчики,
Вашеи горѣвки,
Лишь я хочу исказати
Двѣ словѣ до дѣвки.

* * *

Бо я маю до дѣвчины
Шось заговорити,
Цы буде в'на еще бôльше
Зъ розума зводити?»

* * *

Зъ правой ручки изъ коника
Тройзёлье подае,
А зъ лѣвого свого боку
Шабельку выймае.

* * *

Ой ковала зазуленька
На верху, на млынѣ:
«Най не буде, песій сыну,
Нй тобѣ, нй менѣ!»

(Оттуда же.)

85.

(Отрывокъ.)

Ой у лѣсѣ на горѣсѣ
Два качорѝ вются:
Надо мною молодою
Два легѝнѝ бьются.

* *
*

«Ой бійтеся, рубайтеся,
Одного я буду,
Васильковы хустку куплю,
Иванова буду.»

86.

Люде кажутъ, що я гультай,
Що я гультаюю;
А ще я ся вôдъ оттеперь
Доста набѣдую.

* *
*

Кобы сте ми дѣвку дали,
Буду шеновати;
Тричѝ на день на купинѣ
Букомъ обертати.

* *
*

Иншѝ люде мутъ казати,
Що я лихо роблю,
Менѣ тогды лѣпше буде,
Якъ зъ разу второшлю.

Менѣ тогды лѣпше буде,
Лѣпше 'ме робити,
Не 'мутъ пустй поза углы
Горѣвочку пити.

87.

Та бо въ нашёмъ Яворовѣ корчма коло схилку,
Тамъ пропила моя любка рыженьку кобылку.
«А ты лиши, молодице, горѣвочку пити,
Будешь боса, та безъ канцёвъ, безъ волôкъ ходити.
Не такъ ей студёнь въ песты, якъ студёнь у пальцй,
Она пôшла до сосѣда, выбрехала канцй.
Въ мене така файна любка, що ёй нема пары,
Она нйбы канцй вбула, на вѣки пропали.
А я прійду на весёлье, заспѣваю тутка:
«Вы бы, братя, не вгадали, котра моя любка!»
Та бо въ мене любка файна, на очи блестнява,
Роздивѣться помежи міръ, а цы е ёй пара.
Нема пары ни въ Кордонѣ, ни въ нашёмъ Пôдгôрью,
Она себе продавала на Рôздво въ Недѣлю.
Рôздво свето е велике, бôлше якъ Недѣля,
Она ёе продавала, поганая вѣра.
Зъ любки ми ся не збыткуйте, моя любка озде,
Дамъ у люльку два корені, хто въ данецъ ё озме.
Озмѣть, братя, любку въ данецъ, данцювати годна,
Она свище якъ данцюе, якъ у корчѣ довга.

(Оттуда же.)

88.

Ой пôшовъ легйнь дô церкви
У одну Недѣлю,
Тамъ дали му за прости Бôгъ
Одну козу бѣлу.

Вôнъ тоту козу не доитъ,
Лишь сê кохае,
Ой е въ Рѣчцѣ весêлечко,
Вôнъ ретелно знае.

* * *

Лишь бы мêнѣ тра вызнати,
У котрую днинку,
Пôшовъ бы я погуляти
На малу годинку.

* * *

А легйникъ моледенькій
Пôшовъ, та й танцуе,
Молодая молодиця
Боками болуе.

* * *

Ой узявъ вôнъ танцовати,
Взявъ ся обзирати,
Ой іиду я до домочку
Чось ся перебрати.

* * *

О пôшовъ вôнъ до домочку,
Перебирается
А молода молодичка
Єго надѣеся.

* * *

Ой Бодай тя, молодичко,
Смагонька побила!
Мавъ же бо я одну козу,
Й тоту бѣда взела!

Летѣло ми крôзь струночку
Сиве вôробетко,
Та лишень ми ся зôстало
Кôзле сиротетко.

* *
*

Ой прійшовъ хлопецъ воробецъ,
Тото кôзля вхопивъ
Вôнъ на малу годиночку
До сусѣдки скочивъ.

* *
*

Прійшовъ же вôнъ до сусѣдки,
Та ставъ у порога:
«Дай-ко менѣ, сусѣдочко,
Моя мила, рога!»—

* *
*

«На що жь тобѣ, легинику,
Того рога дати!»—
«Моя мила сусѣдочко,
Сиротя плекати.

(Оттуда же.)

89.

Кобыхъ могли, люде добрі, теперь не грѣшити,
Припадѣмо на колѣнки Бога попросити:
«А Господи милосердный, якъ тя допросити,
Теперь народу богато, мало будемъ жити.»
Цы видите, люде добрі, якѣ нынѣ постало,
Оденъ на другого важитъ, отъ якъ кôтъ на сало.
Цы знаете, люде добрі, поганого духа,
Отъ такъ бы тя радъ изъѣсти, отъ якъ садно муха.
Цы знаете, люде добрі, ту погану вѣру,

Якъ тя не зъѣстъ у Суботу, то зъѣстъ тя въ Недѣлю.
А хоть кажеть, шо я брешу, хоть ся зъ сего смѣйте,
Люде! бѣда не далеко, борзо ся надѣйте!
А ну, люде православнй, просѣмъ щире Бога,
Та й може бы Господь нагнавъ бѣду одъ порога.
«А Господи милосердный, якъ тя допросити:
Людій много, поля трохи, зъ чого будемъ жити?»
Намъ заробки не поможутъ, я дуже не вѣрю,
Не родяся кукурудзы у нашѣмъ Подгорю;
Барабулѣ изогніютъ, нйщо буде брати,
Вже не будемъ у Подгорю якъ цапы скакати.

(Оттуда же.)

90.

Ой у моей головонцѣ щось перевертае,
Самострѣлъ ми любку напавъ, бо ей натягае;
Самострѣлъ ми любку напавъ, лупае очима,
Усе каже, що ей болитъ щось межи плечима.
Але бо я ляжу спати, зачне ми ся снити,
Хиба возму букъ у руки, плечи помастити.
А якъ узявъ букъ у руки, помастивъ хробаку,
Яка жь по тому газдиня, дей ты его кату!
Яка жь ся зъ нее выбрала газдиня по тому,
Уже й другой наказуе: «Дай спокой пустому!»

(Оттуда же.)

91.

(II, 463.)

Ой легиню, легинику, лишь не пій горѣлку,
То дамъ тобѣ штыри волы та й хорошу дѣвку.
Що же есь ся такъ красно упивъ, що впавъ по за грубы.
Такой песь тя, кобы здоровъ, нацмокався въ губы.

Дивѣтеся, люде добрй, що пяниця мае,
А що видитъ, бере зъ хаты, за горѣвку дае
Затягнувся самъ у корчму, та й ставъ говдувати,
А що занёсъ, усе пропивъ, Жидъ вытрутивъ зъ хаты.
Лѣзе въ потôчь до домочку страшный якъ блощиця,
Голый якъ быкъ, дурный якъ цапъ, подрапанй лиця.
Обскубли го якъ гусака, голого пустили,
Ажь го слёзы обливаютъ, отъ тожь то го били!
Що жь то добре, товаришу, горѣвку лишити,
Май мало мешь грѣшити, довголѣтне жити.

(Оттуда же.)

92.

(II, стр. 166.)

Люде давно старосвѣтскй горѣвку не пили,
По сто годôвъ по пятьдесятъ все на свѣтѣ жили.
Эй бо теперь якъ узяли жваво попивати,
Та й по сорокъ по исповна не будутъ тревати.
Дѣдька нема по камêнью, лише коло винницъ,
Своимъ зёльемъ заправляе горѣвку для пяницъ.
А мы лишѣмъ, люде добрй, горѣвочку пити,
Бо будемо въ Бовцатулѣ бѣланй кочати.
Мы будемо въ Бовцатулѣ бѣланй кочати,
А Жиды мутъ изъ Залуча горѣвку возити.
Та бо у насъ на дорзѣ корчма на дорозѣ,
Тамъ не оденъ пропивъ вôвцю та й чотыре козѣ.

93.

Ой ходивъ панъ Ромашканъ студененькимъ ледомъ,
Та наваривъ Путилянамъ горѣвочки зъ медомъ;
А вôнъ тото та й наваривъ за велику плату,
Та наметавъ по терьхови все въ четверту хату;
Та наметавъ по терьхови, щобы тото пити,
Забравъ волы та й коровы, и вôвцй съ ягняти.
Пустилися бѣлй мраки долôвъ облазами,
Забравъ волы та й коровы, пасѣки съ бжолами.

(Оттуда же.)

94.

Заиграли вчера въ скрипки, а сегодне въ зузы:
Сердится мельникъ па щура, що есть ђукурузы.
Та бо прійшовъ мелникъ у млынъ, та щось собѣ робитъ,
А такой щуръ по при него пôдвалиновъ ходитъ.
Мелникъ пôшовъ пôдъ колêсы потискати цѣвы,
А щуры ся прихопили, бесаги поѣли.
То бесаги мелниковй стояли съ пшеницевъ,
Та бо мелникъ розгнѣвався, вбивъ щура тупицевъ.
Они ся съ щуромъ сварили на велику драчу,
Щура добивъ топорищемъ, не ѣжь чужу працю!
Та бо прійшовъ мелникъ домôвъ, росказуе жêнцѣ:
«Я вже того щура убивъ, що бувъ у млынôвцѣ.»
Мелничка ся зъ того смѣе, не жäлуе рота:
«Добре, що есь щура убивъ, ты лѣпшій вôдъ кота.»
А мелничка мелникови кулешу готовитъ:
«Добре, що есь щура убивъ, най шкоду не робить!»
Та бо мелникъ поживився, та й лягъ собѣ спати,
А вôнъ не йде покôйника щура поховати.
Завзявся мелникъ на щуры, на щуровй дѣти,
Щурамъ ни якъ у млыновцѣ въ прутечку сидѣти.
Та бо мелникъ тоты щуры, хлю', не любивъ зъ роду,
Геть-то выбивъ топорищемъ, най не робя шкоду!

(Оттуда же.)

95.

(Т. I, 210.)

Ишло дѣвче на воду
Презъ Попову заграду,
Нашло оно златонецъ,
Почало вицъ свой вѣнецъ;
Пришелъ ку ней младенецъ:
«Дѣвче, дѣвче, дай вѣнецъ?»—
«Якъ ти мамъ дацъ свой вѣнецъ,
Кедъ ты зъ пекла младенецъ?»—

Якъ ей хопилъ, та ей нёсъ
Понадъ горы, по надъ лѣсъ:
«Не несте мя по надъ млынъ,
Бо ми грызе очи дымъ!»
Якъ ей принѣсъ надъ пекло:
«О Боже мôй, якъ тепло!
Мои старши братове,
Отворяйте ми двере!»—
«Што такъ тяжко несете,
Же отворяцъ кажете?»—
«Несу тѣло и душу,—
Рихтарову Ганушу.»
«Што Гануся дѣлала,
Же ся ту такъ достала?»—
«Єдно съ псома скормила,
Друге въ водѣ втопила,
Трете вергла подъ меджу,
Што го люде не виджу.»
Посадили ей за столы,
Та и дали пити смолы;
Єдинъ погаръ выпила,
Ажь густочка зблядиула;
Другій погаръ выпила,
Ажь стѣна сканула;
Третій погаръ выпила,
Ажь на землю спаднула.
«Вынесте мя ѕа двере!
Няй мя вѣторъ пробере!»
Вылетѣли журавьи:
«Откажьте тамъ матери,
Ищё мать дома дѣвки двѣ,
Няй ихъ карать обѣдвѣ,
Няй до церкви посылать,
А до корчмы не пущать;
Бо мене не карала,
До пекла емь ся достала.»

(Изъ Угорской Руси.)

96.

(Т. I, 218.)

Помахала молодица палчиком на мене:
«Приди, приди, мôй миленькій, вечеромъ до мене!» —
Якъ я знаю до тя ити, маєшь чоловѣчка,
Якъ застанеть мене въ тебе, збавить здоровьичка.
Пôшовъ старый бородатый у лѣсъ по калинку:
«Приди, приди, милый хлопче, въ вечеръ на гостинку!»
Ой поглянувъ я въ оконце, а калинка близко:
«Где ся маю исховати, любезна Марисько?» —
«Сховаю тя, милой хлопче, пôдъ бѣлу плахтину,
Сама лягну до постелѣ, ажь я марне гину.»
Пришовъ старый бородатый, та явъ звѣдовати:
«А што тобѣ, Марысенько, хочешь умирати?» —
«Иди, старый бородатый, принеси ми меду,
Тожь я свою головоньку еще разъ подведу!»
Пôшовъ старый бородатый меду куповати,
А молодый паробочокъ выхопився зъ хаты.
Пришовъ старый бородатый, та й руками трепле:
«А хто ту бывъ, Марысенько, еще мѣсто тепле?» —
«Мовчи, старый бородатый, не вчися брехати:
Кедь есь видѣвъ туй да кого, было го имати!»

(Изъ Бережскаго Уѣзда.)

97.

(I, 79.).

Эй, пôшовъ Симуненько у поле орати:
«Не є моей Катарины мêнѣ поганяти.
«Орьте, орьте, штыри волы зо старенькимъ дѣдцомъ,
Не є моей Катарины зъ раненькымъ обѣдцомъ!!»
Пріорався Симуненько ку широкой мечи:
«Не є моей Катарины великы обедчи!»

Якъ вôвчаря не любити?
У вôвчаря вôвцй,
У вôвчаря у ремени
Самй сорокôвцй!»

100.

(Зап. Геогр. Общ. I, 685.)

Якъ вôвчаря не любити,
Кой въ вôвчаря вôвцй,
Черный ремень выбиванный,
Самй сорокôвцй!

* *
*

Мамко моя старенькая,
Што емь учинила!
Полюбила 'мь вôвчарика
За грудочку сыра.

* *
*

Ой я вкушу разокъ сыра,
Сырець солоденькій!
Позираю на вôвчаря, —
Вôвчарь молоденькій!

101.

А де идешь, пане брате?
Ци на косовицю?
На кого ты зоставляешь
Свою молодицю?

«Дозирай ми молодицї,
Дозирай ми жёнкы!
Якъ ся верну зъ косовицї,
Куплю ти горѣвкы.

* * *

Дозирай ми молодицю,
Бы ся не бояла!
Якъ ся верну зъ косовицї
Твоя буде слава.»

102.

Панъ Богъ бы ти дѣвку давъ,
Панъ Богъ бы тя побивъ!
Мѣнѣ мамка волкы дала,
А ты тото пропивъ!

* * *

Мѣнѣ мамка волкы дала
Съ жовтыми рогами,
А ты тото все прогулявъ
Съ чужими жонами.

* * *

Єдной 'сь купивъ чоботятка,
А другôй катранець,
Туды пошли мои волкы,
Чорту на ладанець!

Якъ вôвчаря не любити?
У вôвчаря вôвцѣ,
У вôвчаря у ремени
Самѣ сорокôвцѣ!»

100.

(Зап. Геогр. Общ. I, 685.)

Якъ вôвчаря не любити,
Кой въ вôвчаря вôвцѣ,
Черный ремень выбиванный,
Самѣ сорокôвцѣ!

* * *

Мамко моя старенькая,
Што емь учинила!
Полюбила 'мь вôвчарика
За грудочку сыра.

* * *

Ой я вкушу разокъ сыра,
Сырець солоденькій!
Позираю на вôвчаря, —
Вôвчарь молоденькій!

101.

А де идешь, пане брате?
Ци на косовицю?
На кого ты зоставляешь
Свою молодицю?

«Дозирай ми молодицѣ,
Дозирай ми жêнкы!
Якъ ся верну зъ косовицѣ,
Куплю ти горѣвкы.

* * *

Дозирай ми молодицю,
Бы ся не бояла!
Якъ ся верну зъ косовицѣ
Твоя буде слава.»

102.

Панъ Богъ бы ти дѣвку давъ,
Панъ Богъ бы тя побивъ!
Мêнѣ мамка волкы дала,
А ты тото пропивъ!

* * *

Мêнѣ мамка волкы дала
Съ жовтыми рогами,
А ты тото все прогулявъ
Съ чужими жонами.

* * *

Єднôй 'сь купивъ чоботятка,
А другôй катранець,
Туды пошли мои волкы,
Чорту на ладанець!

103.

Ой заяла файна рыбка
Сивй кайлинята
У зелену полонину,
Тамъ отава мнята.

* * *

Ой заяла файна рыбка
Сивй волкы пасти,
А я за невъ, молодейкый,
Огника накласти.

* * *

Я огника та й наклавъ:
«Пойдь ся, рыбко, грѣти!»—
«Мене, любцю, кровця грѣе,
Бо не рожу дѣти.»

104.

«Прійди, прійди, соколику,
Де нова вболона!
Пôшовъ газда въ олѣйницю,
Не е ёго дома.»

* * *

Олѣйниця та не била,
Бо ся посукала,
Прійшовъ овôнъ до домочку
Звѣдать, де му жона.

Комôрниця неборачка
Знала якъ, казати:
«Пôшла твоя, каже, жона
Коровкы вязати.»

* *
*

Пôшовъ овôнъ до стаенки,
Жêнка кравкы доитъ,
А Иванко молодейкый
Телятойка поитъ.

* *
*

«Ци ты тото, каже, Йване,
Чесный чоловѣче,
Чого моя, каже, жêнка
До стаенкы втêче?

105.

Закукала зозулейка
У гаю, у гаю:
«Прійди, прійди, мôй миленькій,
Бо я умираю!

* *
*

Мене мамка годовала,
Въ папêръ обвивала,
За богача 'ня строила,
А за драба дала.

* *
*

За пана ей обѣцяла,
За жебрака дала,
Штыри волы обѣцала,
Єдно паця дала.»—

«А на чемъ ся, единице,
На чёмъ ся потѣшишь?
Жебракъ умре, паця сдохне,
А ты ся повѣсишь.»

106.

(Зап. Русск. Географ. Общ. 1867, I, 690.)

Лавуть 'ня, біють 'ня,
Черезъ побратима,
Я ся лаву, проклинаву,
Ожь емь ничь не винна.

* *
*

Я ся лаву, проклинаву,
Утратила 'мь душу,
Черезъ тебе, мôй миленькый,
Погинути мушу.

107.

Ой пôду я въ полонинку,
А що ся въ нéй дѣе?
Калинка ся розвивае,
Листокъ зеленѣе.

* *
*

У зеленôй полонинцѣ,
Въ зеленѣ, въ зеленѣ,
Стоитъ стадо бѣлейкое,
Вôвцѣ не доенѣ.

Ой пôду я въ полонинку
Вôвцѝ зимовати;
Ци не будешь, файна рыбко,
За мновъ бановати?

* *
*

Ой пôду я въ полонинку,
Та въ зелену пущу;
Тамъ я себе зарубаю,
Ни кого не пущу.

(Оттуда же.)

108.

Пôшло мое соколятко,
Та вже не вернеся,
Ой бо мое та й серденько
За нимъ роспукнеся!

* *
*

Пôшло мое соколятко
Та долу лугами;
Лишило мня, молодейку,
Межи ворогами!

* *
*

«Ой выйди ты, молодейкый,
Изъ шумôвъ, изъ лугôвъ,
Возьми мене такъ сумную
Изъ межи ворогôвъ!

(Оттуда же.)

109.

Болить моя головиця,
И серденько ные,
Ай бо за тымъ соколикомъ,
Що въ Верецькômъ жіе.

* * *

Єдно мы ся плече мече,
А друге не хоче;
Солодко ме соколятко
Любити не хоче.

* * *

Ой Иванку поздубанку,
А я была пышна,
Де были ми мои очи,
Коли 'мь за тя ишла?

* * *

Чорни очи по обочѣ,
Сиві по долинѣ;
Не е мого миленького
Зъ задъ той верховині!

110.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867. I, 683).

У зеленой полонинѣ
Сова воду пила:
Ци чули 'сьте, добрі люде,
Жона газду била?

Прійшли они передъ панôвъ,
    Обы ихъ судити;
Паны имъ такъ осудили,
    Бы жону впросити.

* *
*

Унеси ты, жоно моя,
    Єдну ицъю пива;
Обы ты ся не гнѣвала
    Що 'сь мене набала!»

111.

Ой играйте, хлопцѝ, играйте,
    Берѣть рукавицѝ,
Стоять жоны якъ коровы,
    Дѣвкы якъ телицѝ.

* *
*

Ой играйте, хлопцѝ, играйте,
    Берѣть въ ручки бучки,
Не дайтеся поимати,
    Бировови въ ручки!

* *
*

Одъ бирова утêкайте,
    Боженяка бійте,
Громадского чоловѣка
    Паленку не пійте!

112.

Гей, хто хоче воды пити,
Схилися въ кирницю!
Кого хоче бѣда найти,
Бери єдиницю!

* * *

Єдиниця неборачка
Не хоче робити,
Гардо ѣсти, гардо пити,
Парадно ходити.

* * *

Ой у саду вербу сажу,
Въ городѣ росаду:
Ой у танку на передѣ,
На роботѣ съ заду.

* * *

Обѣцяла молодиця
Паленки купити,
Лемъ обы ей на роботѣ
Съ заду не лишити.

113.

(Ср. I, 56.)

Прійшовъ любцё до милои:
«Добрый день, добрый день!»—
Она єму вйтповѣла:
«Убій жёнку, убій!»—

«Якъ я маю, молодейкый,
Жêнечку убити,
Кедь жêночка якъ ластôчка
Буде ся просити.»—

* *
*

Не позирай, соколику,
На еи прôсбицю:
Запни косу у лавицю,
Утни головицю!—

* *
*

Знала 'сь мене порадити
Якъ жону убити,
Та знай мене порадити,
Де еи подѣти:»—

* *
*

Позамыкай сѣни, хыжу,
Та наклади огень,
Та понеси въ чисто поле,
Якъ буде бѣлый день!»—

* *
*

«Яли тото, яли тото,
Люде дознавати,
Яли его у желѣзнôмъ
Путѣ выправляти.

114.

(I, 130.)

«Эй, вôвчарю, синетарю,
Покинь вôвцѝ пасти!»—
Не покину, бо погину,
Не вчивъ емь ся красти.

* * *

Эй укравъ эмь два баранки,
А третю ягницю,
А вже менѣ сбудовали
Въ Сиготѣ темницю.

* * *

Эй бо тота ягниченька
Попова, Попова;
Бо вже мêнѣ темниченька
Въ Сиготѣ готова.»—

* * *

«Эй, вôвчарю, синетарю,
Ссучи ми волоки!
Будеме ся любовати
За чотыри роки.

* * *

Эй ссучи ихъ, эй ссучи ихъ,
Лемъ обы тоненьки,
Будеме ся туловати
Хоть êсьме маленькѝ.

Эй ссучи ми, эй ссучи ми,
Обы ся не рвали!
Будеме ся туловати,
Вбы люде не знали.»

115.

Ой лука, лука, лука зелена,
Посла дѣвчина по нѣй елена.

Не бывъ то елень, была то пава:
«Чекай, дѣвчино, рочокъ, либо два!»—

«Я бымъ чекала рочокъ, пôвъ друга,
Ты бы ся вженивъ, ганьба бы была.

Ганьба бы была моему личку,
Же 'мь ся зостала старовъ дѣвочковъ.

Ганьба бы была моей родинѣ,
Же 'мь ся зостала у ледачинѣ.»

Якій то великій тотъ камêнь млынскій,
Якій то тяжкôй той ставъ малженскій.

Тотъ камêнь млынскій можно вбернути,
А ставъ малженскій не можь кинути.

Тотъ камêнь млынскій можно крутити,
А ставъ малженскій не можь лишити.

Ой якъ я умру, лежати буду,
Дамъ собѣ зробити изъ срêбра труну,

Изъ сребра труну, изъ злата вѣнецъ,
Обы люде знали, же я младêнецъ.

116.

(Т. I, 315.)

Ище кури не пѣли,
Люде кажутъ, день бѣлый:
«Выйди, выйди, молода дѣвчино,
Поговори со мною!» —

* *
*

Почекай ты годину,
Почекай ты другую,
Няй я своей старой мамцѣ
Вечеряти зготую!» —

* *
*

«Добрê тобѣ гудити
По свѣтлицѣ ходити,
Бѣда менѣ, молодому,
На морозѣ стояти.

* *
*

На морозѣ стояти,
Коновъ съ медомъ держати,
Метêль мете, очка замêтае,
Коновъ съ медомъ до рукъ примерзае.» —

* *
*

«А хто тебе напросивъ,
Вбы ты менѣ медъ носивъ?
Є у мене медокъ солодейкій,
Є у мене иншій молодейкій.» —

* *
*

«Поглянь, Боже, съ той высокости,
Пожаль, Боже, моей молодости;
Роспусть, Боже, тоту синю хмару,
Розлучь, Боже, фальшивую пару!»

117.

Ужь журавли отлетѣли:
Де ся мои лѣта дѣли!
Лѣта мои молоденьки,
Минулися помаленьку!
Плачутъ мои чорны очи,
Якъ и во дни, такъ и въ ночи,
Плачутъ они не маленько,
Бо имъ жити барзъ тяженько.
О Боже мôй милостивый,
Якъ я дуже несчасливый!
Волѣвъ емь ся не родити,
По сей землѣ не бродити!
Прикрый мене, земле черна,
Бо ты мене ужь не годна
На семъ свѣтѣ потѣшити
И животъ мôй обновити!

118.

(Т. I, 225.)

Ой на горѣ сѣнета:
Пасе дѣвча ягнята,
Копле дѣвка корêнья
Съ пôдъ бѣлого камêнья.
Ище корêнь не скыпѣвъ,
А вже любцё пришпытѣвъ,
Та сѣвъ собѣ на грушу,
На май вышню голузу;
Голуза ся схылила,
Милейка ся вклонила.

(Записала въ Мукачевськомъ Уѣздѣ.)

119.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 687.)

Ой на горѣ синета:
Пасло дѣвча ягнята,
Накопало корêнья
Съ пôдъ бѣлого камêнья.
Ище корêнь не скыпѣвъ,
Уже милый пригримѣвъ:
«Ой што тебе принесло,
Ци кочія, ци весло?» —
«Принюсъ мене сивый кунь,
Бо я теперь, душко, твуй.»

120.

«Качмаръ, качмаръ, бѣлый качмаръ!
Эй, де ты то житко посьявъ?» —
«Эй, посьявъ я го по пôдъ слйвкы,
Эй, выжалй го шувны дѣвкы.
Посьявъ я го по пôдъ мосты,
Эй, выжалй го двѣ невесты.
Эй, якъ в'ны го дожйналй,
Эй, шувнѣ собѣ заспѣвалй:
«Жито, жито, озимина!
Эй не буду я материна;
Эй лемъ буду Янйчкова,
Бо Яничокъ душа моя.»
Горе, доловъ, Кошицамй,
Эй, иде Янчй малёваный,
Эй, иде, иде, писка себе,
Эй, Капраль за нимъ конѝ веде:
«Цытъ ты, Янчй, не смутйся,
Подь до карчмы, напіймеся!
Галву вйна, жидель пйва,
Заплáтитъ то вшйтко мйла.»

Чорна гора родитъ поперъ,
Эй, повѣжь, дѣвча, чія 'сь теперь?» —
«Эй, я теперь сама своя,
Придь на вечаръ, буду твоя!»
Бѣла гора паперёва,
Шувна Ганча Рйхтарова,
Шувна, шувна, бо есть бѣла,
Бо ся за нёвъ Янчйкъ сбйра.
«А ты, Янчйкъ, зъ тамтой страны,
Подь подвигнуть зайду травы!» —
«Якъ я пойду зайду двигацъ,
Будешь ты мацъ цо повивацъ!» —
«Не боюся повиваня,
Лемъ ся бою колысаня;
Бо я въ ночи твердо заснимъ,
А за дзецко не помышлимъ.»

121.

Сидитъ врабель на косцеле, яко младенецъ,
Прилетѣла къ нему врана, дала му венецъ.
«А ты врано, чорна врано, чорны ноги машь.» —
А ты, врабель, тлустый врабель, ночь на карты грашь?» —
«Хоцъ бымъ преградъ двадцетъ, тридцетъ, такъ тй то мало,
Твоя глава нечасана шитцемъ недзелю.» —
«Якъ я пойдземъ до вароша, купимъ си гребенъ,
Будземъ я ю почесовацъ кажды Божій денъ.»

122.

(Т. I, 54.)

Съ тамтой страны яблонй
Пріѣхалъ Яшо на конѣ,
А Кася на нь волала,
На ручкахъ дѣтя трймала:

«Касю, Касю, Касенько,
Вруцъ до воды дѣтинку!»
Якъ она вруцила,
За главу ся вхопила.
Стоялъ млынарь при водзе,
Злапалъ дѣтятко на водзе:
«Дайте дзвонаромъ, дайте знацъ,
Хтора паненка его мацъ!
Дайте дзвонаромъ посполу,
Вшиткы дзевечкы до столу!» —
Кожда дѣвочка у вѣнкахъ,
Вôтова Кася въ гайданкахъ.
Взяли Касю за ручку,
Та ей вывели на лучку:
«Не вѣшайте мя на дубѣ,
Бо мя розъедза голуби:
Лемъ ме завесце надъ водовь,
Тамъ ме гавраны не найду;
Тамъ буде милый воду брацъ,
Та онъ ме буде жаловацъ.

(Записана тамъ же въ той же мѣстности.)

123.

Пониже млина густа вербина.
Треба бы ей вырубацъ:
Сподобало ми ся у сусѣды дѣвча,
Але ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

Ужъ емь стратилъ волы,
Што орали двойми,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

Ужь емь стратилъ кони,
Што бранили полё,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

Ужь емь стратилъ талйгъ,
Добре 'мь не ошалѣвъ,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

Ужь емь стратилъ вшитко,
И румяне личко,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

А што ся выстало,
Дѣвча ся преспало,
Теразъ ми ю даваютъ.

* * *

А я имъ го не хцемъ,
Обрацимся, где хцемъ,
Няй собѣ го тримаютъ!

124.

А на горе липка зеленый вершокъ ма,
А подъ нёвъ Ганйчка зъ Янйчкомъ карты гра;
Якъ они ся гралй, якъ они ся гралй,
Зъ великого граня далй ся до спаня.
Прилетѣвъ сивый птахъ, сяднувъ на ей личко,
Такъ краснѣ заспѣвавъ: «Встань горе, Ганйчко!
Встань горе, встань горе, ужь есь ся выспала,
Твой зеленый вѣнокъ быстра вода взяла!» —
«Кедъ она го взяла, няй она го несе,
Загатитъ съ нимъ воду при дунаю въ лесе!»

125.

Сьяло просо, але босо, не далеко фары,
Пришелъ ґу ней оргониста и самъ Плебанъ старый:
«А ты дѣвча, дѣвчаточко, подь ты до 'ня служицъ,
Не будешь ты тяжко робицъ, лемъ кочйша любицъ.» —
«Эй, мала бы я любовацъ кочйша вашего,
Волѣла бы я любовацъ Плебана самего.» —
«А ты дѣвча, дѣвчаточко, не лакомься на 'ня,
Тать я духовна особа, не пойдешь ты за 'ня.»

126.

Тотъ паробокъ Моравчанъ
Не мать жены, лемъ есть самъ.
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вôнъ мать съ собою
Досгь траплѣнья?

* * *

Женѣ треба корыто,
И решето, и сито.
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вôнъ мать съ собою
Досгь траплѣнья?

* * *

Женѣ треба чоботкы,
На ей бѣлы ноженькы.
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вôнъ мать съ собою
Досгь траплѣнья?

Женѣ треба хустечку,
На ей бѣлу щічку.
На чьто му єсть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вôнъ мать съ собою
Дость траплѣнья?

127.

Лѣтать голубь по улици гуркаючи, гуркаючи,
Свою милу, премилену, гледаючи, гледаючи. 2
Полетѣла голубйця по краинѣ, по краинѣ,
Потратила сиве пêрья по долинѣ, по долинѣ. 2
«Помозъ, Боже, сиве пêрья позбирати, позбирати,
Якъ то буде зъ моёвъ миловъ привыкати! 2.
«Ахъ цй ты спишь, цй ты не спишь, 2
Чомъ со мною, молодою, не говоришь?» — 2
«Якъ же я мавъ съ тобою говорити, 2
Лежитъ корбачь при ручочцѣ, буде бити? 2
Отшмарь корбачь, мила моя, за сусѣчокъ, 2
Сама выйди голубкою на облачокъ!» 2

128.

Кошулѐ тоненька!
Шила тя миленька,
Подъ бучкомъ, подъ грабомъ,
Зеленымъ гадвабомъ.

* * *

Уже бучка стяли,
Спаднулъ до поточка,
Ужь ми ся справила
До милой лавочка.

Зъ Кошицкой касарни
Хлопцы позираютъ,
Цы ся по подъ горы
Бучкы розвиваютъ.

* *
*

Шё ся не розвила,
Лемъ една липочка,
Што ей посадила
Моя фраирочка.

* *
*

На Кошицкой церкви
Червена туренка,
Покопали коні
Бѣлого Иванка.

* *
*

Якъ го покопали,
Дуже форый лежитъ,
Єго премилена
За докторомъ бѣжитъ.

129.

Не буду ся женити той осени,
Буду ся женити въ Таліянской землѣ;
Возму собѣ отъ Француза жену,
Буду служить десять годовъ за ню.

* *
*

Не буду ся женити той осени,
Бо я ся оженю въ Таліянской землѣ;
Стану служить до Галибардого,
Возму собѣ Фрайцимѣрку єго.

130.

Эй, шкода, Боже, Шари̂ша, Шари̂ша,
Же го подмыла Тори̂са, Тори̂са!
Эй, шкода, Боже, фарара, фарара,
Же себе не триматъ кухара, кухара!
Але себе триматъ кухарку, кухарку,
Шиткымъ Плебанôмъ фраирку, фраирку!

131.

Газда же я, газда,
Ужь емь догаздовалъ,
Шено сомъ попредалъ,
Конёмъ сламу давамъ!

* *
*

Пришло на Велькы Постъ,
Вытягъ коня за хвостъ,
Корову за роги,
Стару мацъ за ноги.

132.

Не пуйдемъ за варгу,
Заваруй 'ня, Боже!
Пуйдемъ за млынаря,
Допомозъ мй, Боже!

* *
*

Бо варга завола
Зъ тей высокей гуры:
«Намочь тамъ, дѣвчатко,
До Дуная шкуры!

А млынарь завола
Зъ тей новей млыници:
«Насыпь тамъ, дѣвчатко,
До грота пшеници!»—

* * *

«За яречкомъ конѝ:
Хто мѝ пуйде по нѝ?
Пуйде по нѝ мила,
Зъ чарныма очима!»—

* * *

«Чарны я очка мамъ,
Бѣлы я лички мамъ,
Фалечный то шугай,
Цо му ихъ бочкацъ дамъ?»

133.

Орала баба заграду,
Пришелъ панъ на пораду:
«Бабо, бабо, дай рады тамъ,
Якъ я тоту панну здрадзицъ мамъ?» —

* * *

«Облечь ты шаты панянскы,
А черевики камужелскы,
Прохажай ты ся по рынечку,
Ажь до самого вечеречку!»—

* * *

«Коваль, коваль, ковалёчку,
Преночуй мя тоту ночку!»—
«Якъ я тя мамъ преночовацъ,
Ты подорожня, я тя не знамъ!»—

«А я пани зъ Воршавы,
Йду на ярмаркъ до Прагы.»
«А ты, дѣвко, идь ложе слацъ,
Бо ты пôдешь съ панёвъ спацъ.»

* *
*

«Анно, Анно, Аничко,
Не бачитъ ми ся паничка.»—
«Де бы ти ся бачила,
Кедь ты ей нигдй не видѣла?»—

* *
*

Не выстало пôвночи,
Кричитъ дѣвка одночи:
«Тихо, дѣвко, не кричи,
Бо твôй панъ отецъ въ свѣтлици!»—

* *
*

Рано, рано, раненько,
Коли сходитъ слоненько,
Ходитъ дѣвка по луце,
Носитъ дѣтя на руце:

* *
*

«Люляй, люляй, сыну мой,
Велькы зводитель отецъ твой.

(Конца недостаетъ.)

134.

До костела пôшовъ,
Тамъ миленку найшовъ,
Боршаномъ прикрыта,
Свѣчками обита.

До кишени штергнувъ,
Острый ножъ вытягнувъ,
До шерца ударивъ:
«Терпи, шерце, терпи!..

* *
*

Воли шерцо терпицъ строму ножови,
Мало оно терпицъ вулькему жалёви.
Єдно поховали повыше костела,
Друге поховали пониже костела.

* *
*

На еднôмъ выросла ружа и шалвія,
На другôмъ выросла дробна розмарія;
А тоты квѣтки въ едно ся зростали,
Жебы люде знали, же ся любовали.

(Всѣ отъ 125 запис. Дьякомъ Вас. Сухимъ въ Краснобродѣ. Шарыскаго Уѣзда.)

135.

Въ жалобине при млыне,
Лежитъ Янчи въ вербине,
Лежитъ Янчи забитый,
А зъ вербину прикрытый.
«Ганчо, Ганчо! Ратуй ме!
Гледай желье коле мне.»—
«Якъ я це ратовацъ мамъ,
Шакъ я ту желье не мамъ.»—
«Подь, Ганїчко, изъ гаю,
Ужь Янїчка ховаю.
Хто же за нимъ нарѣкатъ?
Отецъ, мати, фраирка;
Отецъ, мати сердечне,
А фраирка фалечне.
Утлачена долина
До Шандала, до млына;

Утлачили дворацы,
Ку Ганічци ходячи;
Утлачилъ ей младый панъ,
Ку Ганічци ходилъ самъ.

(Изъ Шаришскаго Уѣзда, записана въ селѣ Чабѣ.)

136.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. I, 1867, I, 678.)

«Смотри, дѣвко, смотри,
На суху тополю,
Коли ся розовье,
Тогда й тя возьму.»—

* * *

«Бо я вже смотрѣла
И вчора и днеська,
Щé ся не розвила
Жадна голубочка.» —

* * *

«Цы ты, дѣвко, дурна,
Цы ты ушалена?
Суха бо тополя
Не буде зелена!

* * *

Смотри, дѣвко, смотри,
За кого машь ити,
Обысь не плакала,
Якъ тя буде бити!»

137.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 672.)

Изъ Середы на Четверь,
Памятую якъ теперь,
Же молды Козаки
Вовели мя въ бодаки.

* * *

«Вы, молоды Козаки,
Я васъ не боюся,
Не ведѣть мя въ бодаки,
Бо тамъ поколюся!

* * *

Ведѣть мене въ лободу,
Лобода холодна,
Постелѣть мнѣ жупану,
Бо я того годна!»

138.

(II, стр. 567.)

На бережоньку стояла, стояла,
Бѣлыи ноженьки мыяла, мыяла, мыяла:
«Эй, мои ноженьки бѣлои, бѣлои,
Кому жь вы будете милои, милои?
Эй, коли старому, хрань Боже, хрань Боже!
Коли молодому, дай Боже, дай Боже!»
А на горѣ зѣлья ядловецъ, ядловецъ:
Лѣпшій есть младенецъ, якъ вдовецъ, якъ вдовецъ;
Бо вдовецъ буде вымавлявъ, вымавлявъ,
Же першу жену крайшу мавъ, крайшу мавъ;
А дѣти будутъ плакати, плакати,

Бодай о мичосѣ не знати, не знати!
А у нашой заградойки бѣлый квѣтъ, бѣлый квѣтъ:
«Вандруй, вандруй, дѣвчинонько, зъ нами въ свѣтъ!
Але коли мы выйдеме на гору, на гору,
Тамъ я тобѣ вшитку правду зговорю, зговорю.»

139.

Руской была 'мь и буду, Руска моя мати,
За Руского молодца хочетъ мя отдати.
Чужей матери сыновъ я не потупляю,
Но къ Руской моей крови большу любовь чую;
Всегда, вездѣ, по Руски я буду спѣвати,
А всѣхъ Рускихъ молодцовъ буду чаровати.
Очарую каждого Рускима словами,
А всѣхъ серца наполню Рускими чувствами.
Всѣхъ Руской мамы сыновъ серца очарую,
Дабы ся любили, якъ я ихъ любую.
Пока духъ во мнѣ живетъ, буду ворожити,
Должны Руски молодцы Русчизну любити.
Старый Бескидъ, нашъ дѣдо, онъ мнѣ поворожитъ,
Онъ чародѣйный огень до серца положитъ;
Будутъ серца любящи любовью горѣти,
При томъ огнѣ небесномъ мы будемъ ся грѣти.
При томъ сердечномъ огнѣ пѣснь будеме пѣти,
Всѣ въ соединеньи другъ друга любити.
Русска мене родила мати моя мила,
Отъ мамы розлучитъ тробъ и могила.

140.

Повѣдаютъ люде,
Же діета буде,
Я на выволанку
Заспѣвамъ спѣванку.

Найяснѣйшій Краль нашъ
Рачилъ дозволйтй,
Жебы всѣ народы
Зышлйся радйтй.

* *
*

Угерска краина,
Мила наша матй,
Съ народамй буде
Пораду трймати.

* *
*

Матй хоче съ дѣтмй
Мудро погварйтй,
На діету клйче
Свои милы дѣтй.

* *
*

Въ Пештѣ при Дунаю
Буде славна рада,
Тамъ ся зыйде честна
Краинска громада.

* *
*

Тамъ впиткы народы
Будутъ раду матй,
Намъ конечно треба
Русску посылатй.

* *
*

Кебы на діетѣ
Безъ насъ ся радилй,
О Русскомъ народѣ
Може бы забыли.

Мы вшиткы до Пешту
Не можеме ити,
Намъ Русскыхъ заступцовъ
Треба выволитй.

141.

Пробудилися народы,
О житью думаютъ,
Духа народной слебоды
Сердечно витаютъ.

* *
*

Кипитъ, бульчитъ кровь народна
Въ нашемъ Русскомъ родѣ,
Кожда душа благородна
Тѣшится слебодѣ.

* *
*

Пробудився сынъ Бескидовъ,
Зачавъ розмышляти,
Надъ гробами своихъ дѣдовъ
Горенько вздыхати.

* *
*

Невидима Божа сила
Его посилняе,
Въ его душѣ Божу искру
Господь розъяряе.

* *
*

Житья намъ далъ Богъ створитель,
Неба, земли, творецъ,
Хранитъ насъ Богъ Вседержитель,
Нашъ небесный Отецъ.

До кишени штергнувъ,
Острый ножь вытягнувъ,
До шерца ударивъ:
«Терпи, шерце, терпи!..

* * *

Воли шерцо терпицъ строму ножови,
Мало оно терпицъ вулькему жалёви.
Єдно поховали повыше костела,
Друге поховали пониже костела.

* * *

На еднôмъ выросла ружа и шалвія,
На другôмъ выросла дробна розмарія;
А тоты квѣтки въ едно ся зростали,
Жебы люде знали, же ся любовали.

(Всѣ отъ 125 запис. Дьякомъ Вас. Сухимъ въ Краснобродѣ Шарыскаго Уѣзда.)

135.

Въ жалобине при млыне,
Лежитъ Янчи въ вербине,
Лежитъ Янчи забитый,
А зъ вербину прикрытый.
«Ганчо, Ганчо! Ратуй ме!
Гледай желье коле мне.»—
«Якъ я це ратовацъ мамъ,
Шакъ я ту желье не мамъ.»—
«Подь, Гани̂чко, изъ гаю,
Ужь Яни̂чка ховаю.
Хто же за нимъ нарѣкатъ?
Отецъ, мати, фраирка;
Отецъ, мати сердечне,
А фраирка фалечне.
Утлачена долина
До Шандала, до млына;

Утлачили двораци,
Ку Ганічци ходячи;
Утлачилъ ей младый панъ,
Ку Ганічци ходилъ самъ.

(Изъ Шаришскаго Уѣзда, записана въ селѣ Чабѣ.)

136.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. I, 1867, I, 678.)

«Смотри, дѣвко, смотри,
На суху тополю,
Коли ся розовье,
Тогда я тя возьму.»—

* * *

«Бо я вже смотрѣла
И вчора и днеська,
Щё ся не розвила
Жадна голузочка.» —

* * *

«Цы ты, дѣвко, дурна,
Цы ты ушалена?
Суха бо тополя
Не буде зелена!

* * *

Смотри, дѣвко, смотри,
За кого машь ити,
Обысь не плакала,
Якъ тя буде бити!»

137.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 672.)

Изъ Середы на Четверь,
Памятую якъ теперь,
Же молды Козаки
Вовели мя въ бодаки.

* * *

«Вы, молоды Козаки,
Я васъ не боюся,
Не ведѣть мя въ бодаки,
Бо тамъ поколюся!

* * *

Ведѣть мене въ лободу,
Лобода холодна,
Постелѣть мнѣ жупану,
Бо я того годна!»

138.

(II, стр. 567.)

На бережоньку стояла, стояла,
Бѣлыи ноженьки мыяла, мыяла, мыяла:
«Эй, мои ноженькы бѣлои, бѣлои,
Кому жь вы будете милои, милои?
Эй, коли старому, храни Боже, храни Боже!
Коли молодому, дай Боже, дай Боже!»
А на горѣ зѣлья ядловецъ, ядловецъ:
Лѣпшій есть младенецъ, якъ вдовецъ, якъ вдовецъ;
Бо вдовецъ буде вымавлявъ, вымавлявъ,
Же першу жену крайшу мавъ, крайшу мавъ;
А дѣти будутъ плакати, плакати,

Бодай о мичосѣ не знати, не знати!
А у нашой заградойки бѣлый квѣтъ, бѣлый квѣтъ:
«Вандруй, вандруй, дѣвчинонько, зъ нами въ свѣтъ!
Але коли мы выйдеме на гору, на гору,
Тамъ я тобѣ вшитку правду зговорю, зговорю.»

139.

Руской была 'мь и буду, Руска моя мати,
За Руского молодца хочетъ мя отдати.
Чужей матери сыновъ я не потупляю,
Но къ Руской моей крови большу любовь чую;
Всегда, вездѣ, по Руски я буду спѣвати,
А всѣхъ Рускихъ молодцовъ буду чаровати.
Очарую каждого Рускима словами,
А всѣхъ серца наполню Рускими чувствами.
Всѣхъ Руской мамы сыновъ серца очарую,
Дабы ся любили, якъ я ихъ любую.
Пока духъ во мнѣ живетъ, буду ворожити,
Должны Руски молодцы Русчизну любити.
Старый Бескидъ, нашъ дѣдо, онъ мнѣ поворожитъ,
Онъ чародѣйный огень до серца положитъ;
Будутъ серца любящи любовью горѣти,
При томъ огнѣ небесномъ мы будемъ ся грѣти.
При томъ сердечномъ огнѣ пѣснь будеме пѣти,
Всѣ въ соединеньи другъ друга любити.
Русска мене родила мати моя мила,
Отъ мамы розлучитъ гробъ и могила.

140.

Повѣдають люде,
Же дієта буде,
Я на выволанку
Заспѣвамъ спѣванку.

Найяснѣйшій Краль нашъ
Рачилъ дозволйтй,
Жебы всѣ народы
Зышлйся радйтй.

* * *

Угерска краина,
Мила наша матй,
Съ народамй буде
Пораду трйматй.

* * *

Матй хоче съ дѣтмй
Мудро погварйтй,
На діету клйче
Свои милы дѣтй.

* * *

Въ Пештѣ при Дунаю
Буде славна рада,
Тамъ ся зыйде честна
Краинска громада.

* * *

Тамъ вшиткы народы
Будутъ раду матй,
Намъ конечно треба
Русску посылатй.

* * *

Кебы на діетѣ
Безъ насъ ся радилй,
О Русскомъ народѣ
Може бы забылй.

Мы вшиткы до Пешту
Не можеме ити,
Намъ Русскыхъ заступцовъ
Треба выволитй.

141.

Пробудилися народы,
О житью думають,
Духа народной слебоды
Сердечно витають.

* *
*

Кипитъ, бульчитъ кровь народна
Въ нашêмъ Русскомъ родѣ,
Кожда душа благородна
Тѣшится слебодѣ.

* *
*

Пробудився сынъ Бескидôвъ,
Зачавъ розмышляти,
Надъ гробами своихъ дѣдôвъ
Горенько вздыхати.

* *
*

Невидима Божа сила
Его посилняе,
Въ его душѣ Божу искру
Господь розъяряе.

* *
*

Житья намъ далъ Богъ створитель,
Неба, земли, творецъ,
Хранитъ насъ Богъ Вседержитель,
Нашъ небесный Отецъ.

Подастъ помочь, крѣпость, силу,
Русскому народу,
Допоможе выдобити
Народну слебоду.

142.

Добрянскій радъ видить
Худобну черняву,
Подьме, братья, люде,
Подъ его заставу.

* *
*

Тримаймеся, люде,
Розуму нашого,
А выберме собѣ
Пана Добрянского.

* *
*

Добрянскій добрый панъ,
Допоможь му, Боже,
Бѣдный людъ боронить
Якъ найлѣпше може.

* *
*

Не отрцаймеся
Охранцы нашого,
Тримаймеся вшиткы
Пана Добрянского.

* *
*

Допоможь намъ, Боже,
Поможь, Духу Святый,
Пана Добрянского
Въ Зборовѣ выбрати!

143.

Вера, Боже, не плебана
Але барзъ доброго Пана,
Добрянского выбереме
А на діету пошлеме.

* *
*

Добрянскій бѣдный людъ хранйтъ,
Подлый чловѣкъ, хто го ганйтъ,
Плеткй слухацъ не будеме,
Добрянского выбереме.

* *
*

Выбереме Добрянского
За аблегата нашого,
Бо онъ мудрый, справедлйвый,
Добрѣ сталъ и одважлйвый.

* *
*

Выбере го Маковйца,
Наша цѣла околйца
Жада себе Добрянского,
Нягай Панъ Богъ жйвй его!

* *
*

Найяснѣйшій Краль нашъ
Дозволйцъ рачйлй,
Жебы ся народы
Разомъ порадйлй.

* *
*

Угерска краина,
Матка наша мйла,
Же буде діета,
Ужь намъ ознаймйла.

Мы до Пешту
Пойти не можеме,
Але мѣсто себе
Заступцохъ пошлеме.

* * *

О такомъ чловѣку
Треба роздумовацъ,
Штобы хтѣвъ а моголъ
Бѣдныхъ заступовацъ.

* * *

Заступникохъ воля
Словенскы сынове,
Кого выволйме
У нашемъ Сиксове?

* * *

Мы разъ выволили,
Пана Годожого,
Вѣрного охранцу
Народа бѣдного.

* * *

Няй жіе Годожій,
Панъ нашъ справедливый!
Заступцу нашого
Нягай Панъ Богъ живи!

Лирникъ и крестьяне Тернопольскаго уѣзда с. Скалата въ восточной Галичинѣ.

ДУМЫ.

е) нравственно-поучительныя и религіозныя.

1.

Лазарь.

(Ср. II, 737.)

Єдинъ человѣкъ богатый бувавъ,
Который роскошне ѣдавъ та й пивавъ,
Въ дорогихъ шатахъ по дворъ ходжувавъ,
Про милости пана Бога николи не знавъ,
На святые церквы ничого не накладавъ,
Службы божественны, акафисты, парастасы, николи не наймавъ.
А отцêвъ духовныхъ въ домъ свой николи не пріймавъ,
Нищихъ, убогихъ, николи не обдѣлявъ,
А брата Лазаря за брата не мавъ.
Ой лежавъ святый Лазарь въ смердящôмъ гною,
Передъ богачевыми воротьми его,
А выйшовъ сильный богачь передъ свои ворота,
За нимъ слугъ красна, препышна рота.
Скоро бо святый Лазарь богача узрѣвъ,
Та й заразъ до него гласомъ возопѣвъ,
Эй гласомъ заволавъ, братомъ называвъ:
«Брате мой, брате, сильный богачу!
Дай же менѣ хлѣба, соли, третои воды,
Ой третои воды для охолоды,
Заплатитъ ти Господь зъ неба, зъ высокости.»—
«Ой не треба менѣ зъ неба заплаты,
Маю я стожки та оборожки,
Червоны золоти, дробныи пѣнёжки:

Де ся менѣ трафитъ смерть, то откуплюся,
А не откуплюся, то одобьюся,
До царства небеснаго самъ доберуся,
Господеви найвысшому не помолюся,
А всѣмъ святымъ его не покорюся.
Ты бо лежишь въ смердячêмъ гною,
Ты бо то смердишь, якъ гнилый песъ,
Ще ся моимъ братомъ называешь;
Ой не е ты мой братъ, тôлько песôвъ братъ!»
А плюнувъ сильный богачь, и самъ пошôвъ պречъ,
И казавъ за собою ворота замкнути,
И гнилымъ колодьемъ позакидати.
Препышна челядь тое вчинила,
Передъ святымъ Лазаремъ врата замкнула,
И гнилымъ колодьемъ позакидовала,
А бы Лазарева гласу у дворъ не чути.
А не було у богача побожнои души,
Жебы ся надъ Лазаремъ була змиловала,
Жебы хлѣба и соли у гной подала;
Тôлько було у богача три лютыи псы,
Которы завжды по пôдъ стôлъ ходили,
Що дрôбны крôшки зазбировали,
Же богачеви зъ устôвъ спадали,
Тое жь бо тыи псы зазбировали,
И святому Лазареви у гной носили,
Тимъ же его душу и тѣло живили,
Крôвавы раны зализовали,
Що въ смердячêмъ гною попрогнивали,
Полегкости его душѣ и тѣлу давали.
Ставъ же ся сильный богачь довѣдовати,
Казавъ всѣ собаки պречь вывѣшати;
Препышна челядь тое вчинила,
Взяла собаки, та й вывѣшала.
Ставъ ся святый Лазарь до Господа Бога молити,
Молитвы святые вѣрне творити:
«А выслухай, Господи Боже, молитвымеи,
Пріими мою душу и тѣло до хвалы своеи!»
А выслухавъ Господь Богъ молитвы его,

Зôславъ два Ангелы по душу єго:
Злетѣли два Ангелы барзо зтихенька,
А взяли Лазаря барзо злегенька,
Понесли его высоко въ гору,
Посадили Лазаря въ пресвѣтломъраю,
Въ святого Аврама на правôмъ лонѣ,
А Господь Богъ на правôмъ, въ моцы та хвалѣ.
За малу хвильку, часъ погодивши,
Взялася богача сильная тревога:
Одинъ повѣдае, же то тревога:
Богачъ повѣдае: «Всё то отъ Бога!»
Ставъ же сильный богачъ Бога молити,
Молитвы святые вѣрне творити:
«А выслухай, Господи, молитву мою—
Прійми мою душу и тѣло, де Лазареву!»
А выслухавъ Господь молитвы его,
Зôславъ два пекельныхъ по душу его:
Ще бо пекельны двора не дôйшли,
А вже злото, срêбро прахомъ рознесли,
Пышную челядь порозганяли,
Сильного богача въ руки дôстали,
А вырвали зъ него душу желѣзнымъ гакомъ,
Желѣзнымъ гакомъ, а лѣвымъ бокомъ,
Пôднесли богача строго высоко,
А вкинули его въ пекло барзо глыбоко:
«Плавай, плавай, богачу! Маешь широко,
Поглядай на небо, якъ Богъ высоко!
Тамъ бо зобачишь святого Авраама,
А пôсля Авраама брата Лазаря.
Теперь, богачу, хочь откупляйся,
А не откупишься, то одбивайся,
До царства небесного самъ добирайся,
Господу Богу найвысшему не помолися,
А всѣмъ святымъ его не покорися!»—
«Жебы менѣ Богъ зволилъ на тамъ той свѣтъ,
А знавъ бы я вже, якъ пророкувати,
Де свое серебро и злото лѣвати,
На церквы святыи вже бы 'мъ накладавъ,

Службы божественны, акафисты, парастасы завжды бы 'мь наймавъ,
А отцêвъ духовныхъ у свой домъ пріймавъ,
Нищихъ, убогихъ, завжды надѣлявъ,
Брата Лазаря за брата бы 'мь мавъ.
Ой се бо тамъ пророчества—Святое Письмо,
Оже то Письмо завжды бы 'мь читавъ,
И своихъ ученикôвъ та й научавъ,
Жебы ученики тое же памятали,
Бога навыйсшого за Бога мали!»
Скоро сильный богачь съ братомъ ся уздрѣвъ,
Та й заразъ до него гласомъ завопѣвъ,
Эй, гласомъ заволавъ, братомъ го назвавъ:
«Брате мой, брате мой, святый Лазарю,
Чи не мôгъ бы ты менѣ то вчинити,
Же я тебе буду вѣрне просити:
Свой мêзельный палець въ море вмочити,
Мои смажущи уста та захолодити,
Той пекельный вогонь пригасити,
Мой спаленый языкъ закропити.»—
«Не моя то, брате, воля, но самого Бога,
Проси собѣ, брате, самого Господа Бога:
Жебы я, мой брате, всё море спуститъ,
Я бы пекельного огня не вгасивъ.»
А до него Авраамъ такъ пророкуе,
Зъ Письма Святого такъ отказуе:
«Пріймай, Лазаре, що тобѣ Богъ давъ;
А ты уживай, богачу, що 'сь си вготовавъ,
Ото тобѣ, богачу, за горды слова,
Же 'сь говоривъ тй слова насупротивъ Бога.»—
«Єдна насъ, брате, мати родила,
А пôдъ однымъ, брате, серцемъ носила,
И едну надъ нами кровь проливала,
Тôлько не едну намъ, брате, Богъ долю судивъ:
Тобѣ, брате, Богъ судивъ нище убожство,
Менѣ, брате, Богъ судивъ сильне богатство;
Ты, за твое убожество, въ преславномъ раю,
Я, за свое богатство, въ пекельномъ огню.

Лѣпше твое, брате, нендзне убожство.
Нёжь мое, пане брате, сильне богатство.
Аминь, аминь, аминь! Такъ намъ, Боже, дай,
А всѣмъ Христіянамъ пресвѣтлый рай,
А де всѣ святыи въ небѣ царствуютъ,
Преставленнымъ душамъ царство готуютъ.

(Золоч. У. въ с. Ратищахъ отъ слѣпца лирника Ѳомы Зеленюка изъ Лукавца.)

2.

О томъ же.

Ой единъ чоловѣкъ богатый бывавъ,
Который роскошь ѣдавъ, испивавъ,
Въ дорогомъ одѣяніи вôнъ рядно ходивъ,
Намилость у Бога ни чимъ не годивъ;
Вôнъ на святыи церквы не накладавъ,
Души своей царствія не готовавъ,
Брата своего Лазаря за брата не мавъ,
Да его при бѣдности вѣчной высылавъ,
А высылаючи лютымъ псомъ цковавъ.
Ой бувъ собѣ Лазарь нищій, убогій,
Нищій, убогій, хворый, недужій,
Лежавъ въ гноѣ предъ богачевыми вороты:
Выйшовъ богатый самъ за ворота,
За ни выбѣгла челядь сердопышна, горда;
Якъ скоро богатый съ Лазаремъ зрôвнявся,
Лазарь до него гласомъ отозвався:
«Гой же, мôй брате, сильный богачу!
Подай менѣ, брате, хлѣба та соли!
Господь тебѣ зъ неба, самъ онъ, наградитъ!»
Богачъ на тое ни мало не дбавъ,
Гордое слово брату отказавъ:
«Коли жь бо ты, Лазарю, въ гноѣ лежишь,
Коли жь бо ты, Лазарю, воняешь, смердишь,
Воняешь, смердишь, якъ той лютый песъ,

А еще ся моимъ братомъ рôднымъ зовешь.
Не называйся, Лазаре, ты братомъ моимъ,
Имѣю я братій, якъ единъ самъ:
Имѣю я стôжки, подворожки,
Червоныи золотыи, сребряны дорожки,
То я не боюся ни чимъ ни чого,
Коли менѣ що случится, я самъ отплачусь,
Отъ наглой смерти я самъ откуплюсь,
До царствія небесного приближуся,
А' не приближуся, то прикуплюся,
А я Бога небесного во вѣкъ не боюся!»
Не боявся богачъ Бога, та все клопотився,
А плюнувши на Лазаря, назадъ воротився,
Велѣвъ за собою ворота замкнути,
Щобы вôдъ брата Лазаря и дыху не чути,
Щобы брата Лазаря и въ двôръ не пустити,
Щобы ему хлѣба, соли, та не сотворити.
Ни единъ тамъ чоловѣкъ милосердный не бувъ,
Щобы вôнъ Лазаря помиловавъ бувъ,
Щобъ нищему Лазарю хлѣба, соли, подавъ,
Тôлько Богъ нищу Лазарю черезъ милость давъ:
Були у богача два лютыи псы,
Которыи пôдъ столомъ хованы ходили,
Все дрôбныи крôхôтки высбировали,
Хворому Лазарю во гной носили,
Тѣмъ его душу и тѣло живили,
Раны его смертельныи солизовали.
Ставъ убогій Лазарь Богу ся молити,
Богу ся молити, молитвы творити,
Господа небесного милости просити;
«Господи Боже мой, Спасе милостивый!
Выслухай, Господи, молитвы моя,
Пріими мою душу съ тѣла до хвалы своея!»
Выслухавъ Господь Богъ молитвы его,
Ссылаетъ съ небесъ Святыхъ Ангеловъ
По Лазареву, по душу его,
Излинули Ангелы вельми зблизенька,
Взяли его душу зъ тѣла зтихенька,

Понесли Лазаря въ рай на небеса,
Посадили Лазаря въ пресвѣтлый рай,
У Господа небесного въ чести та хвалѣ,
У святого Авраама на правой лонѣ.
А въ другую хвилю, во злую годину,
Не дôшовъ богатый до своего двора,
Перестрѣла богача сильная хворота,
Сильна хворота, немилостивая,
Да за его справность, за гордыи слова,
Который отрекався брата Лазаря,
Не брата Лазаря, самого Христа
Выступили съ пекла демоніи злы,
Та по богачеву, по душу его:
Єще до богачевого двора ю дôшли,
А вже его сребро, злото, прахомъ рознесли,
А изъ богача душу бокомъ выдерли,
Лѣвымъ бокомъ, крещпымъ крижемъ вытягли,
Взяли богача пôдъ лѣвое ребро,
Строснули богача съ строю высоко,
Кинули богача въ пекло глыбоко:
«Скакай, богачу, въ пеклѣ широко!
Поглядай, богачу, въ гору высоко,
Въ гору высоко, а въ рай далеко!
Тамъ увидишь, богачу, Аврама въ раѣ,
Поблизко Аврама брата Лазаря.»
Скоро богачъ глянувъ, самъ пламень зоздрѣвъ,
Тогда брата Лазаря огласомъ спросивъ:
«Гой же, мôй брате, Лазаре святый!
Єдинъ бо насъ отець, мати, родили,
Такъ не одну, брате, Богъ долю дѣливъ:
Тобѣ, брате, давъ Богъ нищее убожество,
Менѣ, брате, давъ Богъ сильное богатество;
Луяше тое, брате, нищее убожество,
Нѣжь мое, брате, сильное богатество.
Ты, брате, спочиваешь въ пресвѣтлôмъ раѣ,
А я, брате, горюю въ пекельнôмъ огнѣ,
У старшого лукавого, у мукахъ его.
Чи не можно, брате мôй, тое вчинити,

Свôй мêзинный палець въ море вмочити,
Уста мои смажныи хоть закропити,
Языкъ мôй у роти охолодити,
Сей огонь пекельный хоть пригасити,
Старшого лукавого хоть засмутити?»—
«Радъ бы я, брате, тое вчинити,
Свôй мêзинный палець въ море вмочити,
Уста твои смажныи хоть закропити,
Языкъ твôй запекшій охолодити,
Такъ не моя, брате, воля, Бога самого:
Испроси жь ты, брате, Бога Святого,
Съ своими постами и съ молитвами Христовыми,
Съ молитвами Христовыми, съ моленьми его!»—
«Когда бъ надо мною Богъ ся умилосердивъ,
Когда бъ мене Господь на той свѣтъ пуститъ,
На той свѣтъ, на временный вѣкъ:
Имѣю я на тôмъ свѣтѣ зливыхъ пять братôвъ,
Зливыхъ пять братôвъ, сильныхъ богачêвъ,
Нехай же бъ я промежь ними хоть пророковавъ,
Отъ Господа Бога пророчество извѣщавъ;
Уже бы я свое сребро, злото, на церквы дававъ,
Уже праздникъ и недѣля молебни наймавъ,
Тебе, брате Лазаре, всегда поминавъ,
И нищихъ, убогихъ, добромъ надѣлявъ,
Души своей царство вже бъ я вготовавъ.»
Ажь ему Святый Аврамъ такъ отповѣдавъ:
«Чему ты, богачу, давно такъ на дбавъ,
Когда ты на вольнôмъ свѣтѣ въ роскошѣ гулявъ?
Чему ты, богачу, тогда не откуплявся,
До царствія небесного не приближався?
Не потреба изъ неба братамъ пророкôвъ,
Маютъ браты пророчество—Святое Письмо:
Нехай они завсегда читаютъ оно,
Нехай они Письмо Святое читаютъ,
Своихъ дѣтей къ всему добру наставляютъ.
Которыи будутъ доброе дѣлати,
Тамъ имъ будетъ царство, где и Лазареви;
Которыи будутъ злое начинати,

Тамъ имъ будетъ пекло, где и богачеви!
Уживай, богачу, що 'сь си зготовавъ,
Души своей пекла самъ наслѣдовавъ;
А ты, Святый Лазаре, що тебѣ Богъ давъ,
Що самъ Христосъ въ раю уготовавъ,
Где Святыи Ангелы у небѣ поютъ,
Преподобныхъ псаломъ Богу спѣваютъ,
И насъ, грѣшныхъ, къ собѣ пріймаютъ,
Отъ мукъ вѣчныхъ освобождаютъ.
До царствія небесного сопровождаютъ.
Аминь, аминь. Такъ намъ, Боже, дай!
Прійде Вѣра Христьянская во небесный рай.

(Отъ слѣпца лирника въ Терпопольскомъ Уѣздѣ.)

3.

Объ иконѣ Исуса Назарянскаго въ Милятинѣ Золочевскаго Уѣзда.

Въ славно̂мъ мѣстѣ Милятинѣ,
Тамъ Исусъ Назарянскій,
Давъ ся бити, слуповати,
За міръ Христіянскій.

* *
*

Ой тамъ били, слуповали,
Кровъ зъ боку точили,
Не едную терновину,
На главу вложили.

* *
*

Ой Пречиста Дѣва Мати
По̂дъ крижомъ стояла,
Свого сына взлюбленого
Въ раны цѣлювала:

«Ой сыну жъ мôй возлюбленый,
Чо тяжко вмираешь,
Тѣло и кровь пресвятѣйшу
До гробу отдаешь?

* *
*

А всѣ Святй Апостолы,
Славу учинѣте,
Ввійте Христа въ плащаницю,
У гробъ положѣте!»

* *
*

А всѣ Святй Апостолы
Славу учинили,
Ввили Христа въ плащаницю,
У гробъ положили.

* *
*

Ни жадная, каже, Вѣра,
Не могла спôзнати,
Лише въ морѣ камêнь, камêнь:
Буде Христосъ славенъ,
А на вѣки вѣкôвъ Аминь!

(Отъ слѣпца лирника въ Львовѣ.)

4.

Сирôтка.

Померъ отець, мати,
Зôсталися дѣти,
Зôсталися дѣти,
Сироты на вѣки.

А пôшла сирôтка,
По свѣтѣ блукае,
По свѣтѣ блукае,
Мамуні шукае.

* * *

Злыбавъ ю Господь Богъ,
Стався ёй пытати:
«Де ты йдешь, сирôтко?» —
«Мамуні шукати.» —

* * *

«Не иди, сирôтко,
Бо далеко зайдешь,
Бо далеко зайдешь,
Мамуні не знайдешь.

* * *

Бо твоя мамуня
На высокôй горѣ,
На высокôй горѣ,
У судящôмъ гробѣ.»

* * *

А пôшла сирôтка,
Та стала плакати,
Стала ся мамунця,
Зъ гробу обзывати:

* * *

«А хто бо тамъ плаче,
Та на моёмъ гробѣ?» —
«Сирôтка, мамуню,
Примѣть мене къ собѣ!» —

«Нема ту, сиро̂тко,
Що ѣсти, та й пити,
Приказавъ Господь Богъ
Въ сыро̂й землѣ гнити.

* *
*

Иди жь ты, сиро̂тко,
До своей мачухи,
Най тобѣ мачуха
Сорочочку вшiе!» —

* *
*

«Ще менѣ мачуха
Сорочки не вшила,
Вже менѣ мачуха
Здоровья во̂ймила.» —

* *
*

«Иди жь ты, сиротино,
До своей мачухи,
Най тобѣ мачуха
Головочку змые!» —

* *
*

«Ще менѣ мачуха
Головки не змыла,
Вже жь менѣ мачуха
Вязы надкрутила.

* *
*

Ще мене мачуха
Не росчесала,
Вже мене мачуха
На вѣки проклялa!»

Ой плаче сиро̀тка
Дро̀бными слёзами:
«Не мае родиноньки,
А ни ро̀дной мамы!»

* *
*

А зо̀славъ Господь Богъ
Два Ангелы зъ неба,
Узяли сиро̀тку
Ангелы до неба.

* *
*

А зо̀славъ Господь Богъ
Два пекельныхъ зъ пекла;
А взяли мачуху,
Понесли до пекла;

* *
*

Понесли у гору
Барзо высоко,
Та кинули въ пекло
Та дуже глыбоко:

* *
*

«Плавай, плавай, плавай,
Мачехо широко!
Поглядай на небо,
Якъ то Богъ высоко!

* *
*

Плавай, мачехо,
Будешь плавати,
Будешь сиротиньски
Дѣти шановати!

Було шановати,
Було доглядати,
Коли 'сь хтѣла въ небѣ,
Въ небѣ царствовати.

* * *

Якъ та. смола кипитъ,
Будешь ты кипѣти,
Такъ ты, мачехо,
За сиротинскй дѣти». —

* * *

«Волѣла бъ я була
Дѣтей шановати,
Нёжь маю я теперь
Въ пеклѣ потопати.»

* * *

А жій ты, сиротко,
Въ небѣ со Святыми,
А ты, мачехо,
Въ пеклѣ съ проклятыми!»

* * *

Бѣдна сиротина
А, въ небѣ крулюе,
Мачуха несчасна
Во пеклѣ горюе.»

* * *

«Жебъ я була знала,
Же буду горѣти,
Була бъ шановала
Сиротинскй дѣти;

Була бъ шановала
Та й довлядала,
Близшихъ, дальшихъ, сусѣдôвъ
Була бъ научала.

* *
*

Вызволи мене, Господи,
Зъ тои неволеньки,
Буду шановати
Сироты маленькій!»

5.

А въ недѣлю рано взяло свитати,
Пôшла сирôтка мамунцѣ шукати;
Ой пôшла сирôтка горами, долами,
Здыбавъ ю Господь съ двома Ангелами:
«Где йдешь, сирôтко?»—«Мамунѣ шукати.» —
«Вернися, сирôтко; бо далеко зайдешь;
Бо далеко зайдешь, мамунцѣ не знайдешь,
Ой иди, сирôтко, на высоку гору,
Тамъ твоя мамунця у судящêмъ гробу.»
Ой выйшла сирôтка на высоку гору,
Та й на гробѣ впала, ревне заплакала;
Ой впала на гробѣ, та й стала рыдати,
Взяла ся мамунця зъ гробу отзывати:
«Хто тамъ ходитъ, плаче, та на моемъ гробѣ?» —
«Ой, мамунця моя, возмѣть мене къ собѣ!» —
«Ой нема ту що ни ѣсти, ни пити,
Тôлько приказано въ сыровôй землѣ гнити.
Ой, иди, сирôтко, до мачёхи своей:
Нехай ти мачёха головоньку змые.» —
«Єще ми мачёха головоньки не мыла,
Вже мя мачёха на вѣки проклялa.» —
«Иди жь ты, сирôтко, до мачёхи своей,
Ней ти мачёха кошуленьку вшіе.» —

«Ой еще ми мачёха кошуленьки не шила,
Вже ми мачёха тѣленько отбила.»
Ой зôславъ Господь два Ангелы зъ неба,
Ой взяли сирôтку, понесли до неба,
А по мачёху два діяволы зъ пекла,
Вфатили мачёху, понесли до пекла;
Понесли жь они ю барзо высоко,
Пустили они ю до пекла глыбоко:
«Ой плывай, мачёхо: ту маешь широко,
Ту маешь, мачêхо, въ смолѣ кипѣти,
Въ смолѣ кипѣти, за сироты-дѣти;
Ту маешь, мачёхо, по смолѣ плывати,
Жебы 'сь ты знала, якъ сирôтъ шановати.» —
«Ой дай же ми, Боже, зъ пекла выплывати,
То я буду знала, якъ сирôтъ шановати.»

6.

Вѣчность.

Памятайте, Христіяне,
Що ся зъ нами потомъ стане
На вѣки! *

Всѣмъ по смерти ити треба,
Чи до пекла, чи до неба
На вѣки!

Єсть то правда неотмѣнна,
Же зъ тыхъ една, а не инна
На вѣки!

Чекаетъ насъ всѣхъ дорога,
Така е въ тôмъ воля Бога
На вѣки!

---

* И такъ послѣ каждыхъ 2 стиховъ.

Такъ въ святомъ Євангеліи
Христосъ учитъ о житіи
На вѣки!

Єдныхъ бо къ себѣ взываєтъ,
Другихъ въ пекло отсылаетъ
На вѣки!

Тутъ свѣтовій зважьте люде,
Що то въ онôмъ пеклѣ буде
На вѣки!

Якіи тамъ будутъ муки,
Нужды, троски и докуки
На вѣки!

Темность страшна мѣстця того
Причиняєтъ муки много
На вѣки!

О якъ тяжка тамъ казнь буде,
Где не ввидятъ свѣта люде
На вѣки!

Душу жалость зранитъ многа,
Черезъ грѣхъ стратила Бога
На вѣки!

И всѣ ласки, и вся дары,
И зрѣніє Божія твари
На вѣки!

Та гризе червь сумленья,
Же не доступивъ спасенья
На вѣки!

Для марности позбувъ неба,
А такъ погибати треба
На вѣки!

Тамъ роспачъ тяжкая волѣ,
Якъ зостане въ злои долѣ
На вѣки!

Безпрестанно нарѣкае,
И день и нощь проклинае
На вѣки!

Навѣтъ Творца преблагого
Клене зъ гнѣва завзятого
На вѣки!

Хулитъ имя его свято,
Же му добро все отъято
На вѣки!

Дочка матêрь, отецъ сына,
Же ихъ погибели вина
На вѣки!

Нарêкаетъ другъ на друга,
Проклинаетъ пана слуга
На вѣки!

Отъ такъ страшныя проклêны,
Чинятъ пекелницы оны
На вѣки!

Изъ своего отчаянья,
Сшедше въ адъ безъ покаянья
На вѣки!

Ужаснѣмься, Христіяне,
Бо и зъ нами то жь ся стане
На вѣки!

Якъ не будемъ ся каяти,
Суда Божія бояти
На вѣки!

Приказанья исполняти,
Наукъ церковныхъ слухати
На вѣки!

Не допусти, Христе Боже!
Страсть твоя да поможе
На вѣки!

(Записана отъ лирника въ селѣ Ратищѣ Золочевскаго Уѣзда.)

7.

О страшномъ судѣ.

Прійде година для всѣхъ едина,
Коли ся разлучати
Одъ тѣла треба, якъ скажутъ зъ неба,
Свѣтъ и все покидати.

* * *

Смерть надо мною стоитъ съ косою,
А не машь обороны,
Часъ уплывае, Богъ судъ выдае
Зле зъ всякои стороны!

* * *

Я несчасливый, якъ же злосливый
Самъ на себе буваю,
За всякимъ дѣломъ иду за тѣломъ
На смерть не памятаю.

* * *

Судъ наступае, трубу готуе,
А книга съ дѣлами
Всѣхъ записана, будетъ подана,
Зъ ней ся осудимъ сами.

Судья не мстивый, а всѣмъ страшливый,
Засяде на своёмъ тронѣ,
Перуномъ гляне къ тому, хто стане
Изъ лѣвои стороны;

* * *

Зачне судити, добрымъ платити,
А злыхъ отдастъ на муки,
Съ тѣломъ, съ душею, згинутъ своею,
Безъ вэякои поруки.

* * *

Охъ, вѣчна страта! Пекельны врата
Отворятся широко,
Туда грѣшныи и проклятыи
Въ пропасть пôдутъ глыбоко.

* * *

А въ тôй неволѣ, несчаснôй долѣ,
Горе пребуде всегда,
Плачъ и червь горшій, діяволъ скоршій,
До муки прійдетъ сюда.

* * *

Боже ласкавый, дай до поправы
Часу, просимъ со слезами,
Вѣчность та злая и проклятая
Да не владѣетъ нами!

* * *

Лѣта золотыи въ небѣ Святыи
Не престанутъ имѣти,
Пѣснь пресвятую, безконечную,
Со ангелы ймутъ пѣти.

Лучами сонця тѣла безъ конца
Праведныхъ заяснѣютъ,
Всяки прикрости будутъ сладости,
Котры тутъ имѣютъ.

* *
*

Зри, душе моя, благая твоя,
Та зачни я любити,
Зри, мука злая, безконечная,
Перестань грѣшити!

(Записана отъ лирника тамъ же.)

8.

О Пречистой Дѣвѣ Почаевской.

Пречистая Дѣво, мати Руского Краю,
Якъ на небѣ, такъ и на земли, тя величаю.
Ты грѣшниковъ зъ тяжкôй муки
Черезъ твои збавляешь руки,
Не дай пропасти!

* *
*

Тобѣ всѣ Святыи служатъ, родице Бога,
И мы грѣшны Тебе славимъ всѣ яко мога:
Цѣлымъ серцемъ нехай мило
Тобѣ служитъ душа й тѣло,
Мати чистая!

* *
*

Хто жь не вдяченъ ласки Твоей, скажи который?
Зъ Пôдкаменя для збавленья идутъ до горы,
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ,
Очищаешь всѣ ту притомныхъ,
Прошу жь и мене!

Май въ бачности и милости вѣрного слугу,
Не дай менѣ упадати въ велику тугу:
Скажи жь теперь, якъ бы знати,
Що зъ грѣшными будешь дѣлати,
Мати ласкава!

* * *

Утѣкающихся къ Тобѣ во всякôй потребѣ,
Знаю, що утвердишь всѣхъ насъ вѣрныхъ въ небѣ.
Не выпускай же на вѣки,
Зъ твоей пресвятой опѣки,
Мене грѣшного!

* * *

Подай руку въ тяжкôй бѣдѣ и утрапленью,
Даруй ласку просящому и ку избавленью,
Буди всѣмъ намъ оборона,
Проситъ Тебе Руская Корона,
Яко Царицу!

* * *

Съ сыномъ Твоимъ возлюбленымъ буди ласкова,
Которому нехай будетъ вѣчна честь, слава,
Во вѣкъ вѣковъ не престане,
Поки всего свѣта стане
Тебе славити!

(Тамъ же и отъ того же)

9.

О покаяніи.

Ахъ, уйшли мои лѣта,
Якъ вихоръ вкругъ свѣта;
Тóлько якъ во снѣ здалося,
Що во свѣтѣ прожилося!
Ажь тутъ смерть за мною,
Якъ едемъ страшна собою,
Єще гнѣвомъ наполненна,
Аки львица раздраженна,
Въ лютѣ зѣло рыкаетъ,
Въ путь скоро понуждаетъ,
Не прибранну, не готову,
Велитъ ступать и такову.
А що жь то за дорога?
То жь на той свѣтъ до Бога.
А вже жь менѣ умерати,
Суду Божію предстати.
А съ чимъ же тамъ явлюся,
Чимъ я Богу прислужуся?
Нй свѣтила, нй кадила,
Все то смерть розпорошила.
Надармо прорицаю,
На смерть вину складаю:
Смерть тамо не видала,
Якъ ся въ свѣтѣ проживала.
Моя то воля злая,
Зѣло лѣта трачая,
Мене жъ теперь подѣлила,
Житіємъ долгимъ представила.
Вѣкъ молодой пануе,
Тѣло и здравіе владѣе;
По чемъ младость споминати,
Когда свѣта не зазнати?
Не забули и обѣта,
Якъ младенецъ минутъ лѣта.

Старость бо будетъ на тое,
Будетъ дѣлати благое.
Ажь мя смерть оманула
Якъ косою всѣпнула,
И старости не дождався
И на той свѣтъ не пребрався.
Часу доброго не стало,
На старость ся чекало,
Ажь кроткіи мои лѣта
Здѣлалися безъ отвѣта.

(Поется слѣпцами.)

10.

О страшномъ Судѣ.

Кажутъ люде, що я умру,
А я не хочу жити,
Скôлько, живши на семъ свѣтѣ,
Мушу согрѣшити!

* *
*

Зостанется сребро й злато,
И драгія шати,
Трудно жь менѣ изъ собою
На той свѣтъ забрати.

* *
*

И хотяй бымъ могъ забрати,
Тамъ того не треба;
Штыри доски, сажень землй,
Спасенія зъ неба.

* *
*

Якъ ударютъ во вся звоны
О смертнôй годинѣ,
Отклонюся всему свѣту
И своей родинѣ.

Дадуть менѣ смутну трунку
И твердое ложе:
Не дождь въ грѣхахъ умерати,
Милостивый Боже!

* * *

Якъ упустять грѣшне тѣло
Въ глыбокіи долы,
И засыплють пѣскомъ очи,
Не глянуть николи.

* * *

Въ гробѣ будуть ребра й боки,
Съ головою й руки,
Душа пойдеть несмертельна
На вѣчныи муки.

* * *

Памятай же, чоловѣче,
Такъ велику страту;
Ибо хто якъ Богу служить,
Такъ береть заплату.

* * *

Передъ часомъ все житіе
На смерть готовися,
Бѣгай грѣха, сповѣдайся
И Богу молися!

* * *

Примирися съ ближнимъ твоимъ,
Отпусти обиды,
Да й тобѣ Богъ отпустить
Всякихъ грѣховъ виды!

И старайся притяжати
Учинки ласкавы,
Бо до царства заведутъ тя
Тôлько добри справы.

* *
*

5 А егда ся не поправишь,
Злe будешь чинити,
То на вѣки съ проклятыми
Тамо будешь жити.

(Изъ Буковины, отъ Исидора Воробкевича, Православнаго Священника.)

II.

ДУМКИ

a) Любовныя, семейныя и житейскія.

1.

«Не стелися, барвёночку,
Бо ще 'сь зелененькій,
Не женися, мой сыночку,
Бо ще 'сь молоденькій.» —

* *
*

«Якъ же ми ся не стелити,
Бувши зеленому,
Якъ ся менѣ не женити,
Бувши молодому.» —

* *
*

«Кобы 'сь знала, моя мати,
Що то милость може,
Казала бы 'сь: «Оженися,
Сыноньку, небоже! —

* *
*

Рубай, сыну, ясенину,
Буде добре клиння,
Возьми собѣ сироточку,
Буде господиня.» —

«Не съ каждои ясенины
Буде добре клинья:
Не съ каждои сиротеньки
Буде господиня.»

2.

А въ городѣ фасоленька, малёване тычье:
«Выйди, выйди, дѣвчинонько, хтось тебе тамъ кличе!»
Ой не выйшла дѣвчинонька, ино си мати:
«Кому треба дѣвчиноньки, най иде до хаты!
Въ мене хата не заперта: йди, воды напійся!
Въ мене донька на отданью: иди, подивися!»
Ой вôйшовъ я до хатоньки, и воды напився,
Сидѣвъ кострубъ на припѣчку, я не подивився.

3.

«Чобôть ми ся притоптавъ,
Палець мене болить:
Хлопець ми ся сподобавъ,
Самъ до мене ходить.

* * *

Чобôтъ ми ся притоптавъ
На нéзиннôмъ палцѣ:
Милый ми ся сподобавъ
На весéлью въ танцѣ.

* * *

«Чобôтъ ми ся притоптавъ
Та на правôй нозѣ:
Мила ми ся сподобала
На гладкôй дорозѣ.»

4.

(Паул. II, 113.)

«Червоная калинойко, що жь ты надъ водою стоишь?
Молодая дѣвчинойко, що жь ты ся мня боишь?» —
«Ой кобы я не червона, я бъ ту не стояла,
Ой кобы я не молода, я бь ся тя не бояла.
Пока я була малейкою, не знала 'мь ничого,
Я мовила собѣ, же не буду любити никого;
Ой теперь я доросла, на станочку стала,
Не едному гультаёви до серця 'мь припала.
Шкода травки и муравки тому облогови,
Шкода мене молодои тому ворогови;
Шкода мене молодои, шкода мого зросту,
Прійде ми ся утопити зъ высокого мосту.
Ой скочу я зъ мосту въ воду по самую шію,
Ще безъ тебе, гультаенку, смертейки пожію!»

5.

(Паул. II, 118.)

Пріѣхали три Козаки, а всѣ три одинакѣ,
Пытаются Марысеньки, въ котрôй она хатѣ?
Одинъ стоитъ пôдъ вôконцемъ, другій коня вяже,
Третій стоитъ пôдъ дверима: «Добрый вечеръ!» каже.
«Ой вôтвори, мати, хату, най воды напьюся,
Чи хорошу доню маешь, нехай подивлюся!»
«Ой е въ полѣ кирниченька: йди, воды, напійся!
Ходитъ доня по подвôрью: иди, подивися!»
А вже жь тую кирниченьку вже фаля забила,
Ходитъ доня по подвôрью, либонь мати била.

6.

Ой смутный я ходжу,
Та й не засмѣюся,
Туга менѣ на серденьку,
Не розвеселюся.

* *
*

Не розвеселитъ мя
Жадная охота,
Що жь маю дѣяти,
Я бѣдный сирота!

* *
*

Ахъ мушу ся, мушу,
Три разы журити,
Нихто менѣ не порадитъ,
Якъ на свѣтѣ жити.

* *
*

Ой радили люде,
Жаль серденьку буде,
Радила родина,
Несчаена година!

* *
*

Ахъ ты, моя мила,
Моя чорнобрива,
Сядь си коло мене,
Порадь же ты мене!

7.

«Купала 'сь мя моя мати,
Въ каламутнôй водѣ,
Дала 'сь мене за нелюба,
Теперь плачьмо обѣ!»

* *
*

«Якои 'сь си наносила,
Таку будешь пила,
Якого ти Панъ Богъ судивъ,
Съ такимъ будешь жила.»

* *
*

«То 'мь ся воды наносила,
Пити сй не буду,
То 'мь ся дурня налюбила,
Жити съ нимъ не буду.

* *
*

Ой розлука, мôй миленькій,
Розлука, розлука,
Твому серцю отраднѣйше,
А мому роспука!»

8.

Якъ же менѣ не ходити,
Якъ ми не блукати,
Кого вѣрне я любила,
Мушу занехати!

Тече вода по каменя
Та по бѣленькому;
Подякую за коханье
Свому миленькому.

* * *

Подякую за коханье,
Низенко ся склоню,
Ней не буде серцю жалю
Нѣ его, ни мому.

* * *

Не вѣй, вѣтре, дорогою,
Повѣй по за гумна,
Розвесели мое серце,
Ней не буду сумна!»—

* * *

«Жебы тебе, дѣвчинонько,
Якъ гору надуло,
Доки я тя любивъ вѣрне,
Лѣпше тобѣ було!»

9.

Жебы я того маляра знала,
То бы 'мь милого вôдмалёвала,
Сама не знаю, где малёвати,
Чи у свѣтлонцѣ, где маю спати?
Чи у свѣтлонцѣ, чи на пôдсѣняхъ,
Где маю я съ нимъ розмовляти?
Чи на пôдсѣняхъ, чи на пôддашечку,
Такъ бы 'мь ся дивила, якъ на пташечку;

На пôддашечку, на одвôрочку,
Такъ бы 'мь ся дивила, якъ на зôрочку;
Чи у свѣтлонцѣ по конецъ стола,
Такъ бы 'мь ся дивила, якъ на сокола.

10.

Ой зацвѣла калинонька въ лузѣ:
Ой чось мое серденько въ тузѣ,
А ни попоѣсти, а ни ся напити,
Ни зъ миленькимъ мило говорити
Черезъ тіи вороженьки.

А дѣвчина по воду ходила,
Миленького за ручку водила,
Всѣ ягôдки разомъ позрывала,
Миленького ними годовала,
Все казала, шо: «Мôй будешь.»

Ой горами й красными лугами
Стоитъ красна пшеничка ланами,
Стоитъ пшеничка ланами,
«Будь здорова, дѣвчинонько,
Я ѣду съ панами!»—

«Ой вернися, миленькій, вернися!
Ой е въ мене медъ, вино, напійся!
Лѣпше було не знатися,
Якъ пôзнавши розстатися
Черезъ тіи вороженьки.

Ой е въ полѣ безденна кирниця,
Безденна кирниця, холодна водиця,
Тамъ я зъ неи воды, водицѝ напьюся,
Та й, миленькій, на тя подивлюся,
Та безъ тіи вороженьки.

Ой миленькій, ты, нелюдскій сыну,
Ты казавъ есь: «Я тя не покину!»

А теперь вже мене покидаешь,
И серденьку тугу задаваешь,
Якъ своему, такъ моему.»

11.

(Т. I, стр. 246.)

Ой шобы я мала соколовй очи,
Соколовй очи, а орловй крыла,
Гей, а орловй крыла
Я бы полетѣла, куда бы 'мь хотѣла,
Гей, куда бы'мь хотѣла.

Я бы полетѣла, та на мѣсто Збаражъ
Сѣла бы 'мь си въ крайнôмъ дому заразъ,
Гей, въ крайнôмъ дому заразъ;
Ябъ ся подивила, шо мôй милый робитъ,
Гей, шо мôй милый робитъ;

А мôй милый ходитъ, розлучницю водитъ,
Медъ, вино купуе, кармазинъ торгуе,
Гей, кармазинъ торгуе.
«Прошу тебе, милый, на скляночку пива,
Шобы тобѣ була розлучница мила,
Гей, розлучница мила.»

12.

Ой засвѣти, мати, свѣчку,
Поставь по надъ рѣчку,
Най я перейду, най переплыну,
До милои на всю нôчку!

* * *

Прійшовъ я до сѣній,
До вечеря сѣвъ емъ,
Моя мила, голубонька сива,
Вечерати не сѣла.

Сидитъ конець стола,
Вечеряти не сѣдае,
Дитину колыше, дрôбный листъ пише,
Съ буйнымъ вѣтромъ розмовляе:

* *
*

«Не вѣй, вѣтре, въ нôчи,
Повѣй о пôвночи,
Не сплятъ очи, не сплять, миленького видятъ,
Бо го вѣрне любятъ.

* *
*

Я по саду ходила,
Цвѣтъ-калину ломала,
Калину ломала, до серденькя пхала,
Бо 'мь тяжкій жаль мала.

* *
*

Ой сосновое ушко,
А дубовое денце,
Чомъ не говоришь, чого загнѣвався,
Мое любое серце?

13.

(Т. I, стр. 343.)

«Я несчасный, що маю дѣяти?
Люблю дѣвчину, не могу ю взяти,
Не могу ю взяти, бо заручена я,
Доле жь моя, доле, доле несчасная!»—
«Мене заручили, бо горѣвку пили,
За него не пôду, бо вôнъ ми немилый.»—
«Казавъ бы я ей, щобы мя чекала,
Щобы тамтого зовсѣмъ занехала,
Але не схоче, бо тамтой богатый,
А я, несчасный, що маю дѣяти?
Ходѣмъ, богатый: вмерати треба,
Бо намъ богатства до неба не треба.

14.

(Т. І, 256.)

Ой росплывайтеся, мои пригодоньки,
Такъ якъ листъ по водѣ!
Ой не тѣшьтеся, мои вороженьки,
Та й моей пригодѣ!

* *
*

Моя пригодонька, моя пригодонька,
Такъ якъ лѣтня роса:
Якъ вѣтеръ повѣє, а сонце пригрѣє,
Спаде жь вона вся.

* *
*

«Ой ты, мôй миленькій, голубе сивенькій,
Не по правдѣ жіешь:
Минаешь хатоньку, мои воротенька,
Самъ до иншой идешь.

* *
*

До иншои йдучи, до иншои йдучи,
Пѣсьни спѣваешь,
Менѣ молоденькôй, голубцѣ сивенькôй,
Тугу серцю завдаешь.»—

* *
*

«Ой ты, моя мила, голубонько сива,
Обсадися садомъ,
Обсадися садомъ, садомъ виноградомъ,
Бы тя голосъ не зайшовъ!»—

* *
*

«Вже я садъ садила, виномъ пôдливала,
Та не вродивъ же вôнъ:
Кого я любила, того я хибила,
Не судивъ менѣ Богъ.

Саду 'мь не садила, а ни пôдливала,
Самъ ся мôй садъ принявъ:
Кого 'мь не любила, изъ роду не знала,
Самъ же вôнъ ся приславъ.»

15.

Плыве човенъ, воды повенъ,
Плыве и веселце:
Чи такъ мене вѣрне любишь,
Якъ я тебе, серце?

* *
*

Плыве човенъ, воды повенъ,
Кобы не схибнувся:
Ой поѣхавъ мôй миленькій,
Кобы повернувся!

* *
*

Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ,
Та й жалôбно краче:
Де жь тамъ моя дѣвчинонька
Вже за мною плаче!

* *
*

«Не плачь, не плачь, моя мила,
Забудь тую тугу,
Ты сгубила, а я найшовъ,
Девять за одную.

* *
*

Одна зваритъ, друга спече,
Третья мила змые,
А четверта хусты пере,
А пята обшіе.

У шестои обѣдаю,
Въ семои танцюю,
Восьму люблю и кохаю,
Съ девятовъ жартую.»

16

(Паул. II, 120.)

На що мене зачипаешь,
Коли иншу милу маешь?
Я нигды не зачипаю,
Коли кого не кохаю.
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* *
*

Ты ся менѣ выклинаешь,
Що жаднои не кохаешь;
А ты иншу любку маешь,
На що жь мене зачипаешь?
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* *
*

Сусѣда менѣ казала,
Що вôдъ тебе перстень мала;
Коли зъ нею перестаешь,
На що жь мене зачипаешь?
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* *
*

Люди менѣ говорили,
Що вы съ собовъ свѣтъ сходили;
Коли въ неё пробуваешь,

На що мене зачипаешь?
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* * *

Перестань мене зводити,
Я не хочу съ такимъ жити,
Що иншую милу мае,
Зô мною ся зачипае.
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* * *

Пошукай ты такой собѣ,
Щобъ подôбна була тобѣ,
Щобы тобѣ присягала,
А инному руку дала.
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* * *

Шукай ты собѣ другую,
Я не могу бути твоёю;
Коли ты инну кохаешь,
На що жь мене зачипаешь,
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

17.

(Паул. II, 134.)

По конецъ греблй,
Тамъ стоятъ вербы,
Що я ихъ насадила:

Ой десь мôй милый,
Та й чорнобрôвый,
Що я го любила!

* * *

По конецъ греблѣ,
Тамъ стоятъ вербы,
Що я ихъ пôдливала:
Ой десь мôй милый,
Та й чорнобрôвый,
Що я го кохала!

* * *

Я жь то мовила,
Молодененька,
Що то соненько сходитъ:
А то мôй милый,
Мôй чорнобрôвый,
По городеньку ходитъ.

* * *

Я жь то мовила,
Молодененька,
Що то соколъ лѣтае:
А то мôй милый,
Та й чорнобрôвый,
На сивôмъ конѣ грае.

* * *

Перестань, милый,
Ты, чорнобрôвый,
На сивôмъ конѣ грати:
Прошу жь тя, милый,
Ты, чорнобрôвый,
Вечеру вечерати!» —

«Вечерай, мила,
Ты, чорнобрôва,
Та вечерай здорова!
Мене молодому,
Та й чорнобровому,
Вже выпала дорога.»—

* *
*

«Тобѣ дорога,
Тобѣ дорога,
Менѣ гостинецъ битый:
Перестаньмо ся,
Ой мôй миленькій,
Мое серце, любити!» —

* *
*

«Не перестану,
Не перестану,
Пока тя не дôстану:
Румяне личко,
Румяне личко,
И хорошого стану!»

18.

(Паул. II, 130.)

Нема жь мого миленького, нема жь мого пана,
Не маю съ кѣмъ говорити зъ вечора до рана.
Нема жь мого миленького, нема жь, кого люблю,
Нема кому поправити на головѣ рубка.
Нема жь мого миленького, нема моей клѣтки,
А я ходжу, вызираю, чи не иде зъвôтки.
Нема мого миленького, нема закоханья,
А я ходжу, вызираю, вôдъ самого раня.
Ой выйду я на гороньку, тяженько заплачу:
«Прійди, прійди, мôй миленькій, най тя хоть обачу!»

19.

Ой на горѣ березу вода пôдливае,
А зъ пôдъ тои березы дѣвка воду брала,
На Козака молодого очками моргала:
«Ты, Козаче молодый, ты хорошій, вродливый,
Чому жь мене не любишь, чомъ до мене не ходишь?» —
«Я до тобе бувъ прійшовъ, заплакавши та й пôшовъ;
Воротонька скрипливй и собаки брехливй.» —
«Я воротамъ догоджу, фаску масла пôдкôчу,
А собакамъ догоджу, бухонь хлѣба испечу!»

20.

(Паул. II, 124.)

На що жь менѣ ручку даешь, коли мя кидаешь?
Счаслива тй дороженька, где ты гадку маешь!
Счастлива тй дороженька до самого Львова,
«Вôдлетѣла зъ пôдъ коника золота пôдкова.» —
«Не жäль менѣ пôдковоньки, що ся загубила,
Ино ми жäль дѣвчиноньки, що ся зажурила;
Не жäль менѣ пôдковоньки, що за червоного,
Ино ми жäль дѣвчиноньки, личка румяного!»

(Изъ Коломійскаго Уѣзда.)

21.

Ой на горѣ на Самборѣ
Крутый камêнь меле:
Пытается Козакъ дѣвки,
«Цы пôдешь за мене?» —

* *
*

«Ой не пôду, Козаченьку,
Зъ далекого краю,
Будешь бити, зневажäти,
Родины не маю.» —

«Ой маю я родиноньку
До самого Львова,
Сгубилася у коника
Золота пôдкова.

* *
*

Ой не жäль ми пôдковочки,
Що ся загубила,
Лишень ми жäль дѣвчиноньки,
Що ся зажурила.

* *
*

«Не журися, дѣвчинонько,
Въ тугу не вдавайся,
За чотыре недѣлоньки
Мене сподѣвайся!

* *
*

Якъ не буду икъ Пречистôй,
Прïѣду къ Николѣ,
Якъ не буду объ Николѣ,
Не буду николи!»

(Изъ Коломiйскаго Уѣзда.)

22.

(Т. II, 430.)

Журилися вороженьки и заздроснï люде,
Що на моей головонцѣ вѣночка не буде.
«Не журѣтся, вороженьки, и вы, добрï люде,
Бо на моей головонцѣ два вѣночки буде.
Не журѣтся, вороженьки, що дѣвкою ходжу,
Бо я своею косою плота не горóджу;
Плота не городжу, ни жадного кôлья,
Нехай росте коса до пояса, якъ въ городѣ зѣлья.»

Якъ на мою русу косу вѣночокъ поклали,
Вороги ся здивовали, якъ каменемъ стали.
«Бодай же вы, вороженьки, хирѣли, болѣли,
Що вы менѣ, молоденькôй, вѣнка завидѣли!»

23.

Журилися вороги, що я въ косѣ хожу,
А я своевъ косовъ плота не горожу;
А нй плота, ни города, нй жадного кôлья,
Рости коса до пояса, якъ въ городѣ зѣлья.
Рости коса до пояса, стелися по шеѣ,
Не знаешь ты, моя мати, съ кѣмъ я вѣрне жію.

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

24.

(Паул. II, 132.)

«Сивый коню, сивый коню, сива тобѣ грива,
Скажи менѣ, сивый коню, где моя есть мила?» —
«Скажу я тй, Козаченьку: ой тамъ, за горою,
Потиряе очи чорнй хусточкôвъ бѣлою:
«Менѣ нôчка темненькая спочинку не дае,
А зъ вечера ажь до рана слезми заливае;
Выйду рано вздыхаючи, говорю зъ росою:
«Прибудь, прибудь, бо сву душу пôшлю за тобою!»

25.

(Паул. II, 113.)

Ôй выйду я за ворота, покину дружину,
А хто жь мене та пригорне, бѣдну сиротину?
Выйду я за ворота, та стану думати,
Осѣдлаю воронъ коня, пôду въ степь гуляти.
Гуляю, гуляю, ни чо не вѣдаю,

Летитъ орелъ зъ чужихъ сторонъ, я го ся пытаю:
«Ой ты орле, ой ты орле, высоко летаешь,
Ты высоко та й глядаешь, далеко вѣдаешь;
Ой чи не бувъ же ты, орле, да у тôй сторонѣ,
Чи не плачеть, чи не тужитъ, мила по менѣ?» —
«Тужитъ она, тужитъ, на лôженьку лежитъ,
А правовъ ся рученьковъ за серденько держитъ.»

26.

(Паул. II, 134.)

Стоятъ вербы по надъ греблю, що 'мъ ихъ пôдливала:
Нема жь мого миленького, що 'мь его кохала!
Нема жь мого миленького, та й хутко не буде,
Хиба я му ся поклоню черезъ добрй люде:
«Прїѣдь, серце, прїѣдь, любку, склôнися до мене!
Якъ не будешь, житья мое пôшлю за тобою!»

27.

(Паул. II, 133.)

По садочку я ходила,
И ходячи говорила,
И ходячи говорила:
«Нема того, що 'мь любила!»

* *
*

«Ой ты, орле чорнокрылый,
Занеси мя, де мôй милый!
Дамъ я тобѣ серця свого,
Занеси мя до милого!»

28.

(Паул. II, 140.)

А якъ собѣ нагадаю,
Якъ мы ся любили,
Не разъ ми ся долôвъ личкомъ
Слёзы покотили.

* * *

Ой Боже мôй милосердный!
Що я завинила?
Чому 'сь мене съ тымъ розлучивъ,
Котрого 'мъ любила?

* * *

Ой розлучивъ же 'сь ты мене
Съ тымъ, кого 'мъ любила:
Пôдутъ лѣта марне зъ свѣта,
Все буду тужила.

* * *

Бѣжутъ лѣта, бѣжутъ лѣта,
И все ся минае,
Лише моя щира душа
Вѣрне ся кохае.

* * *

Ой кохае, та й кохае,
Та й кохати буде,
Поки лише мое серце
Въ менѣ бити буде.

* * *

Поки очи свѣтло бачутъ,
Душа жіе въ тѣлѣ,
Все ты менѣ будешь любый,
Все ты менѣ милый.

А якъ ми ся очи замкнутъ,
Серце лёдомъ станетъ,
Тогды милость въ гробѣ зложатъ,
Каменемъ привалятъ.

29.

(Паул. II, 120.)

Гей, бѣда жь менѣ бѣдному,
Жити въ свѣтѣ самому!
Та треба пары шукати,
Щобы лиха не знати.
Та знайшовъ я одную,
До серденька милую,
Та була 'сь ми прекрасна,
Доле жь моя несчасна!
Та теперь же 'сь ми погана,
Доле моя кохана!

30.

(Паул. II, 127.)

Ой коло млына
Шумитъ дубина:
Де жь моя дѣвчина,
Що мя любила?
Не такъ любила,
Якъ ще шановала:
Вывела коника,
Ще й осѣдлала;
Вывела коника,
Вороненького,
Пôдъ Козаченька
Молоденького.

31.

(Паул. II, 110.)

«За моими воротами зеленое жито:
Та вже жь мене черезъ тебе не разъ, не два, бито.» —
«За моими воротами зелена пшениця:
Кого люблю, а не возьму, не буду женитъся.» —
«Ой часъ, мати, жито жати, колосъ похилився:
Ой часъ, мати, замужъ дати, голосъ измѣнився;
Измѣнився голосочокъ и тихая мова,
Изъ тобою, пройдисвѣте, до пôвночи стоя!
И стояла 'мь, и ходила 'мь, и ходити буду,
И любила 'мь Козаченька, и любити буду.»

32.

(Паул. II, 111.)

Кобы я була знала,
Що за не любомъ лихо,
Була жь бы 'мь сидѣла, косочки чесала,
При матусенцѣ тихо!

* * *

А я була молоденька,
Та й дала 'мь серцю волю,
Бѣленькее тѣло и чорненькіи очи
Нелюбови въ неволю.

* * *

А канчукъ на клинку
Не стае вакувати,
А вже бѣле тѣло и чорныи очи
Не пôзнае мати!

33.

(Паул. II, 81.)

«Ой коню мой, коню вороненькій,
Ой чого ты стоишь на стайнѣ смутненькій?» —
«Того я смутненькій, що ты молоденькій,
Що ты рано встаешь, мене наповаешь,
Мене наповаешь, возьмешь, осѣдлаешь,
Куды погадаешь, туды поганяешь,
Нигде того шинку, коршмы, не минаешь,
Мене, вороного, къ стовпу припинаешь:
Я сырую землю и по поясъ выбью,
Доки тебе, пане, зъ того шинку вызву.
Ой дай менѣ сѣна по самй колѣна,
Ой дай менѣ воды по самй поводы,
Ой дай менѣ мочи по карiи очи,
Тогды гуляй, пане, до самой пôвночи!»

34.

«Горе жь менѣ, горе,
Бѣдненькôй на свѣтѣ,
Все гадаю, все думаю,
Що чинити маю

* * *

Ой була я въ счастью,
Була и въ роскоши,
Знали мене люде,
Якъ я мала гроши.

* * *

Теперь мя не знають,
Теперь забувають,
Навѣть мене у несчастью
А ни одвѣжають.

Дѣти жь мои, дѣти,
Дѣти дрôбненькіи!
На що жь те ся породили,
Такй несчасныи?» —

* *
*

«Жêнко моя, жêнко,
Охъ, жêнко милая!
Зъ волй Бога найвыстого,
То ты несчасная!»

35.

Доки сиротѣ пшеница родила,
То доты сироту родина любила;
А якъ же сиротѣ кукôль уродився,
Тогды вôдъ сироты весь рôдъ вôткотився.
Ой Боже мôй, Боже, Боже мôй единый!
Чому ми такъ не дашь, якъ моей родинѣ?
У моей родины пшеница ланами,
У мене, сироты, стоитъ облогами;
У моей родины стоги, обороги,
У мене, сироты, тôлько чорны брови.
Выйду за ворота, стану та думаю,
Кажутъ сусѣдоньки, що я то гуляю.
Бо сирота робитъ вôдъ ночи до ночи,
Все люде говорятъ: «Робити не хоче!»
Бо сирота робитъ, то усе нй за що,
Все люде говорятъ: «Сирота лядащо!»
Не разъ вона не ѣсть, а ни досыпляе,
Лишь ся сиротонька слêзами вмывае.

36.

(Паул. II, 141.)

Зашумѣли луги, забринѣли рѣки:
Умеръ тато, мама, сирота 'мь на вѣки!
Выйду я за ворота, та й ся задумаю:
Люде орютъ, сѣютъ, я ни̂ чо не маю.
Ой роблю я, роблю, робота ни̂ за що,
А ще менѣ кажутъ: «Робота ледащо!»
Ой роблю я, роблю, ажь мня ручки болятъ,
Якъ прійду до хаты, до мня не говорятъ.
«Розступися земля, най пôду пôдъ тебе,
Най тогды пôзнаютъ, що то зле безъ мене!»

37.

(Паул. II, 141.)

Я сирота блукаюся, не маю родины,
Бѣдна жь моя головонька менѣ на чужинѣ!
Волѣвъ бы 'мь ся не родити, та й того не знати,
Якъ мя тяжко въ несчастію породила мати̂.
Пôшовъ бы я, несчасливый, пôдъ свои ворота,
Мушу гôрко заплакати я, бѣдный сирота!
Олень лѣсный, бѣгунъ быстрый, людей не боится,
На чужинѣ, хотя мудрый, завше хоронится.
Летѣвъ орелъ по надъ море, пêренько ронивши:
А хто жь тебе приголубитъ, сирото наймильшій?
Ой якъ тяжко тому пêрью на морѣ плывати,
Єще тяжше на чужинѣ менѣ привыкати.
Бодай тая чужинонька вѣкъ здорова була,
А що мене, сиротоньку, къ собѣ пригорнула!
Ой сироты, сиротоньки, коли жь вамъ гараздъ буде?
Що васъ кровни̂ ненавидятъ, êще судятъ люде!

38.

Горе жь менѣ, горе,
Бѣдному на свѣтѣ,
Самъ не знаю, не вѣдаю,
Якъ на свѣти житй!

* * *

Бувъ я колись въ счастью,
Бувъ я и въ роскошѣ,
Любили мя въ той часъ люде,
Коли були гроши.

* * *

А теперь мя не знаютъ,
А ни прибуваютъ,
Теперь мене у несчастью
Рѣдко посѣщаютъ.

* * *

«Жёнко моя, жёнко,
Жёнко молодая,
Чи то воля Пана Бога,
Що ты несчасная!

* * *

Дѣти мои, дѣти,
Дѣти дрòбненькіи,
На що жь вы ся породили
Такѝ несчасныи!»

39.

Ой на горѣ на высокой
Тройзѣлъ постелився:
Зъ Украины до дѣвчины
Козакъ поклонився.

* *
*

Поклонився Козаченько
Съ коня вороного:
«Пригадай си, дѣвчинонько,
Мене молодого!»

* *
*

А въ недѣлю рано, рано,
Дѣвча ся вмывала,
И русою си косою
Личенько втирала.

* *
*

Утирала бѣле личко,
Утирала брови:
«Нема мого миленького,
Нема и размовы!»—

* *
*

«Не плачь, люба, не плачь, мила,
Не плачь, чорнй очи!
Ой маю я розмовоньку
Ажь до пôзной ночи.

* *
*

Ой маю я розмовоньку,
Ой маю я милу, —
Высыпали надо мною
Высоку могилу!»

40.

Ой зацвѣла гордовина, та й гай зелененькій:
Выѣзжае зъ Украины Козакъ молоденькій;
Выѣзжае, выѣзжае, съ коня похилився:
«Будь здорова, громадонько! съ никѣмъ не сварився.»
За нимъ, за нимъ, дѣвчинонька, отецькая дочка,
На ней шматье сычащое, сама якъ лялёчка:
«Эй, вернися, вражій сыну: жаль ми за тобою!» —
«Не вернуся, песька донько: згордѣла ты мною.
Буде твоя гордовина ще передъ тобою,
Буде твоя коса руса менѣ пôдъ ногою!»

41.

Добре тому, добре,
Кто коханья не знае,
Бо то коханье
Смерти ся рôвнае.

* * *

Эй, куда иду,
Эй, чи що роблю,
Все о коханю,
Думаю, гадаю,

* * *

Выпрягай, хлопче,
Коника вороного,
Нехай я поѣду,
До личка румяного!

* * *

Выпрягай, хлопче,
Самъ сѣдай обѣдати!
Бо я поѣду
Коханье одвѣдати.

Ѣду жь бо я, ѣду,
Зелеными корчами,
Гей, бо я ся зобачу
Съ чорными очами.

* * *

Пріѣзжаю жь бо я
Въ новыи ворота:
«Выйди жь ты, выйди,
Дѣвчино молода!»

* * *

Ой вышла дѣвчина,
Зачала пытати:
«Где жь ты ся ту взявъ?
Пôшовъ есь орати.

* * *

Не подоба твоя,
Неподобныи рѣчи,
Выкладати коня
До коханя бѣчи!»

42.

«Пріѣдь, милый: вже день бѣлый,
Вже взяло свѣтати!
Охъ якъ тяжко, охъ якъ нудно,
Що тя не видати!

* * *

А я тебе полюбила,
Ты любишь иншую,
Бодай же 'сь такъ туживъ за нёвъ,
Якъ я за тобою!

А я тебе полюбила,
На недолю свою,
А ты мене позбавляешь
Любого спокою.

* *
*

Або нехай одъѣзджаю
Въ далекй стороны,
Або нехай ми задзвонятъ
Въ голосныи звоны!

* *
*

А якъ стану передъ Богомъ
На тебе плакати,
Що я зъ твоей причиноньки
Мушу умерати,

* *
*

Ты якъ станешь на тêмъ мѣсци,
Где моя могила,
Поглядай же, подумай же,
Якъ я тя любила!»

43.

Дубина зелена,
Въ три ряды саджена,
Въ три ряды саджена,
Въ чотыре зроджена.

* *
*

Якъ емь нею ишовъ,
Вусокъ ми ся пôссалъ,
Теперь нею иду,
Бородоньковъ трясу.

Теперь нею иду,
Бороденьковъ трясу:
«Бороденько сива,
Доле несчаслива!»

II.

«Доле жь моя, доле!
Где жь ты тогда была,
Якъ мене матёнка
На сей свѣтъ родила?» —

* *
*

«Ахъ была жь я, была,
У сѣнехъ за дверьми,
Я ишла до хаты
В'ни хату заперли.» —

* *
*

«Ненько моя, ненько!
Мала 'сь мя едину,
Дала 'сь мене, ненько,
На вѣки въ квилину.

* *
*

Дала 'сь мене, ненько,
На вѣки въ квилину,
Не зобачишь мене
Николи веселу.

* *
*

Веселости моя!
Где жь ты ся подѣла?
На горѣ камёнья,
На бѣло зацвѣла.

До полудня цвѣла,
Зъ полудня завяла,
Вже жь моя веселость
На вѣки пропала!»

44.

Грицъ мене, мамуненько,
Грицъ мене любитъ,
Грицъ менѣ, мамуненько,
Черевички купитъ.

* * *

Червоненьки при недѣлѣ,
Чорненьки у будденъ,
Ишовъ дурень коло мене,
Не сказавъ: «Добры день!»

* * *

Не вôнъ дурень, не вôнъ дурень,
Тôлько его мати,
Не навчила, якъ где кому
«Добры день!» казати.

45.

«Якъ же жь мене, серце любишь,
Не кажи жь никому:
Наши люди порозносятъ,
Якъ вѣтеръ солому.» —

* * *

«Сѣно мое, сѣно мое,
Солома дробненька:
Не журися, мôй миленькій,
Я ще молоденька!»

46.

Ой зацвѣла калиноньна
Противъ ясного сонця:
Тужитъ мила, тужитъ мила,
На краю вôконця.

* *
*

«Ой чого жь ты, моя мила,
Такъ въ тугу впадаешь?» —
«Здастъ ми ся, мôй миленькій,
Шо ты мя кидаешь.

* *
*

Где жь ты ѣдешь, мôй миленькій?
Возьми мя съ собою!
Будешь мати, будешь мати,
Пораду зо мною.» —

* *
*

«Подивися, моя мила,
Коникъ не великій:
Не довезе, не донесе,
Твоихъ черевикôвъ.»

47.

Ой дай же, Боже, зъ вечера погодоньку!
Возму я кôнвы, та й пôду по водоньку.
Ой вдару жь бо я кôнвами до порогу,
А сама стану, съ миленькимъ поговорю.
Ой не довго я на розмовѣ стояла,
Ой вже я, дѣвчина, въ неславоньку впала.
Ой чиста жь бо я вôдъ неславоньки, чиста,
Якъ тота вода зъ пôдъ кленового листа.
«Не стôй, богачу, та за моими вороты,
Не смѣйся, не кпися, зъ бѣднои сироты!
Хоть я сирота, е у мене цнота,
Въ мене вѣночокъ зо щиренького злота.»

48.

Ой выйду я въ чисте поле,
Тамъ вôвця пасеся,
А за мною бытымъ слѣдомъ
Лиха доля волочеся.

* *
*

Нехай она волочеся,
Нехай марне сгине,
Нехай мене, молодую,
Хоть на рôкъ покине!

* *
*

Ой ѣла я калиноньку,
Та покапалася:
Ой мала жь я дурный розумъ,
Замужь квапилася.

* *
*

Не силовавъ мене отецъ,
Ни рôдная мати:
Сама 'мь бѣду полюбила,
Нѣ на кого нарѣкати.

* *
*

Ой пôду я по надъ море,
А тамъ море грае:
Рада бы 'мь ся утопити,
Море не пускае.

* *
*

Ой пôду я по другій разъ,
Море стоитъ тихо:
Рада бы 'мь ся утопити,
Буде душѣ лихо!

49.

Ой гаю мôй зелененькій,
Ой гаю мôй, гаю,
Якъ ся менѣ не розвинешь,
То тя порубаю!

* *
*

Ой я собѣ молоденькій,
Гуляю, гуляю,
А на мене рôзги рѣжутъ,
Въ зелененькôмъ гаю.

* *
*

Нарѣзали рôзокъ въ гаю,
Въ лугу намочили,
Тако й мене, молодого,
Робити навчили.

50.

Кобъ ты знавъ, кобъ ты знавъ,
Мене молодую,
Мене мати годовала,
Якъ сиву зазулю,

* *
*

Годовала, цюловала,
Въ папêръ завивала,
Богатому рихтовала,
За бѣдного дала.

* *
*

Богатому рихтовала,
За бѣдного дала,
Сиві волы обѣцяла,
Коровину дала!

51.

«Коли 'сь знавъ, на що 'сь бравъ? Я не вмѣю жати.
Буде твоя пшениченька въ полю зимовати.» —
«Богдай бы ты, дѣвчинонько, того не дождала,
Щобы моя пшениченька въ полѣ зимовала!» —
«А ты 'сь знавъ, на що 'сь бравъ таку невеличку?
Мене мати годовала якъ перепеличку;
Мене мати годовала, въ папѣрь завивала,
За богача обѣцяла, а за драба дала!»

52.

Темна нôчка осѣдає,
Спати хочеся,
Чогось моя головонька,
Могорочися.

* * *

«Позволь, позволь, стара мати,
Оженитися,
Перестане головонька
Могорочитися!» —

* * *

«Оженися, мôй сыноньку,
До своiй волi.
Не бери си удовоньки
Молоденькоi!

* * *

Бо вдовонька — не дѣвонька,
Не дѣвочи стане,
Якъ застелить бѣлу постелю,
Ажъ заплачешъ самъ.

«Постѣль моя, тонка, бѣла,
Та й бѣлесѣнькая!
Съ кѣмъ я буду нôчку спати,
Молодесенькая?

* *
*

Чи зъ росою, чи съ красою,
А Чи съ росонькою,
Чи съ тымъ молодъ Козаченькомъ,
Що вôнъ съ красонькою!»

53.

(Т. I, стр. 239.)

Горе жь менѣ, горе,
Несчаслива доле!
Засѣяла бѣдна вдова
Мысленьками поле;

* *
*

Чорными очима
Та й заволочила,
А дрôбными слозоньками
Все поле зросила!

* *
*

Плыне качуръ, плыне,
По тихôмъ Дунаю:
Що жь по моей молодости?
Я счастья не маю!

* *
*

«Доле жь моя, доле!
Где жь ты ся подѣла?
Чи ты въ Дунай утонула,
Чи 'сь въ огнѣ сгорѣла?

Якъ же 'сь утопула,
Приплынь къ береженьку!
А якъ есь въ огнѣ сгорѣла,
Жаль мому серденьку!»

54.

(Т. II, 203.)

«Було не копати пôдъ порогомъ ямы:
Було мя не брати вôдъ рôдной мамы.
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!

* * *

Було не рубати зелену лѣщину,
Було мя не брати, молоду дѣвчину.
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!

* * *

Було не рубати зеленого дуба,
Було мя не брати, коли 'мь ти не люба.
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!

* * *

Не рубай зелене, най ся зеленѣе,
Не бери дѣвчины, най ся зостарѣе!
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!» —

* * *

«Єще я не рубавъ, вже трѣски падаютъ,
Єще я не сватавъ, вже вôлповѣдаютъ.
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!»

«До домъ, милый, до домъ, до домъ, до роботы,
Якъ мя хочешь взяти, чекай до Суботы!
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!»

55.

(Т. I, 259.)

Трудна менѣ чужина,
Стае рокомъ година,
Якъ въ день, такъ въ ночи,
Стоитъ милый предъ очи.

* *
*

Що лягаю и встаю,
Все о милôмъ гадаю:
Черезъ рѣчку стеженька,
Нема мого серденька.

* *
*

Ой поѣхавъ въ чужій край,
Казавъ: Мила, вспоминай!»
А я его вспомяну
По сêмь разы въ годину:

* *
*

«Повѣй, повѣй, вѣтроньку,
Черезъ сѣни въ Литвоньку,
Занеси вѣсть милому,
Що я тужу по нёму!»

* *
*

Не тамъ счастье и доля,
Где нараютъ люде,
Мы ся любимъ по щирости,
То намъ гараздъ буде.

Милый пôшовъ далеко,
Я го давно не бачу,
Менѣ легше ся зробитъ,
Якъ си трохи поплачу.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

56.

(Т. I, стр. 254.)

«Ой коню мôй сивый, сивый,
Будь менѣ счасливый,
Занеси мя, завези мя,
До моей дѣвчины!

* * *

Стань пôдъ воротами,
Стукни копытами:
«Выйди, выйди, дѣвчинонько
Съ чорными бровами!»

* * *

Выйшла дѣвчинонька,
Бѣлу ручку дала:
«Витай, мôй миленькій!
Давно 'мь тя жадала.

* * *

Жадала 'мь тя вчора, вчора,
Сѣмь годинъ зъ вечора,
Не могла 'мь ся дочекати,
Мусѣла йти спати.

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

57.

(Т. I, 254.)

Ой у полѣ сѣно низенько посѣло:
А де'сь мое закоханье до вечери сѣло.
•Ней оно сѣдае, здоревеньке буде!
Єсли в'но мя вѣрне любить, то мя не забуде.
•Кониченьку сивый, будь же ми счасливый,
Завези мя, занеси мя, до моей дѣвчины!
Та вдарь копытами передъ воротами:
•Выйди, выйди, моя мила съ чорными бровами!•
Дѣвчинонька выйшла, бѣлу руку дала:
•Витый, витай, Козаченьку! Давно 'мь тя жадала.
Жадала 'мь тя вчора, зъ рана до вечора,
Не могла 'мь дождати, сама 'мь пошла спати.
Свѣченька сгорѣла, въ менѣ душа вмлѣла,
Та за тобовъ, Козаченьку, що 'мь тя не видѣла.
Свѣченька сгорѣла до самого гнота:
•Прїѣдь, прїѣдь, Козаченьку, знесе тя охота!•

58.

«Чемъ ты, соловѣю,
Рано не спѣваешь?» —
•Ой я рано не спѣваю,
Голосу не маю.

* *
*

Ой стративъ я голосъ
На зеленый колосъ,
Ой жалю, мой жалю,
Тяженько вздыхаю!•

* *
*

•Пустила 'мь пташенька,
Вже го не поймаю.
А хоть бы 'мь поймала,
То вже не такого;

А хоть бы 'мь пôймала,
То вже не такого:
Бо вôнъ не пристане
До серденька мого.»

59.

(Т. I, 353.)

«Бувай же здорова, ты дѣвчино моя!
Не забувай ты о менѣ, если ласка твоя!
Я въ дорогу выѣжджаю,
На серденьку тугу маю,
Тугу не малую,
Тебе молодую.» —

* * *

«Будешь, милый, будешь, тяжко жаловати,
Якъ мя схоче отець, мати, за иншого дати.» —
«Не боронитъ отець мати,
Пару недѣль зачекати,
Съ дороги вернуся,
Съ тобовъ оженюся.»

* * *

Ѣде Козакъ, ѣде, та ставъ попасати,
Взяли Козакови люде повѣдати:
«Вже дѣвчина заручена,
На серденьку засмучена,
А ты у дорозѣ,
Забувъ о небозѣ!»

* * *

«А хоть она заручена, заручена,
А ще не случена, а ще не случена,
Заручена, не случена,
На серденьку засмучена,

Тако й моя буде,
Тако й и моя буде.

* *
*

«Дѣвчино, дѣвчино, зъѣла бы ты вѣтра!
Я не сподѣвався, що ты така хитра;
Тогды мене ты кохала,
Коли 'сь мои дары брала,
Теперь не говоришь,
Бо 'сь вже пôдмовлена.» —

* *
*

«Забêрай си тіи дары, тіи дары,
Занеси ихъ инчій въ дарѣ, инчій въ дарѣ,
А я въ дарахъ не ходила,
Та и ходити не буду,
Тебе не любила,
И любить и не буду.»

60.

Ой летѣли дикй гуси
Черезъ темны лѣсы,
Ой летѣли, ґеґотѣли,
Правды менѣ не повѣли,
Що ми за родина,
Въ батенька дитина.
Якъ батенько умре,
Гостина минеся,
Матêнька схитнеся.
А пôду я до брата,
То не моя хата;
Братъ сестру витае,
А братова стиха лае:
Щобы не бувати,
Съ часта не пивати.

61.

(Т. I. 265.)

Волы мои половенькі, не ѣздити вами!
Лѣта жь мои молоденькі, жаль менѣ за вами!
Запряжу я воронъ коня святои недѣли,
Заверну я лѣта мои хоть на три недѣли.
«Чоловѣче, чоловѣче, дурный розумъ маешь,
Чому же ты за лѣтами коня проганяешь?
Конь ся поступитъ, головоньку зломитъ,
А тыхъ лѣтъ молоденькихъ уже не здогонитъ.»
Здогонивъ я лѣта мои на кленовôмъ мостѣ:
«Вернѣтеся, лѣта мои! Прійму васъ за гостѣ.» —
«Не вернемся мы до тебе, бо не маемъ чого,
Не шанувавъ есь ты насъ и здоровья свого.»

62.

(Т. I, 273: II, 575.)

Ой по горѣ, по долинѣ, голубы лѣтаютъ:
Я роскоши не зазнала, лѣта ся минаютъ;
Я роскоши не зазнала, и знати не буду:
«По чѣмъ же васъ, лѣта мои, памятати буду?»

* * *

Ой маю я штыри кони, а всѣ вороніи,
Поѣду я доганяти лѣта молодіи;
Догнала я лѣта свои на кленовôмъ мостѣ:
«Ой вернѣтся, лѣта мои, хоть до мене въ гости!» —

* * *

«Не вернемся, не вернемся, а знаешь для чого?
Не вмѣла 'сь насъ шановати, ни здоровья свого.» —
«Я ни въѣла, я ни впила, ни хороше ходила,
Тôлько моей роскошеньки, що 'мь ся наробила!»

63.

Рыбка чечуга
Плывае до воли,
А я бѣдный, несчасливый,
Та не маю доли!

* *
*

Кажда пташина,
Що въ полю лѣтае,
Є счаслива, бо милого
И притулокъ мае.

* *
*

Лишь я несчасный,
Куды повернуся:
Ни родины, ни дружины!
Де жь я подѣнуся?

64.

Я сирота, въ сиротонцѣ,
Въ сиротѣ кохався,
Вона менѣ отказала,
Я не сподѣвався.

* *
*

Вона менѣ отказала,
Щобы въ ней не бути,
Дайте менѣ таке зѣлье,
Щобы ей забути!

* *
*

«А я маю таке зѣлье,
Близко перелазу,
Якъ я его накопаю,
Забудешь вôдъ разу.» —

«Буду пити, буду пити,
И краплн не вроню,
Тогды я тебе забуду,
Якъ очи заслоню!»

65.

(Т. I, 284; Паул. II, 116.)

«Добрый вечêръ, дѣвчиноньно!
Пріими мене на нôчь,
А я тобѣ що вечора
Вôддамъ на добра нôчъ!»—

* *
*

«Бôгъ ме, бы 'мъ тебе пріймила,
Але лихо бачу;
Бо вже въ своей матêноньки
Певне ласку страчу.

* *
*

Пусти коня на отаву,
Самъ ходи до хаты,
Будемо мы говорити,
Щобъ не чула мати.

* *
*

Пусти коня на отаву,
Та въ желѣзнôмъ путѣ,
Прошу тебе, най не ходитъ
По зеленой рутѣ.

* *
*

Бо на рутѣ жовтый цвѣтокъ,
Сама зелененька,
Прошу тебе, не зрадь мене,
Бо я молоденька!

Ты не вѣтерь буйный въ полю,
А я не былина,
Є у тебе отець, мати,
Въ мене е родина.»

66.

(Паул. II, 119.)

А на горѣ калина,
А на горѣ, серденько, калина,
Пôдъ горою малина,
Пôдъ горою, серденько, малина.

* *
*

Тамъ дѣвчина стояла,
Тамъ дѣвчина, серденько, стояла,
На Козачка волала,
На Козачка, серденько, волала:

* *
*

«Ты, Козаче молодый,
Ты Козаче, серденько, молодый!
Возьми мене съ собою,
Возьми мене, серденько, съ собою!

* *
*

Я тй коня напою,
Я тй коня, серденько, напою,
Травы, сѣна, заложу,
Травы, сѣна, серденько, заложу,

* *
*

И ложенько выстелю,
И ложенько, серденько, выстелю,
И сама ся положу,
И сама ся, серденько, положу.»

67.

(Паул. II, 121.)

Не далеко млына
Червона калина,
А за нею ходитъ молода дѣвчина.
Долю заклинае,
Слезы обтирае:

* * *

«Ой я несчасная!
Избавъ, доле моя!
Бо я вже вызнала за того шахрая:
Вôнъ мене уводитъ,
До иншои ходитъ.

* * *

Вôнъ мене называвъ,
Якъ у мене бувавъ:
«Краснѣйша 'съ надъ рожу!» Тôлько похлѣбовавъ;
Теперь покинувъ,
Бодай марне згинувъ!

* * *

Що ми есть вже зъ того,
Же маю другого;
Не хочу любити; бо знайду лѣпшого
Будемъ съ собовъ жити,
Вѣрне ся любити.»

68.

(Паул. II, 116.)

За Дунайчикъ бѣлый цвѣтъ:
«Ходи, дѣвка, пойдемъ въ свѣтъ

Бѣлй цвѣты опадають,
Мои лѣта пропадають.
«Ты, дѣвчино, бѣду творишь,
Чомъ до мене не говоришь?» —
«Не говорю, и не буду,
Шкода, серце, твого труду!
Якъ я маю говорити,
Коли мати хоче бити,
Не такъ бити, якъ лаяти,
Абы съ тобовъ не стояти?
Ой якъ пôде ненька спати,
Тогды будемъ розмовляти,
Не годину, но чотыре,
Щобы 'сьмо ся натѣшили.
Ой якъ будутъ куры пѣти,
Тогды будемъ спати ити,
Абы ненька не пôзнала,
Та що я ся не выспала.» —
«Ой ты, ненько, ой ты ненько,
Болитъ мене серденько,
Болитъ мене и душа,
Где дѣвчина хороша!»

69.

(Т. II, 589; Паул. II, 75.)

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Ой склоню я головоньку,
На мамину постѐлоньку,
Чей же я засну!

* *
*

Матенька иде,
Якъ вода плыне:
«Стиха, стиха, челядонько!
Нехай засне дитятонько,
Не выспалося!»

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Ой склоню я головоньку,
На татову постêлоньку,
Чей же я засну!

* *
*

Татêнько иде,
Якъ вода плыне:
»Єтиха, стиха, челядонько!
Нехай засне дитятонько,
Не выспалося!

* *
*

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Ой склоню я головоньку,
На свекрову постêлонку,
Чей же я засну!

* *
*

А свекоръ иде,
Якъ вѣтеръ гуде:
«Сонливая, дрêмливая,
До роботы лѣнивая
Невѣста моя!»

* *
*

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Положу я головоньку,
На свêстину постêлоньку,
Чей же я засну!

* *
*

Свêстонька иде,
Якъ вѣтеръ гуде:

«Сонливая, дрѣмливая,
До роботы лѣнивая,
Братова моя!»

* *
*

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Положу я головоньку,
На мужову постѣлоньку,
Чей же я, засну!

* *
*

А мой мужъ иде,
Якъ вода плыне:
«Тихо, тихо, челядонько!
Нехай засне дитятонько,
Не выспалося!»

70.

(Паул. II, 67.)

Казала мати
Куры скликати:
«Цюръ, цюръ, куроньки!
Цюръ, цюръ, любоньки!
Ходѣть до хаты!»
Казала мати.

* *
*

Казала мати
Гуси скликати:
«Гусь, гусь, гусоньки!
Гусь, гусь, любоньки!
Ходѣть до хаты!»
Казала мати.

Казала мати,
Качки скликати:
«Тась, тась, качоньки!
Тась, тась, любоньки!
Ходѣть до хаты!»
Казала мати.

* *
*

Казала мати
Хлопцѣй скликати:
«Ходѣть хлопоньки!
Бѣжѣть, любоньки!
Бѣжѣть до хаты!»
Казала мати!

71.

(Паул. II, 79.)

Ой чіи то тернословы
У саду зацвѣли?
Ой то нашого Вôйта,
Що мае три сыны:

* *
*

Одинъ пôшовъ на панщину,
Другій до млына,
А самъ пôшовъ до корчмоньки,
Та й напився вина.

* *
*

Ой прійшовъ же сынъ найменшій,
Шапочку тримае:
«Ходѣть до домъ, татуненьку,
Бо уже свѣтае!»

72.

(Т. 279; Паул. II, 142.)

Смутный ходжу, невеселый, бѣдный чоловѣкъ,
Що не маю счастья черезъ весь мôй вѣкъ!
Куда пôду, повернуся, не маю радости,
Тôлько въ очахъ завше слезы, а въ серцу жалости
На чужинѣ блукаюся, марне вѣкъ свôй трачу,
За слезами кръвавыми я свѣта не бачу.
Утративъ я лѣта марне въ журбѣ и клопотѣ,
Нйхто жь менѣ не порадитъ, бѣдному сиротѣ!
Когда бы я мавъ вôтця, хлѣбъ, тежь и матку,
Нигды бы 'мь ся не засмутивъ нй въ жаднôмъ припадку.
Они бы ми порадили, що маю чинити,
А теперь я самъ не знаю, якъ на свѣтѣ жити.
«Ой ты, доле несчасная, то же 'сь ты мя зъѣла,
И найменшая пташина того бъ не стерпѣла!
Призри, призри, съ небесъ, Боже, къ тебѣ я дуфую,
Не дай же менѣ вмирати у чужôмъ краю!
Додай, Боже, ласки своéй, якъ на свѣтѣ жити,
А проживши на сêмъ свѣтѣ, въ небѣ тя хвалити!»

73.

(Паул. II, 143.)

Въ недѣленьку рано розыгралося море:
Не одному сыну на чужинѣ горе!
Выйду я за ворота, стану якъ сирота,
Нихто жь мене не займае, я бѣдный сирота!
Та летитъ орелъ сизый, орелъ сизокрылый:
«Чого стоишь, чого тужишь, мôй сыну единый!» —
«Та порадь менѣ, орле, що маю робити?
Та померъ отець, мати: що менѣ чинити?» —
«Та и я не знаю, та и ты не знаешь.—
Покидай сей край, де родину маешь;
Та иди на Вкраину, тамъ знайдешь родину,
Тамъ знайдешь родину, любую дѣвчину!»

74.

(Паул. II, 125.)

Ой за вороты яво̂ръ зелененькій,
А нимъ вѣтеръ колыше:
«Та десь то моя кохана дѣвчина
Чотыре листы пише.

* * *

Хоть най напише, хоть най залише,
Най въ тугу не вдаеся:
За чотыре недѣлоньки
Та най мене сподѣваеся!»

* * *

«Ой бо то чотыре недѣлоньки
Та не палцёмъ змахати;
А кого жь бо я вѣрненького любью
Та тяжко го понехати.» —

* * *

«Ой тамъ за горою яра пшениченька,
Та буйная, буйнесенька:
Та чогось моя любая дѣвчина
Смутная, смутнесенька!»

75.

(Паул. II, 126.)

Ишли волы ой зъ за горы, а все кружъ дороги:
Ишли, ишли Козаченьки, а все чорнобровы.
«Чомъ ты мене, моя мати, рано не збудила,
Ой якъ тая компанія зъ села выходила?» —
«Тымъ я тебе, моя доню, рано не збудила,
Ишовъ милый въ самый передъ, що бы 'сь не тужила.» —

«Ой ты мовишь, моя мати, що я не журюся,
Ой якъ выйду на улицю, вôдъ вѣтру валюся.
Ой ты мовишь, моя мати, що я и не плачу,
За дрôбными слёзоньками и свѣта не бачу.
Пôди мати, пôди мати, купи менѣ голку,
За чотыре золотыи червоного шовку:
Шовкомъ шила, шовкомъ шила, срêбромъ гафтовала,
Все для свого миленького, що вѣрне кохала.»

76.

(Паул. II, 44.)

Казавъ ми батенько пôгнати козы
Въ зелену дуброву, въ густыи лозы,
Кричала, лаяла дѣдчая мати,
Збудила зъ свѣтанья, не дала спати.
Заснувъ я такъ крѣпко, спавъ три годины,
А все жь то, матêнько, зъ дѣдчой причины.
Пôдведу голову, продру очоньки,
Обачу, що не машь моей козоньки.
Бѣгаю по лѣсѣ сюда, не туда,
Назадъ ся вертаю, не знаю куда;
Оглянуся и бѣгну прудко до лѣса,
Цы ей не зъѣли вовки до бѣса?
Бѣгаю по лѣсѣ, собою нуджу,
Щось лежитъ пôдъ садомъ, зъ далека виджу;
Обачу и зъ близка дѣвчину спячу,
Не смѣю збудити, тôлько не плачу.
И стисну дѣвчинѣ бѣлй ручоньки,
Оглянется, отворитъ чорнй очоньки;
Кричала, лаяла, я не лякався,
Най же 'мь оченька нацюловався!

77.

(Паул. II, 43.)

Стоявъ чернець надъ водою,
Мавъ соловья изъ собою;
Хотѣвъ му дати питоньки,
А вôнъ фуръ, фуръ изъ клѣтоньки!
«Утêкъ соловѣй мôй, бѣгаймо, лапаймо!
Милый соловѣйчику тяхъ, тяхъ, тяхъ!
Шкода тебе, любчику, ахъ, ахъ, ахъ!»

* *
*

«Повернися до клѣтоньки,
Будешь менѣ спѣватоньки:
Дамъ ти ѣсти и водицѣ,
Зъ якъ найчистои кирницѣ.
Утѣкъ соловѣй мôй, бѣгаймо, лапаймо!
Милый соловѣйчику, тяхъ, тяхъ, тяхъ!
Шкода тебе, любчику, ахъ, ахъ, ахъ!» —

* *
*

«А нѣ ѣсти, нѣ водицѣ,
Не хочу я вже зъ кирницѣ,
Волю ся въ рѣцѣ напити,
Але вольности зажити.» —
«Утѣкъ соловѣй мôй, бѣгаймо, лапаймо!
Милый соловѣйчику, тяхъ, тяхъ, тяхъ!
Шкода тебе, любчику, ахъ, ахъ, ахъ!

* *
*

Прійшовъ чернець до домоньку,
Взявъ ся бити въ головоньку:
«А що жь я буду дѣяти,
Нема вже кому спѣвати!
Утѣкъ соловѣй мôй, бѣгаймо, лапаймо!
Милый соловѣйчику, тяхъ, тяхъ, тяхъ!
Шкода тебе, любчику, ахъ, ахъ, ахъ!»

78.

(Паул. II, 114.)

Въ зеленомъ гаѣ, ясного ранку,
Кує зазуля безъ перестанку:
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

* *
*

Пошла дѣвчина тамъ зѣлье рвати,
Стала зъ росою собѣ гукати:
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

* *
*

«Чого 'сь, дѣвчино, такъ рано встала,
Перше гукаешь, якъ я кувала?» —
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

* *
*

«Менѣ, зазулё, серце ся крае,
Глянь на голубка, въ парѣ брукае:» —
Бруку, бруку, бруку, бруку, бруку, ку!

* *
*

«Нехай то тебѣ ничь не мѣшае,
И твой миленькій вже повертае.» —
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

* *
*

Скоро дѣвчина войшла до хати,
Стала матери розповѣдати.
Штуку, штуку, штуку, штуку, штуку, ку!

* *
*

Дивится въ вокна, щось ся мигае,
Миленькій въ двери, вже свой знакъ дае.
Пуку, пуку, пуку, пуку, пуку, ку!

Найперше ей счастья вйншуе,
Потомъ въ бѣленьку руку цѣлуе;
Въ руку, въ руку, въ руку, въ руку, въ руку, ку!

* *
*

Такъ то зазулѝ правду спѣваютъ,
Дѣвчата голосъ ей выславляютъ.
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

79.

(Лучкая Грамат. стр. 173.)

«Заспѣвай ми, зозуленько: ку!
Заспѣвай ми хорошенько,
Кедь ты спѣвашь, маi ми легко,
Куку, куку, ку!

* *
*

По зеленыхъ дубровинахъ: ку!
По зеленыхъ дубровинахъ,
Чути голосъ по ровнинахъ:
Куку, куку, ку!

* *
*

Кой ся голосъ твой зашибать,
Кой ся голосъ твой зашибать,
Мене радость ажь прошибать;
Куку, куку, ку!

* *
*

Бо приходитъ ми на гадку,
Бо приходитъ ми на гадку,
Кой избирала я растку,
Куку, куку, ку!

Избирала, извивала: ку!
Избирала, извивала,
Миленькому подавала,
Куку, куку, ку!

* *
*

А онъ мене ймивъ за руку, ку!
А онъ мене ймивъ за руку,
Та й истиснувъ помаленьку,
Куку, куку, ку!

* *
*

Дай ми, Боже, такъ прожити, ку!
Дай ми, Боже, такъ прожити,
Такй яри искусити,
Куку, куку, ку!

80.

Ой стояла дѣвчинонька Попова,
На городѣ морховцю полола:
На городѣ морховка, пастернакъ,
Заскалила ноженьку на бодакъ.
«Ой пôшлѣть по мамуню, по Дячка,
Вытягнути зъ ноженьки бодачка!
Бо у Дячка рученька бѣленька,
Що Суботы булочка тепленька.
Болитъ менѣ ноженька зъ бодачка,
Дайте мене, мамуню, за Дячка!
Таки мене сѣчьте, та й рубайте,
Таки мене за Дячка вôддайте!»

81.

Ой мамо, мамо!
Не буди мня рано;
Бо я сама знаю,
Коли встати маю.

* *
*

Якъ встану раненько,
Каждому выгоджу,
Якъ встану пôзненько
Каждому зашкоджу.

82.

Ой выросла сосонька и гôльця,
«Не дай мене, мамуню, за вдôвця;
Бо вдовець ничь не робитъ, тôлько пье,
Прійде до дому, мене бье, мене бье.» —
«Ой привыкай, доненько, привыкай:
Вôнъ до дому, ты втêкай, ты втêкай. —
«Не одну я ноченьку стерегла,
И пôдъ новой стрѣхой сидѣла;
Якъ воробейчикъ въ стрѣшѣ шелепне,
Моя душка стелепне, стелепне!»

83.

На улицѣ громада,
Гей, жêнка мужа продала.
Гей!
А за що жь го продала?
Гей, за три трошп продала.
Гей!
Накупила ячменю,
Гей, наварила солоду.
Гей!

Стала пиво варити,
Гей, салдатъ въ гости просити.
Гей!

Салдаты ся попили,
Гей, та й хаджайку побили.
Гей!

На улицѣ громада,
Гей, жёнка мужа продала.
Гей!

84.

Пріѣхавъ я коло млына,
Выйшла мила чорнобрôва.
Гопъ, чукъ, черчукъ, хлопчикъ ладный!
На черчуку пасъ едвабный!

* *
*

Пріѣхавъ я въ ворота,
Вышла мила красша злота.
Гопъ, чукъ, черчукъ и т. д.

* *
*

Взяла коня за уздечку,
А милого за ручечку.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Дала коню вôвса, сѣна,
А милому меду, вина.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Сама сѣла, задумала,
Чорны очи заплакала.
Гопъ, чукъ и т. д.

«Чого 'сь сѣла, задумала,
Чорны очи заплакала?
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Чи тобѣ жаль меду, вина,
Чи тобѣ жаль вôвса, сѣна?» –
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

«А ни ми жаль меда, вина,
А ни ми жаль вôвса, сѣна.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Только ми жаль того свѣта,
Щô идутъ ми марне лѣта.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Черчукъ чорны очи мае,
Я го люблю, вôнъ не знае.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Черчукъ мае черевички,
И самъ черчикъ невеличкій.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Черчукъ мае реверенду,
Вôнъ до мене въ перебенду.
Гопъ, чукъ и т. д.

Черчукъ проситъ, щобы сѣсти,
Бо вôнъ мае щось повѣсти.
Гопъ, чукъ и т. д.

* * *

А я сяду, поклонюся,
Поцѣлую, обôймуся.
Гопъ, чукъ и т. д.

* * *

Не могла 'мь ся надивити,
Мусѣла 'мь ся полюбити.
Гопъ, чукъ и т. д.

* * *

Не могла 'мь ся налюбити,
Мусѣла 'мь ся оженити,
Гопъ, чукъ, черчукъ и т. д.

85.

Черчикъ мае черевички,
А самъ черчикъ невеличкій,
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный,

* * *

Черчикъ мае реверенду,
Та й до мене въ перебенду.
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

* * *

Черчикъ чорнiй очи мае,
Я го люблю, вôнъ то знае
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

Ой прійшовъ я край ворота,
Выйшло дѣвче красче злота.
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

* * *

Кониченька до стаенки,
Черчиченька до хатоньки.
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

* * *

Коникови вôвса, сѣна,
Черчикови меду, вина.
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

86.

Не пôду я черезъ кладку,
Щобы 'мь не упала,
Не пôду я за богача,
Щобы 'мь не пропала.

* * *

Бо въ богача низькі двері,
Высокі пороги,
Буде вôнъ ми вымавляти:
«Где волы, коровы?»

* * *

Мене люди не годуютъ,
Та й не прикрываютъ,
Най же менѣ волôвъ, коровъ,
Вже не вымавляютъ!

Сѣю рожу по дорожу,
Сама рожа сходитъ.
Я Козака не чарую,
Самъ до мене ходитъ.

* * *

Я не вмѣла чаровати,
Мене люди вчили,
По двѣ кварты горѣлоньки
До мене носили.

* * *

По двѣ кварты горѣлоньки
И по квартѣ пива,
Не могли ся здивовати,
Що я чорнобрива.

87.

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Молодому въ свѣтѣ жити,
Кого люблю не видѣти.
Гей, гей! кого люблю не видѣти!

* * *

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Всюды людей въ парѣ бачу,
А я, бѣдный, зъ лиха плачу.
Гей, гей! 2.

* * *

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Що по счастью, що по доли,
Коли жити по неволѣ!
Гей, гей! 2.

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Черезъ твои чорны очи,
Не спавъ же я штыря ночи.
Гей, гей! 2.

* * *

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Черезъ твои бѣлы руки,
Дознавъ же я не разъ муки.
Гей, гей! 2.

* * *

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Заказали отецъ, мати,
Щобъ дѣвчины не кохати.
Гей, гей! 2.

* * *

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Положу я серце, душу,
За тобою пойти мушу.
Гей, гей! 2.

* * *

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Всюду бачу дѣвчатъ много,
Не вылѣчатъ серця мого.
Гей, гей! 2.

* * *

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Розлучили пару милу,
Щобъ глядѣли на могилу.
Гей, Гей! 2.

Русскіе крестьяне Черновецкаго уѣзда села Кучурмикъ въ Буковинѣ.

88.

Кривда зъ неба высокого,
Якъ я си сгадаю,
Трудно взяти, кого хочу,
Хоть я и кохаю.

* *
*

А я тебе люблю,
Та и серце сушу,
Истинную правду
Сказати ти мушу.

* *
*

Очи твои сивенькіи
И чорныи брови,
Уста твои коралевы
И вдячныи мовы.

* *
*

А я не знаю,
Що маю дѣяти,
Не маю я отъ кого
Порадоньки взяти.

* *
*

Пораджу я ся
Въ Волоского Пропопа,
Ой хоть бы грѣхъ, хоть десять,
Хоть бы и копа.

* *
*

Нехай ми позволитъ,
Тебе, серце, взяти,
Изъ твоей красоты
Покористати.

Але видно, не позволитъ,
Самъ Богъ изъ неба,
Любѣмося, серце мое
Бо такъ намъ треба.

(Изъ Буковины.)

89.

Якъ до кумы не ходити,
Коли кума гожа,
Коли кума молоденька,
Якъ зоря хороша?

* *
*

Якъ до кумы неходити,
Коли кума гладка?
А у кумы густый садокъ
И бѣленька хатка.

* *
*

Якъ до кумы не ходити,
Коли до неї близко?
Гей до кумы стежка бита,
Въ перелазѣ низко.

* *
*

Якъ до кумы не ходити,
Та хоть бы й далеко?
А у кумы губки солодки,
Цѣловати легко.

* *
*

Якъ до кумы не ходити
Коли запрошаетъ,
И вôконця на всю нôчьку
Отворомъ лишаетъ?

Якъ до кумы не ходити,
Коли ноги маю,
Коли скоро кумъ изъ дому
Я передомъ знаю?

* *
*

Най судитъ свѣтъ, якъ хочетъ,
Я то всѣмъ прощаю;
Кобы мы съ кумовъ здоровй,
О ничѣмъ не дбаю.

(Изъ Буковины.)

90.

Вôдь пôвночи вѣтеръ вѣє:
Нехай же вôнь вѣє,
Хоть у мене очи сухй,
Але серце млѣє.

* *
*

Не твоя то, вѣтре, воля,
А нй твоя сила,
Лешень мене лиха доля
На вѣки побила.

* *
*

Ахъ, Боже мой милосердый,
Лешь ты тымъ керуєшь:
Однимъ людямъ счастье берешь,
А другимъ даруєшь.

* *
*

«Повѣй, вѣтре буйнесенькій,
Вôтки я тя прошу,
Чей розвѣєшь тоту тугу,
Що на серцу ношу!» —

«А хоть же я буду вѣти,
Не буду втихати,
Таки тото не развѣю,
Що Богъ мае дати.» —

* * *

«Повѣй вѣтре буйнесенькій,
По за пански гумна,
Розвѣй тучу на серденьку,
Щось ми гадка сумна!»

91.

Гей, у млынѣ, у млынѣ,
Сподобалося менѣ,
Тамъ то мелникъ хорошій,
Меле жъ, Бôгъ ме, безъ грошій;
А ні мѣрки не проситъ,
Самъ огузку заноситъ,
Сыплетъ, мелетъ, пытлюєтъ,
Обôйметъ, цѣлуетъ.
А такій му справный млынъ,
Що тамъ будь, и все покинь!
Гей, у млынѣ, у млынѣ,
Сподобалося менѣ.

(Изъ Буковины.)

92.

«Моя рôдна мамуненько,
Любятъ мене хлопцй,
Даютъ менѣ по таляру,
Жита по коробцѣ.

* * *

А я жита не беру,
Бо я жито маю,
А съ хлопцями пожартую,
Бо я жарты знаю.

93.

Не шуми, луже, луже,
Ты, зеленый гаю,
Не завдавай серцу тугу,
Що я въ чужо̂мъ краю!

* *
*

Я сижу въ чужо̂мъ краю,
Якъ билинка въ полѣ,
Нема кому порадити
Головонцѣ моей.

* *
*

«Полеть, полеть, сивый орле,
Бо ты маешь крыла,
Полеть, полеть, сивый орле,
Де моя родина!

* *
*

Та не кажи, сивый орле,
Що я тутъ бѣдую,
Але кажи, сивый орле,
Що я тутъ паную.

* *
*

Тутъ-то мое панованье,
И тяжкое отдыханье,
Тутъ-то мои роскошеньки,
И дро̂бненьки слёзонки

(Изъ Буковины.)

94.

Не тяжко ся оженити,
Та на бѣду зôйти,
Богато бы походити,
Що бы чемне найти.

* * *

Кто высоко лѣтае,
Низенко падае,
Хто богато выберае,
На бѣду трафяе.

* * *

Летѣли два соколоньки
Съ чужой стороны,
Сѣли собѣ на явора
На широкôмъ полѣ.

* * *

Сѣли собѣ на явора.
Явôръ похилився:
Ишовъ милый дорогою,
Низенько вклонився.

* * *

Ишовъ милый дорогою,
Не казавъ ми слова,
Лишень махнувъ бѣловъ ручковъ:
«Будь, мила, здорова!»

* * *

Що жь бы тобѣ мôй, миленькій,
За сей уклонъ дати?» —
«Ой фусточку, моя мила,
Щобы ся втирати.» —

Ой я стою коло гаю,
Та й ручковъ махаю:
«Верни, милый, менѣ фустку,
Я вже ся вôддаю!

* *
*

Не хоче менѣ миленькій
Фусточку вертати,
Тôлько менѣ наказуе,
Ся не вôддавати.

* *
*

Тôлько менѣ наказуе,
Ся не вôддавати:
«Будешь мене, молодого,
Не разъ споминати!»

* *
*

«Подивися самъ на себе,
А вôдтакъ на мене,
Самъ бы 'сь собѣ помѣркувавъ,
Що ся не для тебе!

* *
*

Подивися самъ по собѣ,
А вôдтакъ по менѣ,
Ци богато подаруньковъ
Надававъ ты менѣ?»

* *
*

Бодай же ты моя мила,
Хирѣла, болѣла,
Кôлько лишь ты подаруньковъ
Вôдъ мене поѣла!» —

«Не клени мя, мôй миленькій,
Не клени, не кленя,
Стоя твои подарунки
Въ малёванôй скринѣ.

* *
*

Якъ мя будешь, мôй миленькій,
Сварити, сварити,
Будутъ твои подарунки
Въ моей скринѣ гнити.

* *
*

«Дай же менѣ, моя мамо,
Вôдъ скриннѣ ключи,
Най я ему повертаю,
Тѣ презента смучни!»

(Оттуда же.)

95.

Ой огнѣвавъ ся мôй миленькій,
Та й безъ причины на мене,
Коня сѣдлае, самъ ся збирае,
Та й ѣде פречъ вôдъ мене.

* *
*

«Де ты ѣдешь, де ся збираешь,
Мôй миленькій вôдъ мене?» —
«Не далеченько, мое серденько,
Вернуся до тебе.» —

* *
*

«Ахъ такъ кажешь, ты такъ говоришь,
Що бы я не тужила,
Буду тужити, хоть бы не жити,
Бо 'мъ тя вѣрно любила!

О кобы та й крылю я мала,
То бы я полетѣла
У ту краину, у ту сторону,
Миленького видѣла.

* *
*

Ахъ летю милю, ахъ летю другу,
Милого не видати,
Ахъ летю, паду въ вишневôмъ саду,
Та й зачну тамъ ковати.

* *
*

Ахъ выйшла дъ менѣ старая мати,
Сталася пытати:
«Ахъ що жь то за птахъ, що за пташина,
Въ садочку щебече?» —

* *
*

«Ахъ не есть то птахъ, не есть то птахъ,
Нй жадна пташина,
Лишь тото тужитъ та й за миленькимъ,
Молоденька дѣвчина.»—

* *
*

«Ахъ не плачъ, доню, не тужи, доню,
Не завдавай серцу туги;
Єсть того цвѣту по цѣломъ свѣту,
Лишь иди межи люди!»

(Оттуда же.)

96.

Цвѣти, цвѣти, дѣвчинонько,
Поки сонце грѣе!
Якъ засвищетъ буря сумна,
То краса зблѣдѣе.

Цвѣти, цвѣти, дѣвчинонько,
Для милого твого,
Притули го до серденька,
Поцѣлуй до того!

* * *

Поцѣлуй го, помилуй го,
Вôнъ тя не забуде,
Въ смутку вôнъ тебе потѣшитъ,
Вôнъ твой ангелъ буде!

(Оттуда же.)

97.

«Волошине, Волошине!
Навчи мене ворожити,
Навчи жь мене ворожити,
Якъ дѣвчину полюбити?»—
«Гôдуй еи ягôдками,
Красненькими словечками!» —

* * *

«Волошине, Волошине,
Навчи жь мене ворожити,
Навчи жь мене ворожити,
Якъ дѣвчину положити!» —
«Ой до горы оченьками,
До перины плеченьками!»

(Оттуда же.)

98.

«Що ты, сыну, зводишь?
Чому ся волочишь,
Господарство запускаешь,
Робити не хочешь?» —

«Хоть я, мамко, хожу,
То ся не волочу,
Полюбивъ емь дѣвчиноньку,
Та й ю взяти хочу.

* *
*

Хоть я хожу, хожу,
Злого, вѣдь, не звожу?
Въ миленькои не бувати
Не можу, не можу.

* *
*

Хоть до любки хожу,
Нй кому не шкожу,
Окрôмь серца щиренького,
Нй чо ей не ношу.

* *
*

Хоть до любки хожу,
Все дома ночую,
Свята въ ней отпроважаю,
На буднй працую.

* *
*

Я до милой хожу,
Та й буду ходити,
Та чей же ми Богъ поможетъ
Съ невъ ся оженити.

* *
*

До миленькой хожу,
Бо за невъ ся крушу,
Серце еи зъ моимъ ладится,
Женитися мушу.

Сивый голубъ, сивый,
Сивѣйша голубка:
Милый отець, мила мати,
Ще милѣйша любка.

(Оттуда же.)

99.

Изъ за горы, изъ за лѣса,
Вѣтрець повѣвае:
Скажи, скажи, милый вѣтре,
Якъ ся мила мае?

* *
*

Цы здорова, цы весела,
Личко румяненьке,
Цы сумуе, цы горуе,
Цы личко блѣденьке?

* *
*

Бо я тужу, бо я плачу,
Слозами вмываюсь,
Веселои годиночки
Вже не надѣваюсь.

* *
*

Кобы менѣ крильця мати,
Соколомъ злетѣти,
Тяжку тугу изъ серденька
При милôй розбити.

* *
*

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Що день и що ночи,
Щобъ ся милôй надивити
У сивеньки очи.

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Зорями ясными,
Щобъ менѣ ся натѣшити
Ручками бѣлыми.

* *
*

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Свѣтомъ бѣлесенькимъ,
Щобъ менѣ ся натѣшити
Личкомъ румяненькимъ.

* *
*

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Лѣсами, горами,
Щобъ менѣ ся натѣшити
Милыми словами.

* *
*

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Вечеромъ миленькимъ,
Щобъ менѣ ся натѣшити
Ходочкомъ дрѡбненькимъ.

* *
*

Ахъ я бѣдный, несчасливый,
Я й крилець не маю;
Сохну, чахну, въ далечинѣ,
Всякъ день умераю!

100.

(Паул. II, 469.)

Ой умру я, умру,
Буду ся дивити,
Та якъ буде мôй миленькій
За мною тужити.

Ой ставъ, зажурився,
Пôйшовъ, пôдголився:
«Кобы взяли тѣло зъ хаты,
Я бы оженився!« —

* * *

Дѣти тое вчули,
Та й стали плакати:
«Мамко жъ наша рôдненькая,
Намъ вже васъ не мати!» —

* * *

Дѣти тое вчули,
Стали голосити:
«Збирайтеся, сестры, братя,
Та й ходѣть служити!» —

* * *

Мати тое вчула,
Стала говорити:
«Тримайтеся, дѣти, въ купцѣ,
Та й не йдѣть служити!» —

* * *

Мати тое вчула,
Стала говорити:
«Тримайтеся, дѣти, въ купцѣ,
Я ще буду жити.» —

* * *

«Ахъ мила, ты, мила!
Яка ты зрадлива,
А я гадавъ, що ты вмерла,
А ты ще ожила!»

«Ой я, милый, жила,
Та й ще буду жити,
Та най же той вмерае,
Що ся хтивъ женити!»

101.

Ой хора я, хора,
Вѣдай же, я умру,
Та пôйдѣтьже, та приведѣть,
Кого вѣрне люблю!

* * *

Ой пôдѣте, приведѣте,
Попа та и Дяка,
Щобы мене высповѣдавъ
Та й зъ за живота.

* * *

Дамъ Попови штири волы,
А Дякови два, два,
Щобы менѣ читавъ Псалтырь
Вôдъ вечера до дня.

* * *

А вамъ, сусѣдоньки,
Дрôбний коралй,
Щобы 'сте мя положили
Красненько на лавѣ.

* * *

А вамъ, дѣтотоньки,
Бѣліи сорочки,
Щобы 'сте ми щебетали,
Якъ ластѣвотоньки.

А тобѣ, грабарю,
Сивую кобилу,
Щобы 'сь менѣ та й выкопавъ
Высоку могилу.

* *
*

А вамъ же, пяници̂,
Дамъ корець пшеници̂,
Щобы сте мя споминали
Ой при піятици̂.

* *
*

Пяниченьки пьють, пьють,
Горѣвочку пьютъ, пьютъ;
«Та де наша кумка любка,
Що еи нема тутъ?»

102.

Тяжко жити въ чужôмъ краю
И въ краснôй чужинѣ,
Ой бо, вѣдай, въ самôмъ раю
Не якъ въ Буковинѣ.

* *
*

Всюди чудни̂ красавици̂,
Пышни̂ якъ калина,
Але надъ всѣхъ найчуднѣйши̂
Родитъ Буковина.

* *
*

Всюди можна добре жити,
Купатися въ винѣ,
Але найхороше пити,
Жити въ Буковинѣ.

Пріятеля знайдешъ всюди,
Серце не загине,
Але пріязнѣйшй люде,
Люде въ Буковинѣ.

* * *

Добрымъ легко загибати,
Всюди и въ чужинѣ,
Але легше умерати
Въ краснôй Буковинѣ.

* * *

Тому жій у рôднôмъ краю,
А не гинь въ чужинѣ,
Ой бо, вѣдай, въ самôмъ раю,
Не якъ въ Буковинѣ.

103.

Шла дѣвчина по калину,
Загубила фартушину,
Богословъ подôйшовъ,
Фартушину знайшовъ.

* * *

«Богослове, Божій сыну,
Верни менѣ фартушину;
Бо я дѣвче молоде,
Спомянути та будь где.»—

* * *

«Фартухъ тобѣ не спираю,
Лишь отъ тебе я желаю,
Поцѣлюй ти зъ разъ мене,
Най ми жарь промене!»—

«Заказала менѣ мати,
Щобъ въ житью не цѣлювати,
Якъ до дому пріиду,
Несчаслива я буду.»—

* * *

«Не бойся ти твоей мати!
Хто ма ей розповѣдати?
Пригорни, поцѣлюй,
Менѣ серце подаруй!»

104.

Хожу, блужу, дубровами,
Темнымъ лѣсомъ и ярами,
Дробны слёзы проливаю,
Же изъ миловъ не буваю.

* * *

Выйду въ гору высокую,
Вижу рѣку глыбокую,
Трудный сяду и заплачу,
Шо Ярину я не бачу.

* * *

Одти спустюся въ долину,
Гляну на лѣсъ, на калину,
И тамъ сперти плачь не можу,
Же зъ милою ся не схожу.

* * *

Лазомъ бжоли выгравають,
Гаемъ пташятка спѣвають,
А я плачу, умлѣваю,
Же миленьку не видаю.

Пойду въ садъ, тамъ людскй дѣти,
Бѣжу, милу радъ бы взрѣти,
Прійду, сплачу, верну швидко,
Бо милои й тамъ не видко.

* *
*

Отъ такъ день за днемъ минаетъ,
А въ мнѣ серце умлѣваетъ,
Зъ плачемъ хожу, зъ плачемъ сижу,
Бо миленьку я не вижу.

105.

Ой у полѣ, при долинѣ,
Здыбалися двѣ дѣвчинѣ,
Єдна зъ друговъ ся витае,
За милого ей пытае:

* *
*

«Сестро моя найщирая,
Будь же менѣ зичливая,
Уповѣжь мнѣ вѣрну правду,
Где милого мого знайду?»—

* *
*

«Рада бы 'мь ти послужити,
Твое серце звеселити,
Лишь не можу, же не знаю,
Бо я иного кохаю.»—

* *
*

Ахъ Боже мôй милостивый,
Будь же менѣ добротливый,
Приверни го, най зобачу,
Най не тужу, най не плачу!

Бо якъ я его не вижу,
Въ день и ночи сумно сижу:
«Мѣсяченьку перекрою,
Возми мене изъ собою!»

* *
*

Може тамъ вôнъ гдесь мандрує,
Зъ зброньками та жартує,
Верни, милый, бо конаю,
А нй жію, нй вмираю.

106.

Мйзерія на сêмъ свѣтѣ менѣ молодому,
Що не маю пріятеля та й у моêмъ дому,
Менѣ молодому якъ въ день, такъ въ ночи,
Безъ престанку плачутъ чорны очи
За дѣвчиною.

* *
*

Надъ рѣчкою, надъ быстрою, трава полягае,
Тамъ дѣвчина моя мила зъ жалю умирае:
«Не плачь, дѣвчино, не псуй очи,
Тôлько проси Бога, якъ въ день, такъ въ ночи!
Чей я тя возму.»

* *
*

Люде менѣ розражаютъ, що посагу мало,
Коли менѣ моя мила до серця припала;
Хоть посагу мало, все тое фрашки,
Возму дѣвчину изъ Божои ласки,
Чей я ся дороблю.

* *
*

Ой пôду я въ лѣсы, въ горы, та й въ широку пущу,
Ажь тамъ я ся замурую, нйкого не пущу,

Хиба бы тамъ дѣвчина прійшла,
Хиба бы мя въ той пущи знайшла,
До мене прійшла.

* * *

Два голубы воду пили, а два колотили:
Бодай тотѣ непрощенны, що насъ розлучили!
А нѣ я спью, а нѣ я сижу;
Коли дѣвчины своей не вижу,
Самъ себе ненавижу.

(Изъ Буковины.)

107.

(Паул. II, 138.)

Несчаслива годинонька
Менѣ молодому,
Що не виджу дѣвчиноньки,
Нигды въ своемъ дому!
А нѣ я сплю, а нѣ я ти сиджу,
Та коли я тя, серце, не виджу,
Самъ себе ненавиджу.

* * *

Ой пôду я въ темнѣ лѣсы,
Та й въ велику пущу,
Ой тамъ я ся замурую,
Нѣкого не впущу:
Та хиба бы тамъ дѣвчина прійшла,
Та щобъ мя въ той пущи найшла,
Хиба бы до мене прійшла.

* * *

Ой у лѣсѣ, при долинѣ,
Трава полягае,
Ой тамъ моя чорнобрôва
Зъ жалю умирае:

Та не плачь, дѣвчино, не псуй очи,
Та проси Бога до помочи,
Чей я тя возьму!

* *
*

Ой хоть люде вѣдмовляютъ,
Що посагу мало;
Коли жь менѣ дѣвча миле
До серця припало,
То посагъ, скарбы, то все фрашки;
Та возьму дѣвча зъ доброй ласки,
Чей я ся дороблю.

* *
*

Ой летѣло два лебедѣ,
Зимну воду пили:
Бодай тыи не сконали,
Що насъ розлучили!
Менѣ молодому якъ въ день, такъ въ ночи,
Безъ перестанку плачутъ очи
За дѣвчиною.

108.

(Павл. II, 122)

Верхъ Бещейла зеленого
Пасе милый коня свого,
Пасе, пасе, попасуе,
На миленьку посвистуе:

* *
*

«Мила моя, чорны ока,
Выйди до мня до потока,
До потока глубокого,
До явора зеленого!»—

«А якъ бы я къ тобѣ выйшла,
Кедь ты кажешь, што я пышна,
Нѝ я пышна, нѝ ся гневамъ,
Лемъ до тебе волѝ не мамъ.»

109.

А я съ ночи прела клочье,
Сегодне повѣсмо:
«Сѣдай, милый, коло мене,
Хоть намъ буде тѣсно!»

* * *

А я сночи прела клочье,
А сегодне волосъ:
«Чому жь тобѣ, мôй миленькій,
Не чути твôй голосъ?»

(Изъ Гуцуловъ.)

110.

«Теши, сыну, есенину,
Теши, сыну, свôрни:
Не йди, дѣвко, за удôвця,
Чекай своей рôвни!

* * *

А удовець не молодець,
Метъ бити, кортати,
Мое личко румененьке
Метъ дъ свому рôвнати.

* * *

А удовець не молодець,
Буде мене бити,
Та шо днинка, шо годинка,
За вѣнцемъ гонити.

Ой прійшла я до дьедика:
«Дай-ко, дьедю, волы!
Не можу я угодити
Своей пустой доли!» —

* *

«Не знаю я, моя мамко,
Єкъ бы му вгодити,
Єкъ бы менѣ свою бѣду
Гôрку солодити.»

* *
*

Ой пôду я воду брати
Двома коновками,
Пуста доля се вхопила
Обѣма руками.

* *
*

Покладу я колопеньку
Та въ мочилиньку:
Такъ и менѣ съ пустовъ долевъ
Пробувати гôрко.

* *
*

Пусту долю ни продати,
А ни промѣняти,
Пришлось менѣ съ пустовъ долевъ,
Свôй вѣкъ коротати.

111.

А чіи то пôдкôвочки
По камѣню крешутъ?
А чи того ледѣника,
Шо за него брешутъ?

Крешѣть, крешѣть, пôдкôвочки,
Огню додавайте,
Судѣть, судѣть судѣмицѣ,
Хоть се розсѣдайте!

* * *

Судѣть, судѣть, судѣмицѣ,
На камêнье бъ дули,
Дай имъ, Боже, кежку болу,
Шо бы мне забули!

* * *

Дай имъ, Боже, кежку болу,
Зелену руточку,
Шобы мене та забули
Хоть на годиночку!

* * *

Та куе ми зазулиця
Въ Сиготѣ у плотѣ:
Та чому ты не спѣваешь?
Чи файка ты въ ротѣ?

* * *

Пôшовъ бы я въ данчикъ, данчикъ,
Зъ вами данцувати,
Та не маю жовтыхъ чобôтъ
Голубцѣ сбивати.

112.

Шкода травы шовковои слѣпымъ конемъ пасти,
Шкода мене молодои пьеницѣ се впасти!
Шкода мене молодои, шкода мого зросту,
Ой прійде ми топитисе зъ высокого мосту!

«Не тописе, не губисе, бо душу загубишь,
Сѣдай со мновь на коника, коли мене любишь!
Сѣдай со мновъ на коника, та й на вороного,
Коли 'сь мене сподобала хлопця молодого!»

113.

(T. I; стр. 166.)

Радять менѣ, щобы ся вѣнчати,
Щобъ дѣвочій станъ покидати:
Чи жь вамъ моя неволя мила,
Ще 'мь ся дѣвковъ не находила?

* *
*

Нехай тога замужь спѣшится,
Которой личко мѣнится,
Я молода, якъ ягода,
Єще жь мене замужь шкода.

* *
*

Я дѣвчиновъ иду, где схочу,
И ни чѣмъ ся не заклопочу,
А ни ѣдовъ, ни одежою,
А ни мужомъ, ни дитиною.

* *
*

Бачу жь я, мои ровесниці,
Що имъ сблѣдли руманы лиці
Спѣшилися борзо вѣнчати,
Рады бы ся назадъ повертати.

* *
*

Не гадаю я ся вернути,
И вамъ жичу въ тѣмъ станѣ бути,
Но, дѣвчата, на то уважайте,
Лада кому не присягайте!

Хоть бо я трошки змарнѣла,
Таки жь бо я мужови мила,
А дѣвчина якъ стане марна,
Нихто не скаже, що она гарна.

* *
*

На що жь менѣ куда ходити,
На що менѣ гультаѣвъ глядѣти,
На що менѣ счастья лѣпшого,
Коли маю мужа вѣрного?

* *
*

Маю ѣсти, маю пити,
И хорошо въ чёмъ ходити:
Коли мя мужъ вѣрне кохае
И о моемъ счастью дбае.

114.

(В. изъ Олесьна.)

На погибель прійде тому,
Хто веде бѣду до дому,
Въ жёнцѣ заробку шукае,
За маетокъ серце дае.

* *
*

Горькй его суть роскоши,
Сушатъ мозокъ её гроши,
А зъ вечера ажь до рана
То стрижено, то голено

* *
*

Нимъ замужъ поде дѣвиця,
Уложится якъ лисиця;
А якъ жёнкою зôстане,
Чоловѣкъ бѣса дôстане.

За разъ она скаже ёму:
«Ты не годенъ серцу мому;
Ты убогій, я богата,
Моя правда, моя хата.»

* * *

А нашъ бѣдный сосѣдерко,
Узявъ собѣ богатерку,
Напытавъ собѣ роботы,
Що мѣсяць новы чоботы.

* * *

И чоботы, и лѣтники,
И коралѣ, заушники,
Въ свято, недѣлю музыка,
Совсѣмъ сгубитъ чоловѣка.

* * *

Єще прійде и до дому,
И не скаже ничъ никому,
Тôлько бѣдный проклинае,
Що за грошѣ клопôтъ мае.

* * *

И вдовицѣ не хватайся,
Лѣпше людей запытайся;
Они скажутъ: «Красна перла,
Лѣпшій обѣдъ, якъ вечера!»

* * *

«Уважайте, хлопцѣ живы,
Що то робитъ мужъ лукавый,
Серце свое запродати,
Цѣлый вѣкъ неволю мати!»

«На посагъ не уважайте,
А добрыхъ жёнокъ шукайте;
Зъ доброй роли, кажутъ люде,
Добрый и урожай буде.

* * *

Я собѣ взявъ жёнку вбогу,
Жію съ нею, хвала Богу;
Менѣ хлѣба кусень милый,
Що сй руки заробили.

* * *

Чи въ погоду, чи то въ слоту,
Иду сь нею на роботу,
Иду въ поле съ нею жати,
Мило разомъ працёвати.

* * *

Часомъ бѣда въ день докучитъ,
Чоловѣка ся намучитъ,
Въ вечёръ мила поцѣлуе,
Нову силу въ собѣ чую.

115.

Самъ же я не знаю,
Чого я смучуся,
Ци я допѣро
Плавати учуся?

* * *

Знаю я, що бѣда,
Знаю, що пригода,
Ворогамъ моимъ
Завше непогода.

Вороги мои!
Скажѣте вы мнѣ,
Що 'сте за причину
Глядѣли во мнѣ?

* * *

Що я вамъ такого
Учинивъ злого,
Що вы мя судите
Якъ бы остатного?

* * *

Взяли 'сте и гноръ,
Взяли 'сте и славу,
Взяли 'сте и славу
На далеку страну.

* * *

Серце хоть озьмете,
Але не на довго,
Бо то, що и Богъ давъ,
Нî чо вамъ до того

* * *

Бо мое серце
Душа въ тѣлѣ носитъ,
Нî чіеи ласки
Нîколи не проситъ.

* * *

Тôлько ино едного
Бого найвысшого,
О справедливость,
А бôльше нîчого.

Боже мой ласкавый
Змилуйся надо мновъ,
Не дай загинути
Межи ворогами.

* * *

Дай ихъ серцу скрухи,
Бы ся спамятали,
Щобы тя во вѣки
Завше выхваляли.

116.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 676.)

Кедь я собѣ изгадаю
За давний лѣта,
Такъ мя слезки обливаютъ,
Што не вижу свѣта.

* * *

Кедь я собѣ изгадаю
Давну давиночку,
Скажу собѣ завязати
Съ платомъ головочку.

* * *

Журивъ есь ся, нудивъ есь ся,
Якъ мене любити,
А теперь ся журишь, нудишь,
Якъ мене лишити.

* * *

Закукала зазуленька,
Кукала в'на бѣла:
Иншу милу любку маешь,
Я сама видѣла.

119.

Коло млина ясенина,
Голубцѣ несуться:
Часомъ любка ничь не винна,
Люди набрешуться.

* * *

Ой на столѣ двѣ пистолѣ,
На лавицѣ гуслѣ:
Уже мене обрехали
Бѣлецки бѣдулѣ.

* * *

Ище 'мь огня не наклала,
Трѣски ся имили
Ище 'мь любка не любила,
Сусѣдки вчинили.

* * *

Спôдъ каменя воду беру,
На каменѣ стою:
Люди за 'ня много брешуть,
Я ся ихъ не бою.

* * *

Брешѣть, брешѣть, сусѣдочки,
Якъ сука на вовка!
Не болить 'ня жадна кôстка,
Нѣ моя головка.

* * *

Посѣю я круту мету
Межи берегами:
Тяжко менѣ пережити
Межи ворогами!

Гей, буду я крутѣ метѣ
Вершечки щипати,
Штобы мои вороженьки
Полêгали спати.

* *
*

А якъ мои ворожата
Полêгаютъ спати,
Тогды я се, молоденька,
Пôду погуляти.

(Оттуда же.)

120.

О солодкій мôй побратимку,
Купивъ бы 'сь ми катранинку!»
«Я бы тото, душко, не дбавъ,
Кобы о тôмъ никто не знавъ.
Будутъ о тôмъ люди знати,
Тебе бити, мене лáти.»
«Най бы били, най бы лáли,
Кобы намъ ся любить дали.
Ай бо и бьютъ, та и лаютъ,
Любитися намъ не даютъ.»

(Оттуда же.)

121.

Ой милый мôй, милый!
То ми на вкôръ робишь,
По пôдъ мôй оболокъ
До другои ходишь.

* *
*

До другои ходишь,
Мене обиходишь,
Та все мому серцю
На перекôръ робишь.

Добре тотъ ся мае,
Хто любость не знае,
Хто разъ побалуе,
До смерти бануе.

* *
*

Любосте, любосте!
Хто тебе сотворивъ,
Бодай тому Панъ Богъ
Царство не отворивъ!

(Оттуда же.)

122.

«Мила, мила! Де 'сь бывала,
Коли вода луги брала?»—
«Я стояла на бережку,
Держала 'мь ся за голузку.

* *
*

За голузку, за тернину,
Кликала 'мь ся на Йванину,
На Йванину молоденьку,
На душечку солоденьку.»

* *
*

«Де ты тогды, мила, стояла,
Коли дубровонька палала?»—
«Я въ решетѣ воду носила,
И нёвъ дубровоньку гасила.

(Оттуда же.)

123.

Ой соколе, соколеньку,
Далеко лѣтаешь,
Скажи менѣ, молодому,
Де милу видаешь?»

* *
*

«Твоя мила, якъ снѣгъ бѣла,
А око, якъ зоря,
Твоя мила лежитъ дома,
Изъ жалости хвора.

* *
*

Вчаровали ворожоньки,
Завидуютъ люде,
Либонь пышна Марiиця
Вже твоя не буде.»—

* *
*

«Ой кобы знавъ, мой миленькій,
Што я пороблаю,
Што про нёго въ душѣ моей
Спокою не маю.

* *
*

Надъ потокомъ зеленъ яворъ,
Та повисли листы:
Не е кому та донести
До милого вѣсти.

* *
*

«Сивый орле, сивый орле,
Ты всягды лѣтаешь,
А чей ты ся до милого
Мого дозвѣдаешь.

Лети съ листомъ ты до нёго,
Што писала мила,
Кажи ёму, што безъ нёго
Рокомъ мнѣ година.

* * *

Нй я ѣсти, нй я пити,
Лише плачутъ очи,
Въ день спочинку я не маю,
Годѣ спати въ ночи.

* * *

Скажи, скажи, сивый орле,
Мому миленькому:
Коли хочешь счастливъ быти,
То не вѣрить ни кому!

* * *

Витай, витай, сивый орле!
Што тамъ въ дзюбѣ млеть?
А ну повѣджь, сивый орле,
Вôтки прилѣтаеть?»—

* * *

«Вôтъ милой лечу твоей
И зъ листомъ до тебе,
Што писала до тя мила
Зъ наглои потребы.

* * *

Скажи теперь твоей милôй,
Цы ей щиро любишь?
Бо якъ её держишь въ зводѣ,
Долю ёй загубишь.»—

«Люблю, люблю, якъ самъ себе,
Надъ срёбро, золото,
Люблю её надъ му душу,
Вмру за ню съ охотовъ.

* * *

Моя мила, будь счаслива,
И я исъ тобою,
Молёмъ Бога горѣ зъ неба,
Дастъ намъ добру долю.

* * *

Богъ изолье на насъ дары,
Будемъ терпеливы,
Чей насъ Богъ получитъ съ собовъ
Будеме счасливы.

(Оттуда же.)

124.

На горѣ, на горѣ,
Зелененькій явôръ:
Пише на томъ листѣ
Листокъ давный фраиръ.

* * *

Я до него пишу
На зеленомъ шашу:
«Глядай собѣ, милый,
Вже про мене красшу!

* * *

Глядай собѣ, милый,
У чистôмъ золотѣ,
А менѣ дай покôй,
Худобнôй сиротѣ!»—

«Ой кедь бы ты была
Худобна сирота,
Ты бы не носила
Вѣнокъ изъ золота.

* *
*

Ай, ты бы носила
Зъ зеленои руты,
Такъ якъ други носятъ
Худобнѝ сироты.

* *
*

Не за то, не за то,
Лѣпша честь, якъ злато,
Бо златомъ злотити,
А съ честёвъ ходити.»

(Оттуда же.)

125.

Гей, у моемъ городочку
Зацвѣли два дубы:
Кобы намъ ся ничь не стало
Зъ великои любы!

* *
*

Вôтки сонце исходило,
Лѣщину палило,
Туды мое соколятко
Съ вôвцями ходило.

* *
*

Вôвчарь вовцѝ наганяе,
На ягната быркать,
Солодка ма вôвчарица
Вôчкомъ на 'ня зыркать.

Най позирать, бо мае чимъ,
И мае на кого:
Бѣло личко, якъ сонечко,
Чорни очи въ нёго.»—

* *
*

«Я самъ стою за горою,
Очи ми въ лѣщинѣ:
Снило ми ся: розойдемся
Тако й у сей зимѣ.»

* *
*

«И я стою за горою,
А ты за другою:
Прійде ми ся фоснукнути,
Хлопье, за тобою!»

(Оттуда же.)

126.

За рѣкою за быстрою,
Познавъ емь ся съ дѣвчиною;
Що ми зъ того, ожь ёй знаю,
Кедь у неи не бываю!

* *
*

Суть у неи ворожейкы,
Заступають дорожейкы,
Абы въ неи не бывати,
Абы еи не кохати.

* *
*

Ты, дѣвчино, изъ Подоля,
Въ твоихъ рукахъ моя доля,
Ты владаешь въ житью моёмъ,
Я не можу быти твоимъ.

Ци 'мь у лѣсѣ уродився,
Ци у полѣ окрестився,
Ци таки кумы держали,
Що ми счастья не надали.

* *
*

Ой пôду я въ лѣсы, горы,
Шукаючи счастья, долѣ,
Тамъ я буду смерти ждати,
На сву долю нарѣкати:

* *
*

«Доле моя несчаслива,
Коли будешь ми жичлива?
Прійде, прійде, тотъ часъ буде,
Що сховаютъ вѣрни люде.

* *
*

А хоть пôду утоплюся,
Хоть о камѣнь розôбьюся,
Нехай у тôмъ весь свѣтъ знае,
Же зъ любости смерть бывае.

(Оттуда же.)

127.

Середъ села дубъ кудрявый:
Мôй миленькій кучерявый,
Кучерики дъ горѣ скачуть,
Мои очка за нимъ плачуть.

* *
*

«Ой Иванку кучерявый,
Єправь ми кужѣль яворовый,
Веретонце терновое,
Бо ты, Иванку, серце мое.»

Оттуда же.

128.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, ' 688.)

Червона ружа, бѣлый квѣтъ:
Я не люблю мужа, пôду въ свѣтъ.
А якъ я ся буду справовати,
Буду я собѣ мужа глядати.
А якъ я ся пущу по волѣ,
Та найду собѣ мужа у полѣ.
Ой Боже, Боже, то я зле зробила,
Што я свое серце по волѣ пустила!
Ой куплю я кантарь, буду притѣгати,
Не буду я свое серце по волѣ пущати.

(Изъ Мукачевскаго Уѣзда.)

129.

Въ Солочинскôй церквѣ
Сами дзвоны дзвонятъ,
А мôй любый нянько
Въ сирôй землѣ лежатъ.

* * *

Лежатъ они, лежатъ,
Тамъ ся розгниваутъ,
А наши серденька
За нимъ умираутъ.

(Оттуда же.)

130.

За всю бѣду, неволицю,
Пôду, скочу въ млиновицю,
Та тамъ мене рыбка поѣсть,
Ай, хто моей мамцѣ повѣсть?

Повѣдять ёй добрі люде,
Гей, якъ мене та не буде,
Буде тяжко заводити,
Мене бôльше не видѣти.

* *
*

Плавле кача по Ниреви:
Повѣджь, рыбко, Василеви:
«Василь не мôй, я не ёго,
Бо не сижу коло нёго.

* *
*

Идѣть, ёго приведѣте,
Коло мене посадѣте:
Най я ёго поцѣлую,
Ёго губку золотую!»

(Оттуда же.)

131.

«На лучки, бѣла дѣвка, на лучки,
Даруемъ ти златый перстень на ручки.
Цы не будешь, бѣла дѣвко, бановацъ,
Якъ твôй буде златый перстень вандровацъ?»—
«Ой не буду, бѣлый Янчи, не буду,
Лемъ я уйду за вороты—забуду!»

(Оттуда же.)

132.

«Де ты была, мила, съ ночи,
Промѣняла 'сь чорни очи?»—
«Ой я была въ загородцѣ,
Тамъ чекала 'мь красни хлопці.

Била мамка мня на волю,
Отъ тогды ся дуже бою;
Яка нôчка темненькая
Всю съ миленькимъ перестою,

* * *

Била мене мамка съ ночи,
Про Йванкови чорни очи.
Била съ ночи, буде опять,
Про молодыхъ, душко, хлопять.

(Оттуда же.)

133.

Чорна гора курилася,
Бѣла дѣвка журилася.
Чорно горо, не курися!
Бѣла дѣвко, не журися!
Най ся журитъ Буковина,
Впаде на ню тверда зима.

(Оттуда же.)

134.

«Ой Марйко, подай ручку!
Не чекай мня сёго рочку!
Ажь не прійду за рôкъ, за два,
Не чекай мня бôльше нигда!

* * *

Черезъ Тису, калъ, болото,
Подай ручку, ме золото!» —
«Ой миленькій мôй небоже,
Што ти ручка на поможе?

Гей, мôй милый неборачокъ
Поклавъ руку на облачокъ:
Камянное серце 'мь мала,
Што 'мь му руки не подала.»

(Оттуда же.)

135.

«Чорни очи, якъ теренъ!
Коли жь мы ся поберемъ?»—
«Поберемся въ недѣлю,
Май у Бозѣ надѣю!»

* * *

А де жь мене поведешь,
Кедь хижочки не маешь?»—
«Поведу тя въ чужую,
Поки свою збудую.»—

* * *

«Будуй, будуй, зъ лободы,
До чужои не веди!
Чужа хижка не своя,
Якъ свекриця лихая.»

(Оттуда же.)

136.

«Дѣвчино моя,»
Напой ми коня!»—
«Не напою, бо ся бою,
Ещё 'мь не твоя.

* * *

Якъ буду твоя,
Напою ти два,
Изъ студеной кырничейкы,
Зъ новаго вёдра.

Коней наною,
До стани введу,
Дамъ конёмъ вовса и сѣна,
А тобѣ вина.»

137.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 677.)

Ой Василю, Васильчику,
Посѣю тя въ городчику!
Не пиши палочки,
Не дури дѣвочки;
Бо маленькй дуришь,
А великй любишь.

(Изъ Мукачевскаго Уѣзда.)

138.

По горахъ, по горахъ,
Снѣжокъ ся бѣлѣе:
Де ся моя рыбка
На зиму подѣе?

* *
*

Исправлю ей хижку
Изъ самой шашины,
Не треба ей буде
На зиму перины.

(Оттуда же.)

138.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 688.)

Иду горѣ селомъ,
За мновъ ся бѣлѣе;
Хто мня давно любивъ,
Добрѣ не сдурѣе.

Я учора не пряла,
А и днесь не буду:
Мновъ ся люди журятъ,
Ожь я гола буду.

* * *

А воробокъ испряде,
А синица утче:
«Позирайте, люде»
Котра красше вуйде!»

140.

(Тамъ же.)

«Эй, не видно того села,
Лише видно хресты:
Туда менѣ вечêръ, рано,
Очама повести.

* * *

Та й не видно того села,
Лише видно грушу,
Туда менѣ вечêръ, рано,
Помыкае душу.

* * *

Ой Иване молодейкій!
Я бы 'мь тя любила,
У тебе жона не добра,
Може бы 'на била.»—

* * *

«Ой не бôйся, файна рыбко,
Не буде тя бити,
Черезъ твои вôчка чорнû
Буде въ землѣ гнити.»

141.

(Тамъ же, 690.)

Чорна гора, якъ татарка:
Не хотѣла 'ня любить Марька,
Треба бы ми дарабъ мыла,
Бы 'ня Марька полюбила.

* *
*

Чорна гора, двѣ долины:
Красна дѣвка одъ калины;
На калину сонце свѣтить,
А на дѣвку краса летить.

142.

(Тамъ же, 691.)

Ой днесь была недѣля,
Завтра понедѣлокъ:
Посѣяла, мамко, жито,
Зродився бервѣнокъ.

* *
*

«Рости, рости, бервѣночку,
Заки 'сь зелененькій:
Не женися, шугайку,
Докля 'сь молоденькій!» —

* *
*

«Якъ ся менѣ не женити,
Хлопу молодому?
Ходятъ дѣвки, якъ ягоды,
Коло мого дому.»

143.

(Тамъ же, 691.)

«Дѣвчино, дѣвчино, червена калино,
Чому ти ся личко помѣнило?» —
«Можешь, Янчи, знати, та й ся догадати,
Хотѣла 'ня мати за нелюба дати.» —

* * *

«Ты сѣдлай конична, та дай менѣ знати,
Якъ тя буде мати за нелюба гнати!» —
«Покля я, молода, коничка сѣдлала,
Ужь мене моя мати за нелюба дала.»

144.

А мой премилый наѣвся бандурокъ,
Добрѣ не попукатъ, такъ напхавъ до гурокъ.
Якъ мі такъ, такъ мі такъ,
Добрый съ хлѣба деникатъ,
Ёщё лѣпши бандуры,
Кедь до циару занурятъ.

145.

«Седемьдесять суконь мала,
А ёщё ся не выдала.» —
«Я не мала, тôлько едну,
Просили мня ажъ ко Вѣдню.» —

* * *

«Кордуаны, чижмы мала,
А ёщё ся не выдала.» —
«Я не мала, лемъ жолтиї,
Просили мня за Кошицѣ.

* * *

А мой отецъ, якъ толя,
Не принеслъ мі на весѣля,
А мой милый почекуе,
Тотъ мі принесъ розмаріє.

146.

Билъ мене мужъ
Першій разъ ужь,
Билъ мене въ понедѣлокъ,
За мой злый учинокъ.

* *
*

Билъ мене мужъ
Другій разъ ужь,
Билъ мене во второкъ,
Помнялъ ми подолокъ.

* *
*

Билъ мене мужъ
Третій разъ ужь,
Билъ мене въ середу,
Помнялъ ми спереду.

* *
*

Билъ мене мужъ
Четвертый разъ ужь,
Билъ мене у четверъ,
Такъ знаю, якъ теперь.

* *
*

Билъ мене мужъ
Пятый разъ ужь,
Билъ мене въ пятницу,
Смаровалъ гузицу.

* *
*

Билъ мене мужъ
Шестый разъ ужь,
Билъ мене въ суботу,
Докончилъ роботу.

Билъ мене мужъ,
Семый разъ ужь.
Билъ мене въ недѣлю,
Ледвй ставилъ цѣлу.

147.

Крашша я, Иванку, яко ты,
Бо я заробйла сто златы,
А ты ште заробйлъ пецуху,
Лемъ лежишь на пецу на бруху.

148.

Прйшолъ бы я до васъ, кобы я шмелъ,
Кобы вы мй дали, што бы я хтелъ,
Тото дѣвча шварне,
Што матъ очи чарне,
То бы я взялъ.

* *
*

Прйшолъ бы я до васъ, кобы я зналъ,
Предъ вашйма дверьма велйка мочарь:
«Положь, мйла, дручны,
Пойду помалючкы,
Каждый вечуръ.»

149.

(Т. II, 206.)

У богатыхъ дѣвочокъ
По дванадцять сорочокъ,
А у мене единка
На каждый день бѣлинка.

Я ю вечуръ намочу,
О полночи полочу,
А на рано бѣлѣюся,
Придутъ хлопци, смѣюся.

150.

«Кедь емь ишолъ брезъ миленькой сѣни,
Добрѣ мене собакы не зъѣли.
«Лемъ вы на мня, собакы, не брешьте,
Бо я иду ку красной невесте.» —

* *
*

«Коли 'мь ишла до керточкы,
Тотъ часъ стратила я зъ варкочка,
Тонкій волосъ розплѣлъ мй ся,
Мой вѣночокъ стратилъ мй ся.» —

* *
*

«Коли 'мь ишолъ брезъ Виднянске поле,
Заплакали чорны очи мои;
Посмотрѣлъ я на глубоку долину,
Кады ль мои бѣлы ногы идутъ.

* *
*

Коли 'мь ишолъ брезъ капусту,
Нашолъ я тамъ вышивану хусту,
Цй ей мила, цй не мила, шила,
Лемъ бы она вышывана была.

* *
*

«Яка ты, моя мила, брудна,
Шкода, же тй подъ облачкомъ студня:
Кобы ты ся зъ той студенкы мыла,
Яка бы ты премилена была.»

147.

Велё пшеници̂цъ, мало житъ:
Кажутъ мѝ ся оженитъ;
Ёщё овесъ зеленый,
Можомъ быти безъ жены.

* * *

Мочитъ дѣвча коноплѝ
У зеленой убочи,
А Иванъ ся призиратъ,
Ци в'на чорны очи матъ.

* * *

Кобы чорны очата
Въ склепѣ продавали,
То бы ихъ дѣвчата
Хлапцёмъ куповали.

* * *

Я я бы купила
Свому [illegible],
Жебы му ся чорнѣли,
Яко [illegible].

* * *

Ёщё бы 'мъ му купила
Чоботы съ острогами,
Жебы собѣ [illegible]
По Горѣ [illegible].

* * *

Ёщё бы 'мъ му купила
Перстенокъ на палецъ,
Жебы му ся [illegible],
[illegible] на [illegible].

153.

Добра тота жена, чьто мужа сануе:
Якъ приде изъ корчмы, до разъ го вызуе;
До разъ го вызуе, красне му постелитъ:
«Мужу мôй солодкый, лёгай до постели!»

154.

Эй, якъ вечуръ пришовъ,
Каждый къ своей пôшовъ,
А мôй премиленый
Ку Цыганкамъ зашовъ.

* * *

«Гей, на мочаръ, коничeньку,
На мочаръ, на мочаръ!
Не пôду я ко невѣстѣ
Днесь вечеръ, днесъ вечеръ.

* * *

Лемъ я пôду ко дѣвчатку,
Красному, красному,
Чьто го возму на мясниці,
За жену, за жену.»

155.

Посьяла я подъ облачкомъ лелію,
Пришли волкы миленького, зъѣли ю.

* * *

Кобы 'мь знала, же то волкы милого,
Не пôшла бы 'мь до бирова на нёго.

156.

«Горе гай, доловъ гай,
А на стредку дунай:
Не возмемъ тя, дѣвче,
А ни то не думай!» —

* * *

«А ни то не думай,
Же бы 'мь за тя пошла,
А не 'пре такого
Паробочка росла.

* * *

А ни то не думай,
Горьке недуманья,
Не было то верне
Наше любованья.»

157.

«Не сама, не сама, калинку ламала,
Ламалй ей хлапцы, я имъ прегинала.

* * *

Мой милый на горе, а я на долине,
Шакъ бы са любовалъ, добре не загине.» —

* * *

«Пошолъ бы 'мь ку милей, не мамъ, лемъ бочкуры,
Она бѣда пышна, та ми не отвори.

* * *

А валаломъ блато, по предъ насъ полето,
Ганба паробкови, кедь го дѣвче не хце.

Ганба же му, ганба, ганба превелика,
Кедь го не хце любицъ того парадника.

* *
*

Ужъ емъ ше зарекалъ фраирочку тримацъ,
О Боже мой любезный, не можемъ ше стримацъ!»

158.

«Эй, кебы мй не гора,
Не тота долйна,
Дала бы 'мь поздравицъ
Своего фраира.

* *
*

«Эй, поздравьте, поздравьте,
Эй, шакъ вы знате кого,
Эй, Янйчка жовтовласъ,
Фраира моёго!» —

* *
*

«Эй, кебы мй не гора,
Не гамовалъ бы я,
Эй, кебы ми не гралй,
Не танцовалъ бы я.

* *
*

Эй, грали мй гудацы,
Эй, вчера до полночи,
Эй, але ми не спали
Мои чарны очи.

* *
*

Эй, ёщё 'мь не танцовалъ,
Эй, будземъ пробаловацъ,
Эй, зъ бучка на яличку
Будземъ прескаковацъ.

Эй, тать Боже мой, Боже,
Эй, моё пренесчестье,
Эй, ужь ме не хце любицъ
Сушедово дзевче!

* * *

Эй, кедь не хце, цей не хце,
Эй, а я не бануючи,
Эй, лемъ боканчи зруцимъ,
Та го вытанцую.

* * *

Эй, а не 'мь ие паробокъ,
Эй, а ни не мамъ жены,
Эй, ёщё собѣ заложу
Форговъ премиленый.» —

* * *

«Эй, а не 'мь не дзивчатко,
А ни мй не свечи,
Эй, бо мй не шею
Моё чарны очи?»

159.

Эй, вандровали хлапцы,
Эй, зъ Пешту до Будина,
Эй, дали себе нальяцъ,
Червенего вина.

* * *

Эй, якъ то виночко,
Эй, зъ погара капкало,
Эй, не едно дзивчатко
За нами плакало.

«Эй, выпрôвадь ме, мила,
Эй, пониже образка,
Эй, далей ци не повѣмъ,
Гиба й твоя ласка!

* *
*

«Эй, стоитъ грушка въ гаю,
Эй, подьме, хлапцы, на ню:
Эй, цо кра́сше отресемъ,
Миленкей понешемъ!»

160.

«Эй, шугаю, шугаю,
Яка то твоя мацъ?
Ещê 'сь мя не узялъ,
Ужь ме почала лацъ!» —

* *
*

«Эй, не бойше, дзивчатко,
Эй, тей моей матерй,
Эй, шакъ я ей укажемъ
Кады на дворъ дзвере.

* *
*

Эй, кады на дворъ дзвере.
Эй, до самаго блата:
Эй, до дябла, до дябла,
Мамочко проклята!»

161.

Береза, береза,
Висока береза:
Вшиткй люде пьяны,
Я сама тереза!

Загучали горы,
Загучали лѣсы:
«Где намъ ся подѣли
Наши млады часы?»

* *
*

Часы наши, часы,
Не ужили красы,
Наши млады лѣта
Не ужили свѣта!

* *
*

Тать, Боже, мой Боже,
Якъ есь мя покаралъ,
Же мушимъ вандровацъ
Зъ валала на валалъ!

* *
*

На высокей горе
Шугай загамовалъ,
Же бъ было не дѣвча,
Булъ бы тамъ ночовалъ.

* *
*

То тому дзивчатку
Велё помагало,
Онъ конйчка загналъ,
Оно претримало.

156.

О Боже мой! Цо мамъ робицъ?
Не хцею ме дзивки любицъ!
Мушимъ себе форговъ куницъ,
Бы ме хцѣли дзивки любицъ.

Кебы дали, цо ми длужны,
Купилъ бы я женѣ чижмы;
А не даю, цо мамъ робицъ?
Муши жена боса ходзицъ.

163.

Зимна вода на коляю,
Поки люде не зазнають,
Ёщё лепша на ярочку,
Де я маю фраирочку.

* *
*

Мамъ фраирча, якъ вовирче,
Сгодь ми, пайташъ, чіе дѣвче?
Кедъ не сгодишь, повѣмъ я тй,
Келё наша любость платй.

* *
*

Наша любость телё платй,
Якъ тенъ крайцаръ, цо ше стратй:
Крайцаръ стратй, не найдзеше,
Велька любость розійдеше.

164.

Горе лучками, долу лучками:
Взялъ емь за ся шварно дѣвче съ чарныма очками.

* *
*

Горе варошомъ, долу варошомъ:
Взялъ емь за ся шварно дѣвче съ чарнымъ волосомъ.

* *
*

Добре 'мь уробилъ, же 'мь ся оженилъ,
Пошлемъ жену до роботы, самъ себе легнемъ.

Самъ себе легнемъ подъ перинечку,
Жену̀ пошлемъ до роботы, самъ съ фраиречкоу̂.

* * *

Горе заградоу̂, долу заградоу̂:
Ужь я свою фраиречку вечаръ выведу.

* * *

Вечаръ выведу, рано почепля,
Бодай моя фраиречка не вышла зъ пекла!

* * *

Зъ пекла не вышла, въ огню сгорела,
Лемъ пре тото едно слово, цо ми есть рекла.

* * *

Зимно, презимно, подъ облачкомъ стацъ:
«Я запомнулъ, дрэга душо, губанечку вжацъ.» —

* * *

«Цы ты запомнулъ, цы ты ю не машь,
Лемъ ты, моя драга душо, вше такъ поведашь.»

165.

Бодай есь скаменѣлъ, якъ у водѣ камѣнь,
Же есь ся выманилъ, якъ же ты ми франиръ!

* * *

Бодай есь скаменѣлъ, якъ у водѣ брылка,
Же есь мя выманилъ, же я ти франирка!

* * *

Бодай тя, шугаю, колеса ламали,
Про тебе мя люде до языка взяли!

Про тебе, про тебе, про тебе самого,
Же бы 'сь не дочекалъ до рана бѣлого!

* *
*

Бодай тя Богъ скаралъ и мое здыханья,
Якъ есь ми перервалъ мое сладке спанья!

166.

«Кедъ идешь коло насъ,
Яке намъ госло дашь?
Цы на волки гейкнешь,
Цы батожкомъ треснешь?» —

* *
*

«Кедъ на волки гейкну,
Та й батожкомъ тресну:
«Ча, силады! ча, сейка!
Ту моя милейка.»

167.

«Побіе це Панъ Богъ и моей мамки плачъ:
Лебо ми вѣнокъ врацъ, лебо ми го заплацъ!» —

* *
*

«А ни я тамъ не пилъ, а ни жена моя,
Лемъ тотъ гунцвутъ качмарь арештуе коня.»

168.

Ни чь ми ся не пачитъ, лемъ еденъ воловаръ,
Кедъ жене волочки, якъ бы го малёвалъ.

Заяли, заяли, миленького волки,
А ни я не чула, кедъ бринкали звонки.

(Послѣднія 10-ть пѣсенъ изъ села Веравы Шаришской столицы.)

169.

Кедъ я ишолъ презъ тенъ лѣсъ,
Презъ лѣсъ калиновый,
Станулъ я тамъ на камень,
Камень марморовый.

* * *

А съ подъ того каменя
Водичка выплыла:
«Напійся ей, моя мила,
Кедъ си справедлива!» —

* * *

«Я бы ся ей напила,
Красу бы 'мъ втратила,
Што же бы я, мой милый,
По тому робила?

* * *

Што же бы я, мой милый,
По тому робила?
Ты бы мене не взялъ,
Ми бы ганьба была!»

170.

Капуста, капуста, зелена, не густа:
Яка наша хижа презъ фраира пуста!

Не такъ она пуста, якъ бы 'мь го не мала,
Але за то пуста, бо 'мь го понехала.

* *
*

«Фраиру, фраиру! Я тобѣ не вѣрю! —
«Товарйшу, товарйшу! Я тебе не лишу.» —

* *
*

«Я твои оченька на папѐръ запйшу,
На папѐрь запйшу, на клйнецъ завйшу.

* *
*

На папѐрь запйшу, на клйнецъ завйшу,
А я тебе, товарйшу, ужь никогда не лишу.» —

* *
*

«Фраиречко моя! Подзме до костела!» —
«Вера, я не пуйду; бо я была вчера.» —

* *
*

«Фраиречко моя! Верне ци шлюбую,
Перву и остатню ночку ци ночую.

* *
*

Подковечки мои, давайце мй огня,
Нехай я увидзимъ, цы далеко до дня!

* *
*

Не далеко до дня, лемъ два годзйнечки,
Зоставайте здравы, мои фраиречки!»

171.

«Думашь, мйла, думашь,
Же не будземъ жйцъ пре тебе.» —
«Я жйла, и жйцъ будземъ,
Все я тебе мюбйцъ будземъ.»

(3 послѣднія пѣсни изъ с. Чарна, въ Маковицкомъ краю.)

172.

Широкое болотище, ще вода забрала:
Эй, любивъ емь дѣвча зъ младу, а мати не знала
Эй, жаль не по малу,
Любивъ дѣвча зъ младу,
Людёмъ, не собѣ!

* *
*

Єсть у полю кирниченка, журавьи зъ ней пьютъ:
Уже мою миленькую до шлюбу ведутъ.
Эй, жаль не по малу,
Любивъ дѣвча зъ младу,
Людёмъ, не собѣ!

(Изъ Порубчанъ Землинскаго Округа.)

173.

Червене яблучко въ кишенѣ мамъ:
«Прійдзъ же ты, шугаю, та цй го дамъ!» —

* *
*

«Не хцемъ я твоихъ яблучокъ, мамъ я ихъ досцъ,
Дзекуемъ цй, мйла, дзекуемъ цй, мила, за почлйвосцъ!»

(Изъ Бодружанъ Шаришскаго Округа.)

174.

(Т. I, 201, 202.)

«Не ходи, Грицу, на вечерницу!
Бо на вечерницѣ сами чаровници.
Въ недѣлю рано зѣля копала,
А въ понедѣлокъ зѣля полокала;
Вôвторокъ рано зѣля варила,
Въ середу рано Грица отровила;
Пришолъ четверь, лежитъ Грицько теперъ,
Пришла пятница, поховали Грица.
Пришла субота, мати дѣвку била:
«На што жь ты, суко, Грица отровила?» —
«Нягай Гриценко, нягай вôнъ знае,
Нягай вôнъ, нягай, по двѣ не кохае!»

(Изъ с. Ладомирова Шаришскаго округа.)

175.

Коломія, Коломія, Коломія мѣсто:
Котра дѣвка небочкана, та така, якъ тѣсто.

* * *

Меджи двома берегами вода каламутна,
Меджи двома озерами рыбка баламутна.

* * *

«Пане брате, Пане брате, будеме ся бити,
Бо бѣлявка кого схоче, та буде любити.»

* * *

Уже вôкна побѣлѣли, бо на дворѣ морозъ:
«Выйди, выйди, драга душо, няй ти чую голосъ!» —

«Теперь емь ся розыграла, теперь же ми грайте,
Чорни скôрнй поторгала, червени ми дайте!»

(Изъ Липовска того же округа.)

176.

Боля ме ножечкй, боля ме подошвы,
Бо онй тей ноцй три хотаре прешлй:

* *
*

Єденъ Рйпіёвскій, а другій Рушковскій,
Трецій не выволамъ, бо то фраировскій.

* *
*

Мои штыри волы, я пеля васъ бирешъ,
Не кцею ме пущйцъ ту, фраирки, отъ васъ.

* *
*

Мои штыри волы школы наробйлй:
Зышли на яречокъ, воды ся напйлй.

* *
*

Мои штыри волы ушй штыри сейки,
Бѣжатъ горе селомъ, якъ парадны дѣвки.

177.

На зеленыхъ лукахъ дѣвча воду брало,
Я нй него волавъ, оно заплакалô:

* *
*

«Шестя ти дай, Боже, ты, бѣла Ганичко!
Ци 'есь ми увила за калапъ пêречко?» —

«Увила, увила, але ти го не дамъ,
Бо я съ твоёвъ матковъ доброй воли не мамъ.

* *
*

Якъ исъ твоёвъ матковъ добра воля буде,
Тогды тото пѐрко за калапомъ буде.»

178.

Сталася новйна у новôмъ варошу:
Млинарского сына біютъ на дерешу.

* *
*

Ещé млинарскій сынъ на дерешъ не лягнулъ,
Ужь его панъ отецъ на коника сяднулъ·

* *
*

«Прошу пониженo пана Урядника,
Не бійте, не бійте, мого млинарчика!»

179.

Гога, коню, гога, спадла ми подкова:
Малъ емь франречку, взяла ми ю вода.

* *
*

Кебы ми ю кцела зимна вода врацицъ,
Далъ бы 'мь съ дукатами камѐнки позлацицъ.

180.

Пониже млына,
Зелена вербйна,
Треба бы ю вырубацъ:
Сподобалаше ми

Дѣвча у сушеды.
Але ми ю не кцу дацъ.

* *
*

Теразъ ше такъ стало,
Дѣвча ше преспало,
Теразъ ми го даваю,
Але я го не кцемъ,
Обрацивше, где кцемъ,
Няй себе го тримаю!

181.

Широкій яречокъ,
Не можемъ прескочицъ:
Шувне чижемки мамъ,
Жалуемъ помочицъ.

182.

Мамъ я, пайташъ, калапечокъ новый,
За калапомъ три новы форговы.
«Хто ци, пайташъ, тенъ форговъ куповавъ?» —
«Тото дѣвча, што я го любовавъ.»

183.

Сучка 'шй мй, моя мила, сучка,
Пропйла шй прядена изъ дручка,
Пропила есь и зерно зъ коморы,
Не наробятъ на тя и штырй волы.

184.

Ишло дѣвча отъ Кошицъ,
Дало себе чижмы шйцъ,
Дало себе талповацъ,
Жебы мало танцовацъ.

185.

Чарны очка цверенково,
Сладки г̌амбы шугаёво,
Кедз̇ъ ме вечеръ побочкаю,
До рана ми сладоваю̀.

* *
*

Дуе вѣтерь по долйнье:
«Чекай, шугай, спомнешь ты ме,
Ты ме спомнешь кажду ночку,
А я тебе разъ у рочку.»

186.

«Эй, на лучки, шварне дѣвча, на лучки,
Дамъ я тебе алатый перстень на ручки.» —
«Давно я це, драга душо, чекала,
Бы сомъ отъ це златый перстень достала.»

187.

Не скоро, не скоро, моя мйла, пришла,
Ужь зъ моей главйчки червена кровъ зышла:
«Завій, мйла, главу, жебы, не болела,
Жебы 'сь, моя мйла, все весела была!»

188.

Волймъ я ше вышпацъ подъ липковъ зеленовъ,
Яко на посцеле зозъ фалечновъ женовъ;
Подъ липковъ зеленовъ листокъ ме прикрые,
Зозъ фалечновъ женовъ Панъ Богъ ме побіе.

189.

Чорнй очка плачьте, слезы не раняйте,
Кого 'сте любйлй, тому покой дайте!

190.

Кедъ сомъ ишолъ презъ лавку,
Спалъ мй калапъ до ярку;
Ой тамъ, пайташъ, подоймп,
Шкода моей покрейды!

* *
*

Покрейдечка три верхи,
Вчера вечаръ зъ Кишъ-Керты,
Изъ Кишъ-Керты, зъ Боргазу,
Теперь фиґла докажу.

191.

Горе варошомъ, доловъ варошомъ:
Таке 'мь себе дѣвча узявъ съ жолтымъ волосомъ.

* *
*

Горе лучками, доловъ лучками:
Таке 'мь себе дѣвча узявъ съ чарныма очками.

* *
*

Горе заградовъ, доловъ заградовъ:
Уже мою франирочку днеска повяжу.

Днеска повяжу, завтра почепя,
Жебы моя фраирочка не вышла зъ пекла;

* *
*

Жебы не вынла, бодай сгорела,
Лемъ про тото едно слово, цо гуторела!

* *
*

Цо гуторела, же буде моя,
Теразъ пошла за другого фраирка моя!

192.

Не про дзвоны,
Не про орґоны,
До костела идземъ,
Лемъ про Янйчка,
Про бѣлы лйчка,
Што го радо видзимъ.

193.

Такый ты миленкый, якъ ружа, якъ ружа,
Дай мй тя, Боже, за мужа, за мужа!
А ни бы 'мь тй робити не дала, не дала,
Лемъ бы я тя за красу держала, держала.

* *
*

«Пустьте мня, мамко, на танецъ, на танецъ:
Бо ми ся розгорѣлъ каганецъ, каганецъ;
Бо тамъ Таліяне танцуютъ, танцуютъ,
Они ми каганецъ задуютъ, задуютъ.» —

* *
*

«Не ходь ты, дѣвочко, коргелёмъ, коргелёмъ,
Не ходь ты до корчмы съ куделёвъ, куделёвъ!
Бо тамъ Таліяне танцуютъ, танцуютъ,
Та твою куделю попсуютъ, попсуютъ.»—

«Я куделю шпурю до шанцу, до шанцу,
Сама пôду съ милымъ до танцу, до танцу,
Веретено вержу до столу, до столу,
Сама ся съ милымъ обойму, обойму.»

194.

Бѣда ми сиротѣ жити,
Нѣтъ мя кому потѣшити,
Нѣтъ мя кому погласкати,
Бо не жіе моя мати!

* *
*

«Ой мамочко моя мила,
Чомъ ты мене ту лишила?
Чомъ есь мня къ собѣ не взяла,
Жебы я ту не капала!»—

* *
*

«Не можу тя взяти къ себѣ,
Бо мй барзъ ту тѣсно въ гробѣ;
Волишь по свѣтѣ ходити,
Якъ во гробѣ зо мновъ гнити.

* *
*

Жій собѣ, моя дѣвочко,
Квитни, бѣла леліочко!
Якъ отквитнешь, такъ увяднешь,
При мнѣ въ гробѣ мѣстце найдешь.»

195.

«Не рубай зелене, няй ся зеленѣе:
Не беръ пышне дѣвча, няй ся старѣе!»—

«Ещê емъ не рубалъ, ужь трѣскы падаютъ,
Ещê емъ не просилъ, ужь отповѣдаютъ.» —

* *
*

«Домôвъ, милый, домôвъ, домôвъ до роботы,
Кедь мня хочешь взяти, чекай до суботы!» —

* *
*

«Піютъ воду птаси тамъ на нашей гати:
Ужь ся наша любовь нигда не возврати!»

196.

(Т. I, 340.)

А якъ тужитъ за тобою, тужитъ серце, мила,
Кедъ сгадаю, чомъ тя люблю, ты мене любила.
Въ ночи не сплю, день ми смутный, все гадка о тобѣ,
Цы я хожу, цы я сѣжу, не маю спокою.

* *
*

Была 'сь свѣдкомъ, якъ емъ плакавъ, якъ ся душа била,
Колись дала бѣлу ручку, любовъ говорила:
«Же тя, любку, не забуду, покля буду жити,
Глядь на мене, и перестань годину тужити!»

* *
*

Якъ не бачу твоей красы, рокомъ ми година,
Не розторгнетъ моей туги найблизша родина.
Хоць далеко я геть пôйду, серцемъ зоставаю,
Бо не хочу абы 'мь скламавъ миленку кохану.» —

* *
*

«Кедъ ты пôйдешь, мôй миленькій, дай же ты мнѣ знати,
Абы знало мое серце, откаль вызирати.» —
Хоць бы 'мь видѣвъ тысячь дѣвокъ на жадну не гляну,
Бо не могу, абы 'мь скламавъ миленку кохану.

«Якъ поѣхавъ, такъ поѣхавъ, не сказавъ ни слова,
Только махнувъ изъ рученькою: «Будь, мила, здорова!»
Сидитъ мила въ загородѣ, карты выкладае,
Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ, она ся питае:

* * *

«Ой ты, орле чорнушенькій, высоко лѣтаешь,
Чи моего миленкого да где не видаешь?» —
«Ой тобі милый прямо гаю съ Богомъ почивае,
Єму голубъ сивушенькій голову искае.» —

* * *

«Бодай твоя, орле, вода рыбы не родила,
Кедъ она мя зъ моимъ милымъ теперь розлучила!» —
«Ой засучи, мила, свѣчку, запали до Бога,
Жебы тобѣ була за нимъ счастлива дорога!»

197.

(Т. I, 308.)

Лѣтавъ орелъ по надъ воду и ставъ голосити:
«Ой якъ тяжко убогому богату любити!»
Ты, дѣвчино хорошая, скажь ми, что думаешь!
Не гордь по мновъ, хоцъ убогимъ та счестья дознаешь!
Не тамъ счестья, не тамъ доля, где богаты люде,
Где ся лучатъ безъ милости, тамъ счестья не буде.
Кобы я мôгъ орломъ быти, высоко лѣтати,
Полетѣвъ бы 'мь, куды знаю, миленку глядати.

198.

Моя хижка при бережку,
Моя хижка крайна,
До мене вы, легиничики,
Бо 'мь не въ року файна.

До мене вы, леґинчики,
Ходѣте, ходѣте:
Вы ся мого человѣчка
Не бойте, не бойте!

* *
*

Бо моего человѣчка
Ничого сь бояти,
Вынести му паленочки,
А вôнъ ляже спати.

* *
*

До мене вы, леґинчики,
До мене, до мене:
Солодкая яблоночка
Въ огородку въ мене.

* *
*

Солодкая яблоночка,
Ще солодша груша:
До мене вы, леґинчики
Бо я ваша душа!

199.

Закукала зазулица
Въ зимѣ на улицѣ:
То не шкода гусашь дати
Файнѣй молодицѣ.

* *
*

То не шкода гусашъ дати,
Срѣбный сороковецъ,
Штобы зо мновъ погуляла
Въ зимѣ въ пилиповецъ.

200.

Гаемъ зелененкимъ вода тече,
На яворѣ соловѣй щебече.
Тамъ дѣвчина мила
Вѣночокъ увила
Изъ бервѣнку.

* *
*

Солзы проливала, коли го вила,
А увитый на воду пустила:
«Иди ты, вѣночку
Красный зъ бервѣночку,
За миленькимъ!»

* *
*

Голосъ чути въ гаю, въ серединѣ,
Жо ся стало страшно дѣвчинѣ:
«При градѣ Солноку
Положивъ головку
Твôй миленькій!»

201.

(Т. II, 214.)

И шумитъ и гуде,
Дробенъ дождикъ иде:
Хто мене, молоду,
До дому поведе?»

* *
*

Зголосився Козакъ
На солодкôмъ меду:
Гуляй, гуляй, чорнобрôва,
До дому тя поведу.

«Не веди ты мене,
Дуже прошу тебе:
Злого мужа маю,
Буде бити мене.

* *
*

На бôкъ, хлопцй, на бôкъ,
Бо чортъ мужа несе,
А якъ васъ увидитъ,
Трястя нимъ потрясе.

* *
*

Ой най нимъ такъ трясе,
Якъ вѣтеръ лугáми,
Бо я, молодая,
Гуляю изъ вами.»

202.

Горы мои, горы!
То ми тяжко на васъ,
Перервался милый
Ходячи черезъ васъ!

* *
*

Бодай бы васъ, горы,
Червакы сточили,
Абы моего милого
Ножкы не болѣли!

* *
*

Бодай на васъ, гôры,
Василичокъ нарôсъ,
Кобы лишь мене Богъ
Изъ межи нихъ вынêсъ!

Ровнай, Боже, ровнай,
Горы съ долинами,
А чей бы 'мь видѣла
Варошъ малёваный!

* * *

Не такъ тотъ варошъ,
Якъ столичный дôмъ, дôмъ,
Куда ся проходитъ
Сердешный Иванъ мôй.

203.

На горѣ, на горѣ, фраиръ снопы вяже:
Любила 'мь та й буду, та хто ми роскаже?
Любила 'мь та й буду хлопа молодого,
Бы не была ганьба, же пойду за нёго.

* * *

На горѣ, на горѣ, травка ся колыше:
Стародавный фраиръ листокъ до мня пише.
Эй, пише вôнъ, пише, тôлько не малюе,
Стародавный фраиръ то за мновъ бануе.

204.

Червеный кантарь, сивый конь:
Полюбивъ емь дѣвча, Боже мой;
Червену ружу, фіялку:
Полюбивъ емь дѣвку Зейканку.

* * *

Червена ружа, фіялка:
Красна у мня мила Добранка;
Червена ружа, бѣлый цвѣтъ:
Кедъ не маешь милой, иди въ свѣтъ!

205.

Въ серединѣ села,
Тамъ зацвила слива:
Кажутъ люде, люба мамко,
Ожь я мамъ фраира.

* * *

Бо я го не маю,
Хибань буду мати,
Якъ я пойду, люба мамко,
Конопельки брати.

206.

Эй, бѣда ми съ красновъ женовъ:
Люде ломлятъ плоты за нёвъ;
Люде ломлятъ, я горожу,
Люде люблятъ, я не можу.

207.

Я такого мужа маю,
Хоть бы умеръ, не гадаю:
Изъ радости скакала бы 'мь,
Три гудака наяла бы 'мь.

* * *

Скакала бы 'мь у три боки,
Якъ серница при потоки;
Копкала бы 'мь подковками,
Якъ серница копытками.

208.

Боже, Боже, зла година и той часъ,
Что 'мь остала на сей рочёкъ дѣвковъ засъ;
До насъ ишёлъ, инде пошёлъ сватати,
Сама буду на свой розумъ плакати.

209.

Сивый коникъ, кантарь на немъ,
До миленькой пойду на немъ,
Вера, Боже, якъ то буде,
Кедъ ми ґазда дома буде.

* * *

Кедъ є дома, най спитъ здоровъ!
«Кедъ мя любишь, вандруй зо мновъ!» —
«Не можь, дѣ, намъ вандровати,
Бо насъ будутъ вартовати.

* * *

На порозѣ варта стоитъ,
Подъ нелюбомъ ручка лежитъ.» —
«Выйми ручку зъ подъ нелюба,
Подложь её на голуба!

* * *

Выйми, выйми, милый квѣтокъ,
Та идѣмъ мы въ бѣлый свѣтокъ:
Доки свѣтокъ обойдемо,
Не разъ мы ся обоймемо.»

210.

Познати, познати,
Который хлопъ женатый:
Иде горѣ селомъ
Якъ тотъ песъ кудлатый.

* *
*

Познати, познати,
Хто хлопецъ молодецъ:
Иде горѣ селомъ
Якъ сивый голубецъ.

* *
*

Познати, познати,
Моего франра:
Шапка на немъ нова,
А сорочка бѣла.

21.

На Иплецкомъ грунку
Рубалъ емь калинку:
Кажутъ люде, мамко,
Же я мамъ франрку.

* *
*

Я ёщё не маю,
Але буду мати,
У Сиготѣ мѣстѣ
Дамъ ей змалёвати.

* *
*

«Маляри, маляри,
Красную змалюйте:
За мои гроши
Фарбу не шкодуйте!»

Кедъ той вамъ не зайде,
Я ёщê докуплю:
Такъ ми ей змалюйте,
Чи я самъ ей люблю.

212.

Стало потя на ворота,
Та й пѣе, та й пѣе:
Панъ Добра Кигинѣ Зейканцѣ
Ширинкы купуе.

* *
*

Сѣло потя на рокытѣ,
А такъ далей пѣе:
Панъ Зейканъ Кигинѣ Добрайцѣ
Чоботки купуе.

213.

Стоитъ верба надъ рѣкою,
Та стоитъ надъ водовъ:
«Што 'сь ми, дѣвко, учинила,
Што гину за тобовъ?

* *
*

Розчини ми, чорнобрôвко,
Розчини, розчини,
Свому серцу, моей душѣ,
Тяготу не чини!

* *
*

Розчини ми, бѣла дѣвко,
А я ти заплачу,
Най я свои темны ночи
За тобовъ не трачу!

Стоитъ верба надъ водою
Широкого листья:
«Солодкая моя душко,
То ми нуда безъ тя!»

214.

Доле моя, доле,
Перунъ бы тя убилъ!
Не малъ емь горазду,
Отколи 'мь ся вродилъ.

* *
*

Не малъ емь роскошу,
Та й не буду мати,
Слабу 'мь въ Бога долю досталъ,
Мушу дяковати.

215.

Ой ишолъ емь горѣ ледомъ,
Зострѣтилъ емь дѣвча зъ медомъ:
«Взялъ бы 'мь тебе, дѣвча мое,
Та не возму, бо 'сь малое.»—

* *
*

«Возми ты мя, паробчику:
Доросну я у чепчику.» —
«Доросне ти горька бѣда,
Така будешь, якъ кыртида.»—

216.

«Эй ты казалъ, же мя возмешь,
Якъ на горѣ жито зожнешь:
Ужь есь зажалъ, помолотилъ,
Свѣтомъ есь ми заколотилъ.»

217.

Марика платья прала,
Я съ козами ишёлъ,
Такъ емь ся ей поклонилъ,
Та й зъ радостевъ пошёлъ.

* * *

Та й пошёлъ емь до Попа,
Мало 'мь тамъ посидѣлъ,
Помѣнилъ емь на три службы,
Што 'мь Марику видѣлъ.

* * *

«Эй, Марико чорноока,
Бодай тя, бодай тя!
Бо на моей сорочцѣ
Самое заплатья!

* * *

Эй, Марико чорноока,
Отсунь ми ся изъ подъ бока!
Бо ужь мѣнѣ не до тебе,
Коль мя берутъ черезъ тебе!»—

* * *

Темна ночка невидома,
Пошла мила, не є дома,
Пошла она до млыночка,
Солодка ми фраирочка.

Пошла она надзирати,
Цй не можь бы насыпати:
Єденъ камень некованый,
Другій камêнь засыпаный

* * *

Єденъ камêнь некованый,
Другій камêнь засыпаный,
На третёму панске зерно:
Видишь, душко, ожь даремно!»

218.

«Мила моя, мила,
Изъ ружъ у Ивана,
Видишь ми ся, мила,
Ожь есь малёвана.» —

* * *

«Я малёвана,
Але не про тебе,
Минули мясницы,
Не видѣла 'мь тебе.»—

* * *

«Минули мясницы,
Мине и Петрôвка:
Я про тебе леґинь,
Ты про мене дѣвка.»

219.

А ни сюды, а ни туды,
Але на долинѣ:
Бо я гадалъ, бѣла дѣвко,
Ожь ты будешь мêнѣ.

Але ты не мêнѣ,
Ни моей подобѣ,
Бо тя поливали
Сѣмь разъ вже у водѣ.

* *
*

Выкопалъ я кирниченьку,
Волкы изъ ней пили:
Укохалъ емь дѣвчиноньку,
Люде ухопили.

220.

Коли собѣ погадаю
За бѣлу дѣвчину,
При убочи рубаючи
Зелену лѣщину.

* *
*

Я лѣщину си рубаю,
А дѣвчина плаче,
Я балтину вергъ отъ себе,
А дѣвчина ляже.

221.

Кобы, дѣ, емь, хлопче, знала,
Ожь мôй не будешь,
Такы бы 'мь ти чары дала,
Ожь нôчку не сбудешь.

* *
*

Такы бы 'мь ти чары дала,
Паленкы съ корêнêмъ,
Абы тобѣ серце било,
Якъ вода камêнêмъ.

222.

Любивъ емь тя, любивъ дѣвковъ,
Буду й молодицёвъ,
Буду ждати десять годôвъ,
Возму тя вдовицёвъ.

223.

У высокôй полонинцѣ
Зацвѣла березка:
«Выйди, выйди, чернобрôвка
Ма люба Терезка!

224.

Кобы ми ся бучокъ розвивъ,
Зелена яличка,
Куда схочу, туда пойду
Бѣленька Анничка.

* *
*

Ци въ высокôй полонинцѣ
Зацвѣла яличка:
Я сей ночи въ тебе буду,
Бѣленька Анничка.

225.

У высокôй полонинцѣ,
Тамъ голубъ купався:
Чія тото чорнобрôвка,
Я до ней влюбився.

* *
*

Вышла она у городокъ,
Та й махне рукою:
«Ходи суда, Козаченьку,
Гину за тобою!»

226.

Летѣвъ орелъ понадъ море,
Та й ставъ голосити:
«О якъ тяжко убогому
Богату любити!

* *
*

Не тамъ гораздъ, не тамъ доля,
Где богаты люде:
Кедъ ся сбере по любости,
Тамъ счасливо буде.»

227.

Ступай, коникъ, ступай, коникъ,
Горѣ тымъ поточкомъ,
Уже хлопцы стоятъ купов
Подъ моимъ облачкомъ.

* *
*

Ой най они стоятъ, стоятъ,
До самого рана,
Не пойду я сама къ нимъ,
Бо я звербована.

* *
*

Ой бо мене взвербовавъ
Молодый легинецъ.
А што ему на рученцѣ
Золотый перстёнецъ.

228.

«Мамко моя, мамко,
Чомъ мя не сватуешь,
О рочокъ, о два,
За мною набідуешь.»

Не минуло тому
И полдруга рочка,
Вже моя мамочка
Заплакала очка.

229.

«А кедъ ши Ганичка, будь же нёвъ, будь же нёвъ,
Не ходь до карчмичкы съ куделёвъ, съ куделёвъ;
Бо тамъ Таліяне танцуютъ, танцуютъ,
Та ти куделечку попсуютъ, попсуютъ!»—

* * *

«Труцимъ куделечку до шанцу, до шанцу,
Сама съ Таліяномъ до танцу, до танцу;
А врецинко труцимъ ку столу, ку столу,
Сама Таліяна обойму, обойму.»

230.

Эй, лесы, лесы, зелены лесы:
Ужь ся тоты поженили, што имъ пришли часы.

* * *

Я бы ся женивъ, мамъ на то волю,
Лемъ же иде одъ серденка, то я ся бою.

* * *

Матка ховала, за мне бы дала,
Лемъ же люде поведаютъ, же то пре мне мала.

* * *

Не такъ е мала, якъ е надобна,
Але люде поведаютъ, же то пре мне добра.» —

* * *

«Эй, дубинъ, дубинъ, зеленый дубинъ, дубина:
Пише мой милый листочокъ бѣлый зъ Будина.

«Ой мала, малючка, ай не подобна,
Ёщё къ тому докладають, же е барзъ худобна.»

* *
*

А моё богатство на высокомъ небе,
Тегды мй го Панъ Богъ да, якъ пойдемъ за тебе.»

(Всѣ 32 собраны И. Шафранковичемъ въ окрестности Мистицева Бережскаго Округа.)

231.

Ишло дѣвче лучками,
Розмагущи ручками,
Стрѣтилъ его паробокъ:
«Поважь, дѣвче, заробокъ!»

* *
*

Якъ оне ше потресло,
Показало, цо несло:
Несло оно сто златы,
Самй бѣлы дукаты.

(Изъ Земненскаго Округа.)

232.

Скорей мамъ фраира,
Якъ ты фраиречку;
Ужь есъ ся зорудовавъ
До едну хустечку.

* *
*

Ужь есъ ся зорудовавъ
Въ вышну, нижну страну,
Ёще 'сь собѣ не нашолъ
Фраиречку сталу.

ДУМКИ

б) Иносказательныя.

1.

(Т. II, стр. 312.)

Ой темная, та невидная,
Та товаришу нôчь, нôчь:
Ой полетѣла сива голубонька
Вôдъ голуба прôчь, прôчь, прôчь.

* *
*

Ой зъ недѣли та на понедѣлокъ
Та взяло свѣтати:
Ой полетѣвъ же сивый голубокъ
Сиву голубку шукати.

* *
*

Ой летитъ голубъ, та й летитъ сивый,
Все горами, долинами,
Ой здыбуеся, та й стрѣчуеся,
Все съ орлами, соколами:

* *
*

«Ой вы орлы, вы соколы,
Вы товариши мои,
Чи вы не видѣли, чи не бачили,
Сивой голубки моей?» —

* *
*

«Ой мы видѣли, ой мы бачили,
Ой тутъ она була,
Та й змахала сивыми крыльями,
Та за Дунай полинула.» —

Ой полетѣвъ же сивый голубко,
Ставъ надъ Дунаемъ спочивати,
Ой прилетѣла сивая голубка,
До Дунаю воды брати.

* * *

«Ой потогай Бôгъ, сива голубко,
Та ты, жоно моя!» —
«Бувай здоровъ, сивый голубку,
Ты не мôй, я не твоя!» —

* * *

Ой полетѣвъ сивый голубко,
Сѣвъ собѣ на гôлцѣ:
«Ой не вѣрь, не вѣрь, голубе голубцѣ,
Якъ не вѣритъ чоловѣкъ жêнцѣ.»

2.

Выйду я на гору,
Выйду на высоку,
А тамъ стану, та погляну,
Въ долину глубоку.

* * *

Тамъ пташки лѣтаютъ,
Жалобно спѣваютъ:
Лише менѣ, молоденькôй,
Жалю завдаваютъ.

* * *

«Ой жалю жъ мôй, жалю,
Тяжкій не по малу,
Ой пустила 'мъ соловьа,
Вже жъ го не поймаю!

А хоть я поймаю,
То вже не такого,
Щобы приставъ вѣрнесенько
До серденька мого.

* * *

Матусю, матусю,
Соколъ залётае; —
«Дай му, доню, принадоньку,
Най часто бувае!» —

* * *

«Яку жь ему, мати,
Принадоньку дати?» —
«Втвори, донько, кватырочку,
Та проси до хаты!» —

* * *

«Ходи, ходи, соловѣю,
Зъ надвору до хаты!
Буду тебе, соловѣю,
Цукромъ годовати.

* * *

Ой буду я тебе,
Цукромъ годовати,
Буду тебе, соловѣю,
Медомъ наповати.

* * *

Буду тебе, соловѣю,
Медомъ наповати,
Будешь въ мене, соловѣю,
На перинѣ спати.» —

«Волюся наѣсти
Въ лѣсѣ ягôдочокъ,
Нёжь у тебе, дѣвчиноньно,
Изъ цукру волочокъ.

* * *

Волю ся напити
Зъ кирниць водиць,
Нёжь у тебе, дѣвчиноньно,
Медочку, сытиць.

* * *

Волю ся выспати
Въ лѣсѣ на калинѣ,
Нёжь у тебе, дѣвчиноньно,
На бѣлôй перинѣ.» —

* * *

Ой стою жь я, стою,
Та й пôдъ коморою,
Проливаю свои слёзы
По несчастью мому.

* * *

Челядочка въ дому:
Що 'жь менѣ по тому?
Я бы 'мъ дала ручку бѣлу,
Та й не маю кому.»

(Зап. въ Раковцѣ надъ Днѣстромъ Коломыйск. У.)

3.

(Т. I, стр. 276.)

Ой стою я, стою,
Пôдъ Божею волёмъ,
Слёзами ся умываю
По несчастью своёмъ.

Ой выйду я, выйду,
На гору высоку,
Ой стану я, та й погляну
У скалу глубоку,

* *
*

Тамъ пташки лѣтають,
Жалôбно спѣвають,
Гôрьше менѣ, молоденькôй,
Жалю додавають.

* *
*

«Ой жалю мôй, жалю,
Жаль ми не помалу,
Выпустила 'мь голубонька,
Вже го не пôймаю.

* *
*

Хотя и пôймаю,
Але не такого,
Щобы приставъ вѣрнесенько
До серденька мого.» —

* *
*

Голубь залѣтае,
Въ вôкно заглядае:
«Выйди, доню, та й принаджуй,
На счäстя бувае!» —

* *
*

«Яку жь му, мати,
Принадоньку дати?» —
«Вôзьми, доню, за рученьку,
Введи го до хаты!

Посади го, моя доню,
За тисовымъ столомъ,
Назви єго, моя доню,
Сивенькимъ соколомъ!» —

* *
*

Тече вода, тече,
Съ кирницй до озера,
Чомусь моя головонька
Смутна, не весела.

* *
*

Ой якъ же она мае
Веселая бути,
Ой хто кого вѣрне любитъ,
Тяженько забути!

4.

(Т. II, 514; 582.)

Пôдъ дубиною, пôдъ зеленою,
Тамъ сидѣвъ голубъ съ голубиною:
Цюлювалися, обôймалися,
Однимъ крыленькомъ накрывалися;
Стрѣлцй засѣли зъ третои хаты,
Голуба вбивши, голубку взявши,
За тихій Дунай запровадивши.
Даютъ ёй вина, сыплютъ пшеницй,
Сива голубка не подивится:
«Ой чому не пьешь, ой чому не ѣшь?
Чи за голубкомъ сивенькимъ тужишь?» —
«Якъ менѣ ѣсти, якъ менѣ пити?
Якій свѣтъ красный, нема съ кѣмъ жити!» —
«Ой с тутъ у насъ тысячъ чотырй,
Выбери собѣ, котрый ти милый!» —

«Най васъ тутъ буде, якъ въ ставѣ воды,
Нема, якъ той бувъ мнѣ до сподобы:
Мôй бувъ миленькій, чорнобрôвенькій,
На личку бѣлый, самъ молоденькій.»

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

5.

(Т. II, 514, 582.)

Тамъ за горами, тамъ за лѣсами,
Сидятъ голубы, а все парами,
Сидятъ и сидятъ, та пôзнаются,
Бѣлыми крыльцями обнимаются.
Надлетѣвъ воронъ съ чорнои хмары,
Розôгнавъ, роспудивъ, голубы съ пары.
Сидитъ голубка, и ревне плаче,
Своего голуба, вже не зобачî.
«Здоровъ, голубко! Якъ ми ся маешь?
Твого голубка не отпытаешь?» —
«Ой нехай буде ї сѣмь паръ голубôвъ,
Нема й не буде, яко бувъ мôй любый.
Ней буде двадцать, й двадцять чотырî,
Нема ї не буде, якъ бувъ мôй милый!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

6.

(Паул. II, 92.)

Гей, на ставку
Злапавъ орелъ ластôвку
Злапавъ её за крыльце,
Повôвъ её на сельце.

* *
*

«Де жь ты мене поведешь
Такую маленьку?
Мене мати згодовала,
Якъ курку рябеньку.

Де жь ты мене поведешь
Таку невеличку?
Мене мати згодовала,
Якъ перепеличку.»

7.

Соколоньку сивый, рôдненькій мôй сыну,
Чому не затужишь? Видишь, же я гину.
Мати твоя рôдна, що 'мь тя породила
На сей свѣтъ бѣленькій, и такъ уносила,
Що 'сь возрôсъ здоровый тѣломъ и душею,
Нынѣ гордишь словомъ и вѣровъ моею.
Чи жь ты безъ сумлѣня не машь Бога въ менѣ,
Що ты мя покинувъ на чужôй роденѣ?
Приставъ ссь служити, забувъ на мать рôдну,
Бодай лишь не мати дитину негôдну!
Якъ теперь тя звати, якъ тя теперь чтити:
Перекинчикъ зъ тебе, не можь тя любити.
Якъ же тяжко серцю, пôдъ нимъ тя носила,
Все 'мь си такъ гадала и Бога молила:
«О Боже мôй, Боже, и Спасова мати,
Дай же ми плодъ счасный, щобы не страдати!
Дай же ми дитину, щобъ тебе славила,
Мене старовину та не отступила,
Не отступала до смерти николы.
Ой дай же ми, Боже, все то въ Твоѣй воли!»
И прійшла година, и я те повила,
Грудьми годовала, до серця тулила;
Не одну ноченьку не спала годинку,
Все 'мь о тебе дбала, не мала спочинку.
Въ тобѣ лишь надѣю мала я, бѣдненька,
Бо ты вже сирôтка була 'сь безъ батенька.
Такъ мы ся лишили, и ворогъ на силу
Взявъ насъ въ свои руки, якъ тую былину,
Взявъ насъ въ свои руки, сами горѣвали,
Коли воронъ стада хмарами упали,

Тогдѣ матёнонька съ тобовъ уходила,
Въ степи, въ лѣсы, горы, тебе уносила,
Грудьми заступала, моя дитинонько,
Чого жь ся дôждала, бѣдна головонько!
Ты мене покинувъ и ставъ ся цурати,
Чи жь то не грѣхъ тяжкій, матôньки сь встыдати?
Чи не знаешь, сыну, що матерни̂ слёзы
Зводятъ месть отъ Бога, сумлѣнье, угрозы?
Не разъ я казала, мôй ты соколонько,
Не дружи сь ты съ орломъ, то не твôй братонько:
Вôнъ тебе прилудитъ, уведе съ собою,
А я, мать несчасна, лишусь сиротою.
Ты мене не слухавъ, а теперь и знати,
Того ты не хочешь, що я твоя мати.
Скажи жь ми, сыноньку, слôвце на потѣху,
Прійди до домоньку пôдъ убогу стрѣху,
Где 'мь тя породила въ батьковôй хатонцѣ,
Ты ся вже встыдаешь въ панскôй палатонцѣ.
Не такъ я ти, сыну, пѣсеньку спѣвала,
Коли 'мь тя спатоньки въ колысочку клала,
И ты вже за мною ставъ есь промовляти,
Красненько по Руськи, якъ учила мати.
Чи не видишь, сыну, не дармо я плачу:
Верни, верни нынѣ, най тя ще зобачу,
И будь вѣрнымъ сыномъ, пристань до серденька,
Я тя попрощаю, Руська твоя ненька!

ДУМКИ

в) Колыбельныя.

1.

Ходитъ Сонко по улицѣ
Носитъ спанье въ рукавицѣ,
Чуджй дѣти пробуджае,
А Ганусю присыпляе.
Вступи же ты, Сонко, до насъ!
Буде тобѣ добре у насъ:
Въ насъ халупа тепленькая,
И Ганусія маленькая.»
Люляй же ми, Ганю, люляй,
До купойки очка стуляй!

2.

Сонку! Дрѣмку! голубойку!
Приспи жь мою дѣтинойку,
Приспи жь ми ю въ день и въ ночи!
Буде мати чорны очи,
Чорны очи, бѣле тѣло,
Бы кождому миле было,
Щобы росла, не болѣла,
Головоньки не сушила.
Дѣтинонька — неволенька,
Головонцѣ клопотонька.

3.

Ой пытався Сонъ Дрёмоты:
«Где будемо ночовати?» —
«Где халупа тепленькая,
И дѣтина маленькая.» —
Люлю, люлю, люлю, люлю!
Спи, малейкая Ганулю!

4.

Ой люляй же, дѣтинонька малая,
Поломалася колысонька новая:
Я колысоньку за день, за два, збудую,
А дѣтиноньки за рóкъ не выгодую.

5.

Ой колышися, колысойко новая,
Няй ми ся выспитъ дѣтинойка малая!
Ой колышь же ся, дѣтинойко любая,
Чи ми тя Бóгъ давъ, чи доленька лихая!
Ой якъ ми Бóгъ давъ, буду тя годовати,
А якъ лиха доля, буду тя проклинати.

6.

Гойда, гойда, гойдашейки!
Зимна роса на пташейки,
А найбóльша на едную,
На Марисю маленькую.

7.

Ой спи, дѣтя, въ колысонцѣ,
Якъ горошокъ въ былиноицѣ!
Буде вѣтеръ повѣвати,
Та й горошкомъ колысати;

Якъ горошокъ затыркоче,
Тогды Ганя спати схоче.

8.

Мати Квѣтка годовала,
И на свѣтъ го высылала:
«Иди, Квѣтку, межи люде!
Може тобѣ лѣпше буде.» —
«Бодай, мати, не служити,
Бо не можна догодити:
По колѣна хусты краютъ,
Ще до того проклинаютъ:
Бодай же сь ихъ не сходило,
Бо сь на нихъ не заробило!»

9.

Колысала, лелѣяла,
Послуги ся надѣяла:
«Ой хцешь люляй, хцешь не люляй,
Послуги ся не надѣяй!
Бо якъ умру, то не буду,
Якъ доросту, въ вôйну пôду,
Пôду въ вôйну воѣвати,
Чуджу кровцю проливати.» —
«Чуджа кровця не водиця,
Проливати не годится.»

10.

Люляй, дѣтя, безъ повитья!
Прійде мати, повине тя;
Прійде мати повивати,
Марысеньцѣ цицѣ дати.

11.

Шкода лѣса Лебедина,
Же въ нёмъ нема соловѣя:
Нема кому рано встати,
Дѣтятойку приспѣвати:
Люлю, люлю, люлю, люлю!
Спи, маленькая Ганулю!

12.

Колысала баба дѣда
Отъ поранка до обѣда:
«Ой спи, дѣду: бодай 'сь не вставъ,
Кобы ми ся иншій доставъ!»

13.

А на кота дригота,
На дѣтину дрѣмота,
Бодай спало, не плакало,
Бодай росло, не болѣло,
Отцю, мамцѣ, на втѣшеньку,
Добрымъ людямъ на славоньку!

(Всѣ 13 Перемышльскаго У. отъ Св. Іосифа Лозинскаго.)

14.

«Спи, дѣтятко! Колышу тя,
Якъ ми заснешь, отôйду тя,
Поставлю тя пôдъ липками,
Сама пôду съ Козаками.» —
«Не отходи мене, мати!
Хто жь мя буде колысати? —
«Поставлю тя на липоньцѣ,
На липовôй галузоньцѣ:

Буде вѣтрець повѣвати,
Буде тебе колысати;
Пôде дощикъ, скупаю тя,
Буде сонце, загрѣю тя,
Будутъ пташки прилѣтати,
Будутъ тобѣ щебетати.»

(Изъ Львовскаго У. отъ Никиты Олексова.)

15.

(Паул. II, 66.)

Ой спи, дѣтя! Колышу тя,
А якъ заснешь, полишу тя,
Заснешь рано, вôдойду тя,
Вôдойду тя пôдъ вербами,
Сама пôду съ Козаками:
Съ Козаками кашу ѣсти,
А съ Панами разомъ сѣсти.

16.

Ой люлю, малый Квасеньку,
    Ой люлю, люлю!
Ой тато на подолю,
    А мамуня въ полю.

17.

Ой поломалася
    Колысонька новая,
Ой забилася
    Дѣтинка малая:
Не такъ же ми жаль
    Колысоньки новои,
Ой якъ же ми жаль
    Дѣтинки малои!

Русскіе горцы Сяноцкаго уѣзда села Кривки въ западной Галичинѣ.

III.

ПѢСНИ ВЕСЕЛЫЯ И ОХОЧІЯ.

а) *Шуточныя и насмѣшливыя.*

1.

(Паул. II, 480.)

Мала стара бабусенька
Чотыри донёчки,
А всѣ були такѝ гладенькѝ,
Якъ ластôвочки,
Хорошенькѝ, молоденькѝ,
Въ личку румяненькѝ,
Высоченькѝ, пухнатенькѝ,
И чорнобривенькѝ.
Отъ такѝ носатѝ,
А такѝ зубатѝ,
Такѝ череватѝ,
А такѝ цицатѝ.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Теперь треба старатися
О кавалеренькѝ,
Щобы були статечныи
И ремêсниченьки,
Хорошенькѝ, молоденькѝ,
До того щиренькѝ,
Не гнѣвливѝ, не сварливѝ,
Єще побожненькѝ;

До роботы, до порады,
Розумні́й головы:
Съ таковыми мужоньками
Веселѣй розмовы.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Первую доньку выдала
Отъ за хлѣбороба:
Була то така для неи,
Удатна особа:
Веселенькій, здоровенькій,
Можна го любити.
Не журится, не смутится,
Съ такимъ добре жити.
Вôнъ такій головатый,
А такій ухатый,
Отъ такій окатый,
А такій носатый.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Другую доньку выдала
Тожъ за ситарчика,
Также за хорошенького,
И господарчика,
За златного, за щирого,
Своего Федуня,
Которого полюбила,
Якъ своего дѣдуня:
Бо вôнъ такій великій,
И такій грубенькій,
А такій дуже вусатый,
И такій зубатый.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

Третую доньку выдала
Ще за рыболова,
Въ которого также була
Розумна голова,
А до того такъ здатного,
Жвавого хлопака;
Бо у него завсе охота
И мйна однака.
Отъ такій вôнъ бородатый,
До того шмаркатый,
И такій дуже горбатый,
Ажь тяжко сказати.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Четверту доньку выдала
Вже за дударчика,
За годного, тверезого,
Капелмайстерчика.
Якъ на дуды вôнъ заграе,
Серце ся радуе,
Добре собѣ поступае,
Хорошо спѣвае:
А вôнъ такій дородненькій,
Такій щербатенькій,
Хотя трохи дзюбатенькій,
Однакъ же миленькій.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Ото жь теперь зôсталася
Сама бабусенька,
Усе ходитъ, все сумуе,
Же сама бѣдуе.

«Охъ тяженько то для мене
Все тое зносити,
Коли я не маю до кого,
Потреба самôй робити.
Якъ тôлько що змогу,
Не ходити, не журити,
Понехати тугу.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Выйду собѣ за ворота,
Буду ся дивити,
Може котрый зять мôй ѣде,
Треба привитати.
Вôтъ такъ ёго до хатоньки
Миленько просити,
Прійму ёго щире въ гостѣ
Дамь ѣсти и пити,
И постѣлку для него
Ладно застелити,
И сама ся я буду
Съ того веселити.
Ой тра ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Щось гуркотитъ, и туркотитъ,
И гостѣ веде:
Ото першій мôй зятенько
Въ гостину иде;
Але жь бо не порожненько,
Возокъ хлѣба везе:
Татови круглый бохонець,
А мамонцѣ булку,
А дитинятамъ, тѣмъ небожатамъ,
По медôвничкови,

По маленькому,
По тицененькому,
По солоденькому,
По жовтенькому.
Ахъ потѣхонько жь ты моя,
Така щирость твоя!
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Отъ и другій, коханый,
Зять мôй прiѣзжае,
Для кождого подарунки
Охочо роздае:
Батенькови старенькому
Великанске ситце,
А матêньцѣ до пшенички
Модненьке решêтце,
А дитиняткамъ, тѣмъ воробяткамъ,
По решеточку,
По тицененькôмъ,
По малесенькôмъ,
Такимъ кругленькôмъ,
Самимъ новенькôмъ.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Третій зятенько прiѣздитъ,
Вôзъ рыбы везе,
Передъ кождымъ въ дарунку
Рыбоньку кладе:
Батькови кладе щупака,
А матêньцѣ судака,
А дитинятамъ, тымъ небожатамъ,
По дрôбнôй рыбцѣ,
По такôй маленькôй,

Невеличенькôй,
А такôй рябенькôй,
А еще живенькôй.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Єще хтось тамъ тарахкотитъ,
Выйду, подивлюся,
А то четвертый зятенько:
«Радуйся, бабусю!»
Четвертый зять иде,
Самŷ дуды несе,
Батенькови и матêньцѣ
Въ подарунку дае:
Батенькови довгу трубу,
А матêньцѣ другу,
А дитинятками, тѣмъ небожаткамъ
По сопѣлочцѣ:
Отъ такŷ довгенькŷ,
А такŷ маленькŷ,
Ще такŷ тоненькŷ,
А такŷ кругленькŷ.

* *
*

Веселенько, хорошенько,
Собѣ поступае,
Бабусенька, матусенька,
Ажь ся росплывае.
Теперь я вамъ на дудочку
Заграю, заграю,
Хорошенько, веселенько,
Заспѣваю.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

2.

Гей, пріѣхавъ Козакъ
До Жида на шабашъ:
«Якъ ся Жиде, маешь?
Що ты ту порабяшь?
Заспѣвай ми теперь,
Тôлько, щобы гарне!»—
«Заразъ, заразъ; нехай собѣ
Пригадаю, Пане!

* *
*

Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, та й напавъ,
Коль мене Панъ, бѣдный Жидъ!
Тутъ заставъ, тутъ заставъ:
Ахъ вай же мйръ!
Въ однôмъ часѣ
На горѣ, на горѣ,
Танцювали Жидôвскіи
Бахурй, бахурй.
Зугъ же швиндъ, гай-лы-лы!
Мйтъ дй швестеръ, гай-лы-лы!
Гйтъ майне киндеръ,
Пакъ, пакъ, пакъ,
Ахъ вей вйндеръ,
Такъ, такъ, такъ!
Іосылы, Мойсылы,
Гифъ, гифъ, гифъ!
Татылы, мамылы,
Рифъ, рифъ, рифъ!
Ахъ вай мйръ!

* *
*

«Закличь но ми, хлопче,
Того Жида Юдки,
Нехай намъ тутъ принесе
Пейсашнои вудки!» —

«Нема въ мене такого,
Якъ ся Пану хоче.» —
«Букомъ Жида песёго,
Повыбивай очи!»

* *
*

«Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, и проч.

* *
*

«А ну, пôди, хлопче,
До Жида Шумира,
Нехай дае заразъ
Швайцарского сыра!» —
«Нема въ мене того,
Милостивый Пане!» —
«Нагаёмъ по плечахъ,
Заразъ тутъ сыръ стане.»

* *
*

«Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, и проч.

* *
*

«Здало бы ся пôти
И до Жида Хива,
Щобы намъ ту принёсъ
Вôвсяного пива.» —
«Ахъ вай, вôтки взяти?
Въ себе не тримаю.» —
«Сей часъ менѣ дати!
Я о тôмъ недбаю.» —

* *
*

«Теперь на мя чорный гôдъ,
Та й напавъ, и проч.

«Поди еще, хлопче,
До Жида онъ того,
Щобы вôнъ пошукавъ
Меду, та твердого!»—
«Нема въ мене меду;
Скажѣть, добры люде!»—
«Палашомъ по плечахъ,
И твердый медъ буде!»

* *
*

Теперь на мя чорный годъ
Та й нопавъ и проч.

* *
*

«Пôшла 'мь моя арендонька
На файферъ, на файферъ,
Коли мене той Панъ Козакъ
Съ всёго здеръ, съ всёго здеръ!

* *
*

Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, и проч.

* *
*

«Теперь треба пôти
До тои комурки,
Пошукати собѣ
Твоей красной сурки.»—
«Ахъ вай, Пане!
Що ся стане,
Якъ Панъ саму суру
Въ комôрцѣ застане!»—

* *
*

Пôшла жь моя арендонька
На файферъ, и проч.
Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, и проч.

«А ну, хлопче, Жида
Нагаёмъ съ горы,
Щобы выйшла его сура
Сейчасъ съ коморы.»
Ажъ тутъ и сура
Съ коморы выходитъ,
Жидъ въ великôмъ смутку
Въ голову заходитъ.

* * *

Теперь мои арендоньки
Пропали, пропали,
Уже мои суроньки
Передъ Пана повели.
Въ однôмъ часѣ
Ахъ вай же мйръ!
На горѣ и проч.

* * *

«Бери собѣ, Жиде,
Ту суру свою,
Та памятай собѣ
На ласку мою!»—
Ахъ вай мйръ, ахъ вай мйръ!
Яки менѣ ласки,
Коли мои суреньки
Вôдбували траски.
Бодай ты ся, Паночку,
Искрутивъ, искрутивъ,
Що ты мою суроньку
Истрафивъ, истрафивъ.
Ахъ вай же мйръ и проч.

* * *

«Теперь давай гроші,
Що 'сь много набравъ,
Сидя на арендѣ,
Людей обдиравъ!» —

«Не бравъ я даремно
Ничого у нихъ,
За що теперь позбавляюсь
Всѣхъ грошей моихъ?
Грошй мои, грошй
Забрали, забрали,
Мое любе суроньки
Страфили, страфили!
Ахъ вай же мйръ!
Въ однôмъ часѣ
На горѣ, на горѣ,
Танцовали Жидовскіи
Бахурй, бахурй.
Зугъ же швиндъ, гай-лы-лы,
Мйтъ дй швестеръ рай-лы-лы-лы!
Гйтъ, майне кйндеръ,
Пакъ, пакъ, пакъ,
Ахъ вей вйндеръ,
Такъ такъ, такъ!
Іосылы, Мойзылы,
Гифъ, гифъ, гифъ!
Татылы, мамылы,
Рифъ, рифъ, рифъ!
Ахъ вай мйръ!

(Изъ Тернопольскаго Уѣзда.)

3.

(Пауля II, 41.)

Ой прієхавъ Козакъ до Жида на сабашъ:
«Помогай Бôгъ, Жиде! Якъ же ми ся машъ?
Ой та кажутъ люде, що ты грошй маешь.» —
«Нема пакъ, заплативъ емь за чопове.» —
«Ой ты, чура маленькій,

Та подай бучокъ тугенькій!
Най забью Жида, Жидовина,
Негôдного сына!»
«Ну що пакъ, маешь всѣ мои гроші.»

* *
*

«Помогай Бôгъ Жиде, якъ же ми ся маешь?
Ой та кажутъ люде, що ты красну жёнку маешь.» —
«Нема пакъ, десь пôшла.»
«Ой ты, чура маленькій,
Та подай бучокъ тугенькій!
Най забью Жида, Жидовина,
Негôдного сына!» —
«Хаюню! Хаюню, кімъ, кімъ!»

* *
*

«Помагай Бôгъ, Жиде, якъ же ми ся маешь?
Повѣдають люде, що ты красно танцуешь.» —
«Не годится, пакъ бо сабашь.»
«Ой ты, чура маленькій,
Та подай бучокъ тугенькій!
Най забью Жида, Жидовина,
Негôдного сына!»
«Ой трандоромъ! трандоромъ!
Передъ Паномъ Федоромъ!
А ты, сабашъ, не дивуй,
Бо ты видишь клопôтъ муй!»

4.

Хотѣла мене мати
За одного дати:
А той першій,
Малый недовершій,
Та не дай мене, мати!

Хотѣла мене мати
За другого дати:
А той другій
Недолугій,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За третёго дати:
А той третьій
Дуже впертый,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За четвертого дати:
А той четверый,
Хоче вже вмерти,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За пятого дати:
А той пятый
Довгопятый,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За шостого дати:
А той шостый
Грае въ кости,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За семого дати:

А той семый
Сумный, невеселый,
Та не дай мене, мати!

* * *

Хотѣла мене мати
За восьмого дати:
А той осмый
Не дорослый,
Та не дай мене, мати!

* * *

Хотѣла мене мати
За девятого дати:
А той девятый
Не поставитъ хаты,
Та не дай мене, мати!

* * *

Хотѣла мене мати
За десятого дати:
А той десятый
Гожій, вусатый,
Красный, богатый,
Ой вôддай же мене, мати!

5.

Кажутъ менѣ люде, жебы 'мь оженився,
Щобъ по ночи не ходивъ, та й не волочився.
Оженившися, треба о всёмъ знати,
Треба жёнку, треба дѣти, чимъ погодовати.
Выправила мужа та въ поле орати,
Сама пôшла молода до мѣста гуляти:
„Не свари жь мя, мужу, що 'мь ся забавила,

Бо 'мь не знала, де орешь, по полю шукала.»
Ой идетъ мужъ съ поля бѣдный стогнучи,
Єго жёнка весела зъ мѣста гукаючи.
Шкода моёй жёнки, якъ гладко збрехала,
Казала, же блудила, а въ мѣстѣ гуляла.
«Бо̂льше, моя жоно, не чини ми того,
Дай же теперь вечеряти, чи не маєшь чого?»—
«Ой ты жавъ въ полю, я гуляла въ мѣстѣ,
И хто жь тобѣ мавъ бы дома наварити ѣсти?
Коханый мо̂й мужу, вчини жь мою волю,
Поскачи жь ми гайдука тутъ передо мною!»
А мо̂й мужичище взявся за бочище:
«Ото жь, жоно моя люба, тобѣ гайдучище!»—
«Дивѣть же ся, люде, що 'мь зле учинила,
Що я мужа своёго гайдука навчила!»

6.

Ой прійшла сосѣда
По огонь до школы,
Та зачала зачёпати
Дяченька по воли:

* *
*

«Прійди, дяче коханый!
Бо 'мь тя сподобала:
Наварю ти вараницъ
Щобъ челядь не знала.»

* *
*

Нерозважный Дячище
На по̂дмову дався,
Скоро прійшовъ до хаты,
На постелю вклався.

* *
*

Прійшовъ зъ корчмы чоловѣкъ,
Жёнки ся пытае:
«На постели хто лежитъ,
На тебе киває?

Скажи менѣ конечне,
Що за гостѝ маешь!»
А Дякъ тихо ей шепче:
«Що, Гандзю гадаешь?»—

* * *

«Охъ я, милый, гадаю
Ни чо не казати,
Волю тое сама все
На собѣ здержати.»

* * *

Догадався бачный Дякъ,
Вȏкномъ утѐкае:
«Подай шапку и поясъ,
Най не пропадае!»

* * *

Розȏгнався чоловѣкъ,
Въ одвѐрокъ затявся,
Ударився, що ажь впавъ,
Ледво спамятався.

* * *

«Чи ты, мужу, ошалѣвъ,
Чи може такъ впився?
Чого съ бучкомъ и за кимъ
По двору гонився?

* * *

А ты въ ночи волочишься,
А я сама сиджу,
Якъ тȏлько я спати ляжу,
Никого не виджу!»—

«Що за лихо такое
Побѣгло въ воротѣхъ,
Впередъ мене не мале,
Въ червоныхъ чоботѣхъ!»—

* *
*

«Я ту сама сидѣла,
Богу ся молила,
Жебы тебе зла хвиля
За все не минула.»—

* *
*

«Слухай, жёнко, не клени,
Бо я чоловѣкъ твôй:
Вольно ми ся напити,
Та й прійти въ домъ свôй.»

* *
*

Ой прійшовъ кумъ до кумы:
«Щобъ съ жёнковъ робити?»—
«До бороны запрячи,
Та й нёвъ волочити

* *
*

Выложивши зъ бороны,
Треба вбрати въ ярмо:
«Теперь, жёнко, погуляй,
Не ѣжь хлѣба дармо!

* *
*

«Якъ розберешь изъ ярма,
Вложи въ тое рало,
А бій потôмъ, кôлько хочь,
Щобъ за твое стало!»

7.

Пôшовъ дѣдъ по грибы, баба по пôдпеньки,
Дѣдъ свои посушивъ, бабы всѣ сыренькі.
«Ой жебы ты, бабуненько, та на твои мысли,
Були бъ твои лупиночки та зъ мними высхли.
Ой жебы ты, бабуненько, мене послухала,
То бы 'сь пôшла на лотоки, та бы 'сь ся скупала!»
Пôшла баба на лотоки, та й тамъ утонула,
Дѣдъ за бабовъ шукаючи, баба поплынула.
Тече вода зъ пôдъ города, берегами рѣже,
Иде дѣдъ изъ весѣльёмъ, баба зъ воды лѣзе:
«Помагай, Бôгъ, дѣдуненьку, и матери твоёй!
Така въ мене синя дымка, якъ у молодой.»

8.

Вчора була голя, голя, а нынька неволя,
Кажуть мене на панщину, головонько моя!
Якъ ми скажуть до роботы, волѣвъ бы я вмерти,
Якъ заграють ми музыки, то йду въ переверты.
Сюда бѣда, туда бѣда, а въ Павловѣ гараздъ,
Якъ не выйду на панщину, покладають заразъ;
А Сикора покладае, Вергонищь тримае,
А Вокомонъ изъ паличковъ коло задку грае.

9.

Ой ходила Гуцулиха зъ горы на долину,
Та восила Гуцулеви въ жменѣ солонину:
«Эй, Гуцуле, Гуцуленьку, треба трохи сѣсти,
Маю въ жменѣ солонину, будемъ трохи ѣсти!»—
«Ой Гуцулы, Гуцуленьки, де вы батька дѣли,
Чи зварили, чи спекли, чи сырого зъѣли?»—
«Не зварили, ни спекли, ни сырого зъѣли,
Лишь до сырои землѣ до суду зложили.»

10.

«Та головонько бѣдна,
Чого ты такъ сблѣдла,
Чи ты жито жала,
Чи 'сь въ недузѣ лежала?»—
«По рынку ходила,
Медъ, горѣлку, пила,
Веселенька була.
Пôду я до комнаты,
Буду умерати,
А мôй милый,
Голубонько сивый,
Буде жаловати.
А ôнъ ставъ, зажуривея,
Та й пôшóвъ, пôдголився.
Прiйшло три дѣвонци,
Хтѣли навѣджати,
А вôнъ взявъ ся выбирати,
Котру бы си взяти.
«Взявъ бы 'мь си ту высоку,
Ту высоку, чорнооку,
Кобъ хтѣла робити
И мене любити,
До инчого не ходити.»—
Дѣти вчули, взяли плакати:
«Ой мати! мати! Где жь тебе взяти?
Ни тя заробити,
Ни тя откупити,
Где жь тебе взяти?
Заберемося за руки,
Пôдемо служити,
Не маемо, где мати
Рôдненькую взяти.
А другая мати
Буде насъ бити,
Не буде любити!»

«Ой волѣла бы я
Молодовъ вмирати,
Нёжь мала бъ по слюбѣ
До роду вертати.»

11.

Була въ мене жононька,
Була въ мене добренька,
Выправила мене въ лѣсъ по дрôва,
Дала менѣ сокиру тупую,
Що бъ я утомився,
Въ лѣсѣ забавився.
А менѣ Богъ погодивъ,
Що 'мь сокиру уломивъ,
Та й я не втомився,
Въ лѣсѣ не бавився.

* *
*

Прихожу я до домоньку,
Мене жёнка лае,
Ой а свои кавалеры
Вôкномъ выпускае;
А менѣ Богъ погодивъ,
Що 'мь одного въ вôкнѣ ймивъ,
Та й я не набився,
Лише надрочився.

* *
*

Мене жёнка проситъ дуже:
«Ты, мой милый муже,
Та не бій ёго уже,
Але пусти, та дивися.
Якъ вôнъ бѣжитъ дуже!»

12.

Оженився чоловѣкъ—
Пôшовъ ёму марне вѣкъ:
Жёнка не хоче, робити,
Нема ёй въ чёмъ ходити.

* *
*

«Продай, милый, чабаны,
Купи менѣ чоботы,
Щобы я ся обула,
И такъ выйшла, якъ друга!»

* *
*

Уже в'на ся обула,
И такъ выйшла, якъ друга.
Выйшовъ милый на гору,
Несе хомутъ на шею:

* *
*

«Ой, на жъ тобѣ, моя мила,
Щобы 'сь дрова мнѣ возила!»
Выѣхавъ вôнъ на гору,
Та бье милу по чолу:

* *
*

«Ой по малу, моя мила,
Щобы 'сь хомутъ не зломила!»
Пріѣхавъ вôнъ до дому,
Дае ѣсти солому:

* *
*

«Не буду я того ѣсти,
Хочу собѣ троха сѣсти,
Троха сѣсти, троха сѣсти,
Не буду того ѣсти!»

13.

Було менѣ копа лѣтъ,
Завязавъ я собѣ свѣтъ: 2.*
Взявъ я собѣ молоду,
Самъ перейшовъ на бѣду.
Здавалася молода,
Она 'сь стара, якъ бѣда:
И робити не хоче,
Встане рано, воркоче.
Ино бъ ѣла и пила,
И добре ся сварила.
И добре ся сварила
И до корчмы ходила.
И до корчмы ходила,
И все въ корчмѣ гуляла.
Казала си спѣвати,
Не хтѣвъ я ёй слухати;
Не хтѣвъ я ёй слухати,
Взяла мене бухати.
Якъ зачала бухати
Мусѣвъ я ю слухати.
Мусѣвъ я ю слухати,
Взявъ я ёй спѣвати.
«Спѣвай, мужу, весело,
Бо я иду въ около!»
Якъ зачала гуляти,
Тяжко було стримати.
Не вѣрь бабѣ до сто лѣтъ,
Умре баба, пôдпри плôтъ:
Якъ ся той плôтъ розпрясе,
Вѣтеръ бабу понесе.

---

* Такъ вездѣ послѣ второго стиха.

14.

(Паул. II, 120.)

Мысливъ емь ся оженити, та й не маю чого,
Нестає ми десять грошей до пôвъ золотого.
Ни что же, небоже, про пôвъ золотого,
Маю жь бо я та й пять грошей, що жь кому до того.

* * *

Не такій то страхъ великій, якъ кажутъ юноши;
Не журюся, оженюся про тыхъ десять грошей!
Ни что же, небоже, про тыхъ десять грошей,
Єднакъ собѣ буду глядавъ дѣвчины хорошей.

* * *

Мовятъ люде: «Не журися! Гараздъ тобѣ буде:
Будешь мати при кѣмъ спати, хоть хлѣба не буде!»
Ни чъ зъ того, небого! Хоть хлѣба не буде,
Пôдемъ зъ торбовъ по жебранье, та намъ дадутъ люде.

* * *

А нй хлѣба, а нй каши, а нй власной хаты,
Хоть намъ хто що подарує, нема где сховати.
Ни чого, небого! Хоть не маемъ хаты,
Въ лѣтѣ въ лѣсѣ, въ зимѣ въ мѣстѣ, будемо мешкати.

* * *

Єще днеська пôвъ несчастья, гды зостаемъ самы,
Але, якъ намъ Богъ дасть дѣти, що то буде зъ нами!
Ни чь зъ того, небого! Добре буде зъ нами,
Будемъ дѣти продавати, зôстанемъ панами.

* * *

Не журися, оженися: гараздъ тобѣ буде,
Будешь мати при кѣмъ спати, хоть хлѣба не буде
Не давно 'мь ся оженивъ, пôшло ми рукою,
Жêнка пôшла за борщêмъ, а я за мукою.

15.

(Паул. II, 104.)

Бивъ мене мужъ
Три разы южь:
Привязавъ ниточку
На соломиточку,
Кôсть втеребивъ.

* * *

Я съ того зла
Спати легла,
А вставши раненько,
Закôль ся видненько,
Та поснѣдала.

* * *

Зъѣла 'мь вола,
И барана,
И чтыри качочки,
И горнець кашочки,
Єще 'мь голодна.

16.

(Паул. II, 103.)

Породила чечотонька семеро дѣточокъ:
Авдосю, Февросю, Варварину, Катерину,
Горпину, Марину, Настусю свою.
Згодовавши чечотонька, за мужа дае:
За Захаря Явдосю, за Макара Февросю,
За Давида Варварину, за Димида Катерину,
За Романа Горпину, за Степана Марину,
За Ивана Настусю свою.

Запросила гостей до себе, зятей и дѣтей,
И близкихъ пріятелей на банкетный день;
Були гості изъ далека: изъ Кракова Панъ Мацько.
Изъ Варшавы Панъ Дацько, изъ Кіева Ксаверко;
Стройно, гойно, гучно, бучно попріѣжджали,
Въ соболевыхъ ковпакахъ и въ злоцистыхъ поясахъ,
И червоныхъ чоботахъ и ферезіяхъ.

* * *

Були Панны молодыи: Кася, Гася, Гануся,
Зося, Дося, Маруся и Магдалина,
Околенько, кругло увивалися,
Скакали, плясали, медъ, вино, попивали,
И пивомъ ся подхмеляли и горѣлицею.

17.

(Паул. II, 153.)

Била жёнка мужика,
Пôшла позывати,
Присудили мужику,
Щобъ жёнку прохати.

* * *

Сидитъ жёнка на припечку,
Нôжки пôдопхавши;
Стоитъ мужикъ у порога,
Шапочку изнявши:

* * *

«Прости мене, моя мила,
Що ты мене била!
Куплю тобѣ гарнецъ меду,
Коновочку пива.»—

Якъ емь выйшовъ на село, сѣвъ собѣ на горбѣ:
Позазирамъ сюда, туда, цй суть дѣти въ торбѣ.
Гопъ, цупъ, цумандра,
Цумандриха молода!

* * *

Заколь емь ся не оженивъ, штырма конми лятавъ.
А якъ емь ся оженивъ, чапковъ буты латавъ.
Гопъ, цупъ, цумандра,
Цумандриха молода.

20.

(Т. II, 474.)

Ишовъ Ляшко изъ Варшавы,
На нёмъ были сукнй шары,
Й шабличка у бока,
Не боявся Руснака.

* * *

Бѣда Ляшка покусила,
Та увойшовъ до Русина,
И шапочку не изнявъ,
«Помагай Бо́гъ! не казавъ.

* * *

Ишовъ Ляшко по надъ луги,
А тамъ оре Русинъ съ плугы,
Почавъ Ляшко думати,
Што мать ему казати.

* * *

Думавъ Ляшко до полдня,
Пошовъ тишкомъ до плуга,
И шапочку не изнявъ,
«Помагай Бо́гъ!» не казавъ

«Давай, жено, батога!
Буду вчити Ляшка я,
Якъ шапочку знимати,
«Помагай Бôгъ!» казати.

* * *

Ишовъ Ляшко дорогою,
Надыбавъ гусь надъ водою:
«Помагай Бôгъ!» бѣла гусь,
«Навчила мя тая Русь.»

* * *

Стрѣтився съ нимъ медвѣдь куцый,
Ляшко думавъ, же то Русинъ,
Схопивъ чапку борзенько,
Поклонився низенько.

* * *

Медвѣдь ся съ нимъ поигравъ,
Голову му обôдравъ:
«Вставай, Ляшку, не лежи,
Шê ся зо мновъ подержи!»

(Изъ села Вѣровы Землинскаго Уѣзда.)

21.

Ишовъ Ляшокъ долѣ селомъ,
И здыбався изъ Русиномъ,
Ни шапочки не знимавъ,
Ни «Помай Бôгъ!» не казавъ.
А Русинъ го догонивъ,
За чуприну го зловивъ,
Та за уха накрутивъ:
«Ой такъ, Ляше! Добре знай,
«Помагай Бôгъ!» вôддавай!»

Пôшовъ Ляшокъ дороговъ,
Здыбавъ гуси надъ водовъ,
Вôнъ шапочку издоймивъ,
Низенько ся исклонивъ:
«Помагай Бôгъ!» бѣла гусь,
«Навчила мя твоя Русь!»

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

22.

(Т. II, 565.)

Журилася попадонька та своёвъ бѣдою,
Же достала хлопа Попа съ длуговъ бородою.
Албо мêнѣ трудно, албо мêнѣ нудно,
Попа съ бородою любити мй трудно.

* * *

Зазвали насъ на крестины, казали мй сѣсти,
Что посмотрю на бороду, не дай, Боже, ѣсти!
Албо мêнѣ трудно и пр.

* * *

Зазвали насъ на весêля, бы 'мь ся веселила,
Что посмотрю на бороду, та 'мь ся зармутила.
Албо мêнѣ трудно и пр.

* * *

Зазвонили и до церкви Богу ся молити,
Что посмотрю на бороду, не можь говорити.
Албо мêнѣ трудно и пр.

* * *

Рѣжьте гуси, рѣжьте куры, рѣжьте и индики,
Попрêгайте кониченьки, пôду до Владыки.
Албо мêнѣ трудно и проч.

А Владыка ей такъ повѣвъ: «Муситъ ужь то быти,
Съ Попомъ съ бородою ажь до смерти жити.»
Албо мêнѣ трудно, албо мêнѣ нудно,
Попа съ бородою любити мй трудно!

(Изъ Угорской Руси.)

23.

«Де есъ бывъ, де есъ бывъ, мой товарйшу?» —
«При млынѣ въ Будйнѣ, серце Марйшу!»

* * *

«А што 'съ тамъ робйвъ, мой товарйшу?» —
«Муровавъ, будовавъ, серце Марйшу!»

* * *

«А што 'съ заробивъ, мой товарйшу?» —
«Сто златы дукаты, серце Марйшу!»

* * *

«А де 'съ ихъ подѣвъ, мой товарйшу?» —
«Проѣвъ емь, пропивъ емь, серце Марйшу!»

* * *

«А якъ ты зомрешь, мой товарйшу?» —
«Эй зомремъ, ей зомремъ, серце Марйшу!»

* * *

«Де тя поховати, мой товарйшу!» —
«При крйжу на брêжю, серце Марйшу!»

* * *

«А якъ тй звонйтй, мой товарйшу?» —
«Склянкамй съ погарамй, серце Марйшу!»

«Якъ за тобовъ плакати, мой товарйшу?» —
«Ихаха! Ихуху! серце Марйшу.»

24.

А цы ты, Ганйчко, найкрашша,
Же прй це злапали инаша?
Же прй це злапали въ коморе,
Далй му сто палйцъ на дворе;
Дали му сто палицъ, ёше пятъ,
Няй онъ фраиречку не трйма'тъ!

24.

У нашого орїонйсты
Єстъ тамъ чаповъ Дебрецйнскій
А другій, а такій,
Ажь по саме павлаки.
Тринди, ринди, бомъ!

* *
*

Ногавйцй габовы,
Изъ старого поставу,
Кйтаицй при руцѣ,
А цанйстра при боцѣ.
Тринди, ринди, бомъ!

* *
*

До цанйстры што треба,
За дудокъ ма повъ хлеба,
Повъ сйла съ препалки,
Помастити ремёнки.
Тринди, ринди, бомъ!

А кошуля дюндёва,
Сама верхйвчова,
Съ граховянковъ вышивана,
Съ бобовянковъ преплётана.
Трынди, рынди, бомъ!

* *
*

А хижа му курія,
Такъ нема ничъ, якъ и я:
Штыри колы, два плоты,
То презъ жадной роботы.
Трынди, рынди, бомъ!

(Изъ Угорской Руси.)

ПѢСНИ ВЕСЕЛЫЯ И ОХОЧІЯ.

б) Небылиичныя.

1.

Зôбралася звѣрина
    До своей громады.
Посадила медведя
    За столомъ до рады;
Стали раду радити,
    А кого бъ ту женити?
«Оженѣмо заяця,
    Хорошого молодця.» —
«Яку ему жêнку дати? —
    «Куну молодую,
Щобъ по лѣсѣ не гукавъ.
    Щобы заяць жêнку мавъ:
Тхôръ ему за дружбу,
    Ховрахъ за пôддружбу,
А лисъ за сватка,
    Вовчокъ за старосту.
Дикій цапъ, дикій цапъ,
    Такъ коровай крае,
А все тую пôдошевку
    Та до горла пхае:
Дика свиня господиня,
    Ѣстоньки варила,
Дикій вепрокъ доношувавъ
    То меду, то вина;
Ласички, пôдпанки,
    Скачуть коло лавки:

«Бѣдна наша головонько,
Кобы намъ цымбалки!»
А ѣжь яблукъ пôдносивъ,
Вевѣрки орѣхи:
«Дзѣнкую вамъ, мили гостѝ,
То нашѝ потѣхѝ.»
А хрущъ упився,
На сову звалився,
Сова жартôвъ не знала,
Хруща въ пысокъ затяла;
Канарокъ музыка,
Соловѣй басистый,
А кôсъ чорненькій
Вже не мавъ, где сѣсти.
Прійшовъ заяць до куны,
На: «Добры день!» грати,
Пытаеся вôнъ куны:
«Чи е дома мати?» —
«А що тобѣ до того?
Моя мати дома,
А я тебе полюбила,
Хлопця молодого.»
Сидитъ куна за столомъ,
Набралася злости:
«А я тебе полюбила,
А ты куцофостый!»
Молодая куна
Кошту пôдоняла,
Та побѣгла до села,
Курчатъ налапала:
Наварила горнець мяса,
Напекла печенѝ,
Якъ прилетѣвъ яструбище,
Забравъ въ обѣ жменѝ.
Сидитъ заяць на межи,
Низенько склонився:
«Слава Богу Найвысшому,
Що я оженився!»

Якъ пріѣхавъ панъ Козловскій
Зо своими псами,
Порозгонивъ звѣрину
Темными лѣсами.

(Отъ слѣпца лирника Ѳомы Зеленчука въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

2.

(Паул. II, 98; мой Сборникъ II, 550.)

Зафрасовався щеголь, мысля̀чи думае,
Же не хоче самъ сидѣти, женитися мае:
Полюбивъ собѣ синицю, барзо хорошую птицю,
Хорошую, молодую, воробля сестрицю;
Зголосивъ, запросивъ зо всеи громады,
Сокола до стола посадивъ до рады.
Орелъ мовить: «Не журися!»
Яструбъ каже: «Оженися!»
Сокôлъ каже: «Коли любишь,
Возьми собѣ, та й заслюбишь,
Взаемно, пріемно и цѣломудрно!»

* *
*

Гукнувъ пугачъ на дружину:
«Що будемъ робити?»
А чижъ мовитъ: «Не фрасуйся!
Будемь ѣсти, пити!»
Самъ панъ орелъ за старосту,
Шпакъ за дружбу,
Косъ въ ту службу,
Хрущъ съ крукомъ маршалкомъ,
Журавель хоружимъ,
А индикъ панъ синдикъ,
Боцянъ пôдхоружимъ,
Пава садитъ каретою,
Каня иде пѣхотою,

Куропатка, перепёвка,
Свашка, пристойная дѣвка,
А сoя до покоя,
За паню сваху.

* * *

Шляхетный боцянъ,
Сѣвши близъ индика,
А журавель при боку
Самого синдика,
Орелъ сидитъ коло павы,
Напившись солодкой кавы,
А тетери шафранъ терли,
Даютъ обѣдъ собѣ;
А гусакъ ѣсть у смакъ
Кашу изъ росоломъ,
Лебедь пье, гукае,
Сидячи за столомъ,
Орелъ бере за печеню,
Яструбъ набравъ повну жменю,
А каня ся запыхае,
Сорока вина додае,
А пава ласкава гостй частуе

* * *

Вставши гостй по обѣдѣ
Взялися до танцю;
Поглянувъ орелъ на паву:
«Пій, моя коханцю!»
А журавель сою поитъ,
Боцянъ съ канею ся строитъ,
За соколомъ зазуль коломъ
Напередъ ними,
Крогулецъ йде въ танець,
Взявши собѣ плѣшку,
Когутъ квакъ заспѣвавъ,

Выпивъ меду миску;
А гупало даетъ знати,
Виватъ палить изъ гарматы,
Кочаръ пороху додае,
Бо му стрѣльбы недостае.
Все стройно, достойно и цѣломудрно.

* *
*

Єще ся на тôмъ не стало
И часъ ще збувае,
Що разъ бôльше гостей
Въ дому прибувае:
Прійшла чапля изъ роботы,
А чайка робитъ форботы,
Музыканты въ торобанты
Граютъ: «Добра нôчъ!»
Сковоронки на скрипки,
Канарки спѣвали,
Яструбы на трубы,
Дудки на цымбалы,
Всѣ ластовки на свиставки,
Соловêи на обои,
Перепêвки на бандурки,
А бекасы тнутъ на басы,
Согласно, прекрасно и концептовно.

3.

(Паул. II, 94, мой Сборникъ II, 549.)

Ой надлетѣвъ жукъ,
Та въ рѣченьку пукъ!
Прилетѣла его мати,
Стала жучка ратовати.
«Ахъ, мôй милый жучку,
Подай же ми ручку!»

А бѣдная мати
Пошла въ поле жати,
Свого сынка жучка
Лишила у хатѣ.
«Казала 'мь ти: Не гуляй,
По надъ рѣчку не лѣтай!
Бо якъ въ рѣчку впадешь,
У водѣ пропадешь.
Несчаслива мати
Якъ только изъ хаты,
Почавъ заразъ жучокъ
Крыльцѣ простырати:
«Полечу, поднесуся,
По всѣмъ свѣтѣ подивлюся,
О томъ моя мати
Не буде ни чь знати.»
Выхватився жукъ,
Полетѣвъ ще далѣй,
Та въ рѣченьку пукъ!
Почне такъ кричати,
Бы го ратовати:
«Мати, моя мати!
Не дай загибати!»
Несчаслива мати
Покидае жати,
Та своего сынка жучка
Летитъ ратовати,
Летитъ, поспѣшае,
Надъ рѣченьку припадае:
«Ахъ, мой милый жучку,
Подай же ми ручку!
Не хтѣвъ есь мя, жучку,
Сыну мой, слухати,
Теперь потопаешь,
Мене споминаешь.»
Ахъ, бѣдная мати
Почала плакати:
«Згину, розобьюся,

Въ тôй же рѣчцѣ утоплюся,
Абы 'мь тебе, жучку,
Держала за ручку.
Плынутъ рыбки, плынутъ,
Близше приплываютъ,
Мого сынка жучка,
Далѣй порываютъ,
И рвутъ и скубаютъ,
Порываютъ, просмыкаютъ;
Зъ мого сынка жучка
Не зостала й ручка!»

4.

Розигрався хоростѣль,
    Та й впавъ у капусту,
Зловивъ его Войткôвъ Мацько:
    «А вже жь тя не пущу!»

* * *

Що дѣявши хоростѣль,
    Узявся просити:
«Пусти мене, Войтуню!
    Пôду ти косити.»

* * *

А вôнъ его не пустивъ,
    Узявъ го до хаты,
Посадивъ го на стôльчику,
    Давъ цѣвки сукати.

* * *

Суче, суче, хоростѣль,
    Не дають му ѣсти,
Ой мусѣвъ же хоростѣль
    Зъ бѣды въ грубу влѣзти.

Ой летѣвъ вôнъ черезъ каглу,
Обсмаливъ си крылцѣ,
Та й вылетѣвъ на улицю
Межи чорнобрôвцѣ.

* *
*

Выйшла дъ нему дѣвчина,
Проситъ го до хаты:
«Ходи, ходи, хоростѣлю!
Дамъ ти обѣдати.» —

* *
*

«Не пôду я, дѣвчинонько,
Не маю где сѣсти;
Кôтка сидитъ на припѣчку,
Хоче мене съѣсти.»

5.

Два когуты, два когуты,
Жито молотили,
Два каплуны, два каплуны,
До млына носили;

* *
*

А цапъ меле, а цапъ меле,
Коза насыпае,
А козлятко, небожатко,
Мѣрки вôдбирае;

* *
*

Муха мѣситъ, муха мѣситъ,
Комаръ воду носитъ,
Кôтка пече, кôтка пече,
А кôтъ Бога проситъ.

6.

Косилъ заяцъ отаву,
Лишка пограбуе,
Комаръ копы поклада'тъ,
Муха потлачуе.

* * *

Комаръ ся ей залица'тъ,
Хотѣлъ ся женити,
А муха ся повбѣцала
За жену му быти.

* * *

Видитъ муха комара,
Младенца дрѣчного,
Безъ жадного думанья
Хтѣла йти за нёго.

* * *

Такъ они ся порадили,
Свадбу удѣлали,
На ту славну гостину
Гостій закликали:

* * *

Бывъ врабель за дружбу,
Мачка за дружичку,
Блыщица ся присунула
Была за кухарку;

* * *

А ѣжа за ставника
Себѣ выволали,
А тхоря за маршавка
Себѣ поставили.

Былъ гавранъ за старосту,
А за сваху сова,
Копнулъ ю до хвосту,
Не рекла му слова.

* *
*

И шелъ песъ чрезъ овесъ
Въ ремѐннôмъ кабатѣ,
Мавъ острожки на ногахъ:
«Якъ ся тута мате?»

* *
*

Танцовала свиня съ волкомъ,
Гусь на гуслехъ гула,
А срока ся подкасала,
До танцу ся дала.

* *
*

Такъ и бѣла гнида
Фартухъ опасала,
Чревики на ножки вдѣла,
И такъ танцовала.

* *
*

Ой той-то гостинѣ
Блыха ся дознала,
Сѣла себѣ до гинтова,
А тамъ понагляла.

* *
*

Якъ навновала сѣдѣти,
Скакати почала,
Волкъ ей конѝ стражовавъ,
Она танцовала.

Дуже бо красна была,
На ней ся дивили,
А къ тому и швидка была,
На танець ю брали.

* * *

5 Ѣли, пили, гайновали,
Добрѣ имъ тамъ было,
Лемъ то бѣдна псота была,
Что зъ голоду млѣли.

(Изъ Угорской Руси. См. Грам. Лучкая 168.)

ПѢСНИ ВЕСЕЛЫЯ И ОХОЧІЯ.

в) Праздничныя, круговыя и пировыя.

1.

Гостй собраній,
На насъ ласковй,
Бы 'сьте у счастью пробували,
Въ радости ся розставали.
Гей, гостй, гей!

* *
*

Що 'сьте ту приспѣли,
И насъ посѣтили,
Серця у заставъ отдаемо,
Вамъ умильно дякуемо.
Гей, гостй, гей!

* *
*

Будьте веселй,
Якъ въ небѣ Ангелы!
Нехай вамъ доля спріяе,
Счастливости примножае.
Гей, гостй, гей!

* *
*

Що есть, заживайте,
За насъ выбачайте:
Що не здаритъ можность наша,
Най покрые ласка ваша!
Гей, гостй, гей!

Пугары сповняйте,
Другимъ подавайте,
Выпивайте за здоровье,
Славутное многолѣтствье!
Гей, гості, гей!

* * *

Укôнчивши пити,
Зачнѣте спѣвати:
Согласно всѣ заспѣваймо,
Бога разомъ выхваляймо!
Гей, гості, гей!

2.

Сѣялъ мужикъ просо,
Жёнка каже макъ.
Ой такъ, ой такъ, такъ, 2.
Нехай буде съ проса макъ! 2.

* * *

Зловивъ мужикъ сойку,
Жёнка каже шпакъ.
Ой такъ, ой такъ, такъ,
Нехай буде съ сойки шпакъ!

* * *

Зловивъ мужикъ рыбу,
Жёнка каже ракъ.
Ой такъ, ой такъ, такъ,
Нехай буде съ рыбы ракъ!

* * *

Сѣе мужикъ жито,
Жёнка каже гречка.
Ой такъ, ой такъ, такъ,
Най не буде суперечка!

«Мужу жь ты, мôй мужу,
Вчини мою волю:
Потанцюй же гопака,
Та й передо мною!»

* * *

А мôй мужичище
Взявся за бочище:
«Гопъ га! жёнко моя,
Най ся дѣе воля твоя!» —

* * *

«Подивѣтся люде,
Що я учинила,
Що я свого мужика
Научила гопака!»

3.

«Напіймося, кумцю,
Напіймося, любцю!
Напіймося, кумонenько,
Сивая голубко!

* * *

Напіймося нынѣ,
При своей родинѣ;
Завтра не будемо,
Бо ся розôйдемо.

* * *

Ой зъ вершёчка, кумцю,
Ой зъ вершёчка, любцю;
Ой зъ вершёчка, кумонењко,
Сивая голубко!

Половинку, кумцю,
Половинку, любцю;
Половинку, кумоненько,
Сивая голубко!

* * *

Ой до денця, кумцю,
Ой до денця, любцю,
Ой до денця, кумоненько,
Сивая голубко!

* * *

Цы тебе выпити,
Цы тебе вылити?
«Выпій мене до дна,
Бо я того годна!»

* * *

«Нѣ̂ на тобѣ цвѣту,
А нѣ̂ ягôдочокъ,
А нѣ̂ на мнѣ чобôтокъ,
А нѣ̂ сукеночокъ!»

4.

(Паул. II, 91.)

Поки зъ вами бути, треба ся розстати,
Всѣхъ васъ ту притомныхъ треба пожегнати;
Вôдъѣзджаю вôдъ васъ до своего дому,
И кланяюся вамъ зъ особна каждому:
Кланяюся тобѣ, зацный господарю,
И дякую тобѣ за ужитокъ дару;
Нехай Богъ стократне надгородитъ тебѣ,
А по смерти бысь мы були разомъ въ небѣ!

Сли 'мь кого образивъ, то перепрашаю,
Чуле, щире, серце до каждого маю;
Даруйте образы, якй котрый мае,
А самъ нехай въ счастью, здоровью зостае!

* * *

Бувайте здорові, та й не забувайте,
Бувъ я вашь пріятель, все мя споминайте;
Споминайте мене такими словами:
«Бувъ ту добрый хлопець, що ся бавивъ зъ нами!»

5.

Думйтрашку,
Подай флящку
На склянки порожні;
Наливаймо,
Выпиваймо,
Вразъ якъ подорожні.

Хто все выпивае,
Сто лѣтъ най тревае,
Сто лѣтъ цѣлыхъ и веселыхъ,
Сто лѣтъ най тревае!

А хто пофалшуе,
Въ кучи най ночуе,
Сухо, тихо, гараздъ лихо,
Въ кучи най ночуе.

* * *

Николайку,
Наливай-ко,
Зволь до Костантина,
Кость до Ивана,
До Степана
Степанъ до Семена.

Хто все выпивае и проч.

А ты, Юрку,
Покинь люльку,
Пій вино вразъ зъ нами!
А ты, Марку,
Возьми чарку,
Позвонѣмъ склянками!

Хто все выпивае и проч.

(Изъ Угорской Руси.)

6

(Паул. II, 527.)

Видимся во правдѣ всѣ грѣшныи люде,
А коли намъ часъ умирати буде,
Часъ умирати, страхъ помыслити,
А якъ ся намъ приде съ свѣтомъ розлучити;
А якъ приде тота година,
Кедь не есть паленкы, дай вина,
А кедь есть, то давайте, Пане,
Фляшу и другую!

* * *

А чьто я вамъ скажу, милостивый Пане,
Чьто бы то робити, кедь смерть не престане?
Обернимся, и фукнимся, и дупнемъ ногою,
И такъ погрозимся: «Иди, смерте, по полю,
Бо я теперь гостй маю, не до того,
Коли въ мене фляшокъ много,
Фляшокъ на столѣ!»

* * *

А кедь тебе смерть не хочетъ послухати,
Та роскажи ты ей вонъ зъ хаты выгнати:
«Иди, смерте, на невѣрныхъ,
Не наставай на насъ правовѣрныхъ!

Бо мы ёщё хочемъ жити,
Хочемъ щё разъ ѣсти, пити,
То паленку, то винце,
Съ добрыма людми!»

* * *

А вы, вельможный пане господарю,
Не робьте собѣ труды надармо!
Но коль пойдете во пивницу,
Наливайте повны склянкы, ай барилицу,
А принесте намъ ко столу,
А насъ сяде купа долу,
Пониженно и смиренно
Поклонимся вамъ.

* * *

А вы, вельможна панй господинё,
Не кривдите собѣ, же ся въ васъ гостимо,
Але зарѣжьте то ту тлусту гуску,
А принесте намъ ей на закуску;
А якъ вы то уробите,
Намъ ту гуску принесете,
А мы знову зложимъ руки,
Поклонимся вамъ.

* * *

А вы, кочишй, конй запрêгайте,
Хоть 'сте ни чь не ѣли, о то не гадайте,
Але фришно, не по малы, лемъ ся понагляйте;
Бо якъ панъ господарь впаде въ фантазію,
Якъ собѣ выломитъ изъ плота дубову фузію,
Зъ нёвъ почне по насъ стрѣляти,
Ганьба намъ буде всѣмъ утêкати,
Всѣмъ утêкати.

* * *

Лѣпше бы намъ было завчасу ростати,
Во счестью, во здравью, добрый день отдати;

Бо якъ намъ приде часъ умерати,
А на кого мае паленка зостати?
А такъ, братія, все выпіймe годнê,
Выпіймe êщê хоть по еднêмъ;
Бо якъ помреме, то не будеме
Бôльше въ тôмъ домѣ.

(Обѣ отъ Вас. Сухаго, Дяка Краснобродскаго.)

7.

Жива буде душа моя,
И заграютъ еê,
Живы будутъ ноги мои,
Потанцуютъ собѣ.
Спôдсподу, помилуй! 3.

* * *

Ой блудила душа моя
По чужой сторонѣ,
Заблудила душа моя
До чужой жены.
Спôдсподу, помилуй! 3.

* * *

«Пріймы мене, моя мила,
До ложа своего,
И во вѣки не забуду
Живота твоего.
Спôдсподу, помилуй! 3.

(Поютъ Дьячки при пирушкахъ.)

ПѢСНИ ВЕСЕЛЫЯ И ОХОЧІЯ.

г) Бражническія или пьяницкія и корчемныя.

1.

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався,
Кумъ кумѣ виорати брався.
Якъ оравъ, такъ оравъ,
Єще кумѣ пріоравъ,
Съ куминои нивцѣ,
Кумѣ чорнобрôвцѣ.

* *
*

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався,
Кумъ кумѣ заволичити брався.
Якъ волочивъ, такъ волочивъ,
Єще кумѣ заволочивъ,
На куминôй нивцѣ,
Кумѣ чорнобрôвцѣ.

* *
*

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався,
Кумъ кумѣ засѣяти брався.
Якъ сѣявъ, такъ сѣявъ,
Ажъ кумѣ засѣявъ,
На куминой нивцѣ,
Кумѣ чорнобрôвцѣ.

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався,
Кумъ кумѣ и выжати брався.
Якъ жавъ, такъ жавъ,
Поки кумѣ не выжавъ,
На куминоѣ нивцѣ,
Кумѣ чорнобро̂вцѣ. *

* *
*

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався,
Кумъ съ кумою попоѣсти брався,
Якъ ѣвъ, такъ ѣвъ,
Поки кумъ ся не наѣвъ,
Съ куминои мыски,
Въ кумы чорнобро̂вки.

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

2.

Пропивъ мужъ когута, когута,
Жёнка квочку, курчата, курчата:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»
Пропивъ мужъ качора, качора,
Жёнка качку, качата, качата:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* *
*

Пропивъ мужъ гусака, гусака,
Жёнка гуску, гусята, гусята:

* И такъ далѣе: позвозити, вымолотити и смолотити, наконецъ:

«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* *
*

Пропивъ мужъ барана, барана,
Жёнка вôвцю и ягня, и ягня:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* *
*

Пропивъ мужъ и вола, и вола,
Жёнка коровъ и теля, и теля:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* *
*

Пропивъ мужъ и коня, и коня,
Жёнка кобылу и лошя, и лошя:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* *
*

Пропивъ мужъ обору, обору,
Жёнка гумно, стодолу, стодолу:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* *
*

Пропивъ мужъ нецѣта, нецѣта,
Жёнка свиню, пацята, пацята:

«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ стôжокъ, стôжокъ,
Жёнка ступу и млынокъ, и млынокъ:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ скриницю, скриницю,
Жёнка лавку, полицю, полицю:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ и кошѣ и мѣшки,
Жёнка торбы, подушки, подушки:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ долото, долото,
Жёнка сито, решето, решето:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Та пропивъ мужъ и хату, и хату,
Жёнка одёжъ, лопату, лопату:

«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ грунточокъ, грунточокъ,
Жéнка дѣжки, пôвбочокъ, пôвбочокъ:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

А теперь вже битися, битися,
Ни за що напитися, напитися:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ же мы, та порадьмося,
Коли нема за що пити,
То ходѣмъ хлѣба просити!»

3.

Пôдъ зелененькимъ дубкомъ
Пьютъ горѣлоньку кубкомъ,
Тамъ я ся забавила,
Сукману 'мь заставила.

* * *

Прійду я до домоньку,
Буде бити мужонько:
«Не бій мя, мужу, въ ночи!
Не выбивай чорны очи!

* * *

Буде завтра бѣла днина,
Будешь бити, сли 'мь провинила;
А може си помѣркуешь,
Та менѣ подаруешь.»

4.

Кобы пити, кобы пити,
Кобы ся не впити;
Кобы знати, що сказати,
Та й поговорити.

* *
*

А учера изъ вечера,
Где туча не била,
Тамъ родина съ родиною
Горѣлоньку пила.

* *
*

Ой родина съ родиною,
И братъ изъ сестрою:
Лѣпше бъ було, краще бъ було,
Якъ мужъ изъ женою.

5.

(І, 527; Паул. II, 90.)

Полетѣла зазуленька въ горы зимовати,
Кажутъ люде, що я пьяный, треба ити спати.
Не буду ся потыкати,
И никому заважати;
Не пропивъ чужое,
Але власне свое.

* *
*

Сусѣдоньки, сусѣдоньки, чомъ обмовляете?
Або жь то вы горѣлоньки вже не пиваете?
Ще гôрше ся впиваете,
По улицяхъ валяете,
А я хоть напьюся,
То не валяюся!

Розумоньку, розумоньку, то 'сь ми помылився,
Хоть бы я радъ що робити, теперь емъ 'напився!
Мова ми ся измѣнила,
И голова похилила;
Треба ити спати,
Буде вже гуляти!

* *
*

Не жаль менѣ напоити доброго сусѣду,
Абы мене хоть спомянувъ, якъ до гробу пôду;
Зъ милымъ братомъ любивъ емь ся,
Не разъ, не два, напивъ емь ся;
Дай му, Боже, неба,
И памъ того треба!

6.

(Паул. II, 83.)

Бью въ келишокъ, въ кватырочку: брень, брень, брень!
Буду пивъ горѣлку, ажь буде день, день, день.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

* *
*

Ой маю я батенька, гроши принесе;
Вже батенько иде, и грошій не несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

* *
*

Ой маю я матеньку, гроши принесе;
Вже матенька иде, и грошій не несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

Ой маю я братенька, гроши принесе;
Вже братенько иде, и грошій не несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

* * *

Ой маю я сестроньку, гроши принесе;
Вже сестронька иде, и грошій не несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

* * *

Ой маю я миленьку, гроши принесе;
Вже миленька иде, и мѣхъ грошій несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

7.

(Паул. II, 86.)

Гей, пивъ же я въ недѣлю,
Пропивъ же я всю надѣю,
Съ тобою, погуляночко,
Съ тобою, закоханочко:
Ни чого жь ми не жаль!

* * *

Та пивъ же я въ понедѣлокъ,
Пропивъ же я мой присѣвокъ,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

* * *

Та пивъ же я вô второкъ,
Пропивъ же я волôвъ сорокъ,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

Та пивъ же я и въ середу,
Пропивъ же я всю череду,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

* * *

Та пивъ же я въ и четверь,
Пропивъ же я все теперь,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

* * *

Та пивъ же я и въ пятницю,
Пропивъ же я и свѣтлицю,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

* * *

Та пивъ же я и въ суботу,
Пропивъ же я всю работу!
Съ тобою, погуляночко, и проч.

8.

(Паул. II, 84.)

Поки чули бочуленьку на моéй оборѣ,
Додавали медъ, горѣлку, фляшками до волй:
Орендарь, нашь отець, мати,
Каже намъ ся напивати:
«Помогай, Бôгъ! Сядь собѣ,
Хочь, горѣлки дамъ тобѣ,
Напiйся зъ людьми!»

* * *

Якъ не стало бочуленьки на моéй оборѣ:
«Иди собѣ, пяниченько, зъ корчмы до дому!»

А я зъ корчмы дыбуль, дыбуль,
Взяли собѣ бочуль, бочуль,
Иншои нема, иншои нема!

* *
*

Приходжу я до домоньку, жёнка, дѣти плачуть,
Жёнка, дѣти плачуть, бочулй не бачуть:
«Плачьте, дѣти, плачьте,
Бочулй не бачьте!
Плачьте, дѣти, ревне,
Чей орендарь бочулю верне!

* *
*

Ой пôду я, ой пôду я, на Жидôвску обору,
Возму я си бочуленьку до своёго дому;
Мене Жиды злапали,
За чуприну торгали:
«А на жь тобѣ, дурный гой,
Ты поламавъ сабасъ мой!
А на тобѣ, дурню, хрупю,
Я ще зъ тебе кожухъ здôйму,
Такъ тобѣ треба!

9.

(Паул. II, 85.)

Стоитъ корчма надъ болотомъ,
Непошита околотомъ:
«Ты, корчмонько, судотине!
Въ тобѣ то вся праця гине:
Та вже бы 'мь тя злотомъ побивъ,
Тôлько 'мь працй въ тобѣ пропивъ!
Пропивъ вôвцй въ полонинѣ,
Тысменицю въ половинѣ,
Ще маю въ Бозѣ надѣю,
Що пропью мѣсто Отынѣю!

10.

(Вацл. изъ Олеска 7; II, 526.)

Лашка моя потѣха, погарикъ радостей,
Никого ся ничь не бою, токмо съ высокости;
Арендаръ, мой отецъ, мати,
Не каже ся ничь старати,
Что намъ по журбѣ.

* * *

Карчмарочка добрѣ знае, что мнѣ спотребно,
Повны лашки наливае, хотя и не требно;
Каже пити, не журити,
Головоньки не смутити,
Что день по галбѣ.

* * *

Счастливый е тотъ человѣкъ, хто пie паленьку,
Бо онъ прійде и до дому, та побіє женку;
Будь якъ серце жаждивое,
Въ каждой рѣчи зычливое,
А не лай мене!

* * *

Бо уже ми е не мало, же не е паленки,
Най уже коровице ведутъ до Жидôвки:
«Ахъ, мôй милый арендарю,
Забери си, что я маю,
А дай паленки!»

ОПЕЧАТКИ

III-й части.

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Читайте:*
7	1	стой	стой, коню
16	2 и 8	Немирова	Немировна
17	23	тонь	то мь
21	24	въ Варшавю	въ Варшавѣ ю
26	28	матусю, матусенько,	Марусю, Марусенько,
—	29	Марусю, Марусенько.	матусю, матусенько,
29	17	I, 82)	I, 225).
31	30	си	еи
34	4	ся се	се-ся
—	8	маюмь	мало'мь
35	5	Опыпь	Осыпь
—	9	Кулимнюковъ	Кулимнюковъ
—	10	волу	полу
37	18	Одовійку	Одовійку
—	20	Развпрегъ	Розпрегъ
37	8	да	до
56	11	тото	тота
59	2	Штелюкъ	Штолюкъ
—	24	на пустаю,	на стаю,
63	10	скалатыла,	сколотила,
69	16	Товаршй	Товариши
85	4	(Т. I, 134).	(Т. I, 135).
89	18	помоги	помочи
99	5	сь,	ся
—	16	бы сьмы	бъ мы
101	15	колижь мой	коли жь ты мой
106	15	нэ пличе	на плече
111	21	самаго	самого
112	9	поробочки	паробочки
112	16	Четвыртый	Чствертый
—		После 20-й строки прибавить:	Якъ мы будемъ, Цѣсароньку, Ту полову ѣсти, То мы будемъ на войноньку Якъ ти жабы лѣзти.

Стран.	Строка.		
118	14	напастря	напатря
122	15	годиница	годиниця
142	24	зачерпати	зачерати
—	25	Брате	Братье
143	1	Брате	Братье
147	6	мураковъ	муравковъ
—	19	сходжу	сходу
—	22	бурю	бору
149	7	квитирочку	кватирочку
—	19	моя	мя
150	11	хлѣба	хиба
154	17	мусить	мучитъ
157	1	фрусайся	фрасуйся
159	27	Плавала я	Плакала я по
162	14	Волоцѣговъ	Волоцюговъ
163	3	Не	На
—	10	весёлье	весёлью
166	11	Ена	Е на
167	3 и 4	Не радовала съ ся матки, Сгубила 'съ вѣнокъ	Не радила 'съ ся матки. Сгубилась вѣнокъ, 2,
169	14	Седѣлю	Недѣлю
170	26	ни	не
178	29	вогорѣла	догорѣла
179	15	якеесь	якесь
191	16	деренъ	теренъ
193	10	чего, чего,	чего
—	25	бѣ	бы
194	31	Вжи мь мое	Вже мое
—	32	отѣе!	отгрѣе!
198	1	ожди, мати, ожди	жди, мати, жди
—	13	щастіе	щастье
201	11	заблыщали	заблыщали
212	27	боднарине	боднариня
214	12	подворы	подворьѣ
221	9	моледенькін	молоденькій
223		кажеть	кажѣть
—	25	песь	иесъ
225	2	есть ьукурузы,	Ѣсть кукурузы,
237	8	набала!»	набила!»
241	6	Посла	Пасла
245	20	ночь	почь
269	14	ю	не
277	2	довлядала,	доглядала,
287	1	трунку	трунву

Стран.	Строка.		
—	23	Да й	Най и
312	3	На що жь те	На що 'сьте
324	2	Могорочися	Могорочится
331	12	любить и	любити
341	15	дуфую	дуфаю
342	16	кружъ	круть
348	17	стрѣшѣ	стрѣсѣ
361	16	ся	я
362	12	смучни.	смучи.
367	14	миленькимъ,	тихенькимъ,
371	20	Спомянути	Спомяну тя
375	1	Хиба ы	Хиба бы
381	22	лисиця,	ласиця,
382	22	мужъ	слюбъ
383	20	Плавати	Плакати
—	24	непогода.	недогода.
386	7	года,	годы,
406	7	ште	што
410	7	А	Я
—	17	бочкуры,	бочкоры,
425	14	алатый	златый
439	9	роскошу	роскоши
446	9	Поважь,	Покажь,
448	5	потогай	помагай
450	1	Волюся наѣсти	Волѣю я наѣстися
—	5	Волюся напити	Волѣю я напитися
—	9	Волю ся выспати	Волѣю я выспатися
—	22	волёмъ,	волёвъ,
451	21	Яку жь му, мати,	Яку жь ему, моя мати,
452	6	кирницй	кирниць
—	9	Ой якъ	Ой та якъ
445	25	те	тя
460	14	Квасеньку,	Ивасеньку,
475	1	шукала.»	блудила.»
477	8	все	се
478	3	твои	мои
478	14	мене	менѣ
503	17	Ой	О
523	17	коровице	коровицу.